

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

Л. А. Обушенкова

КОРОЛЕВСТВО
ПОЛЬСКОЕ

в 1815-1830 гг.

*Экономическое и социальное
развитие*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1979

В книге рассказывается об экономическом развитии Королевства Польского периода автономии в 1815—1830 гг., дается краткая история создания новых отраслей промышленности, развития сельского хозяйства и оживления внутренней торговли, строительства путей сообщения и организации профессионального обучения, показывается процесс оформления классов буржуазного общества. Впервые публикуются архивные данные о характере польско-русских торговых отношений.

Ответственный редактор

И. С. МИЛЛЕР

Введение

1815—1830 гг. представляет собой важный период в жизни польского народа вообще и в развитии социально-экономических отношений в частности. С формальной точки зрения эти хронологические рамки заключали в себе период автономного существования Королевства Польского от момента его образования по решению Венского конгресса до начала национально-освободительного восстания в 1830 г. В первые, конституционные, годы польские власти имели возможность определять в основном направление социально-экономической политики, реально обладая административной властью и денежными ресурсами. (На протяжении XIX в. подобной ситуации больше не возникало. Краткий период ограниченной автономии в 1861 г. несравним ни по масштабам мероприятий, ни по их последствиям). Поражение восстания 1830—1831 гг. привело к установлению в Королевстве Польском фактически неконституционного режима и тем самым сковало инициативу местных государственных деятелей, лишило их возможности влиять на ход экономического развития. Одновременно царское правительство изменило таможенный тариф, отказавшись от покровительственной системы по отношению к польской промышленности.

Экономические процессы, бурно протекавшие в первые полтора десятилетия существования Королевства Польского, вобрали в себя как бы две струи. Они во многом опирались на достижения периода Просвещения, реформ Четырехлетнего сейма в Речи Посполитой во второй половине XVIII в., а также Княжества Варшавского в начале XIX в. С другой стороны, многие экономические процессы несли в себе зародыши и признаки нового качества, что подготовило переход к новой, капиталистической фазе развития. Характер развития промышленности и сельского хозяйства, специализация районов, некоторые

© Издательство «Наука», 1979 г.

О 10603—242 96—79 0504030000
042(02)—79

демографические процессы в определенном смысле получили направление в 20-е годы XIX в. После поражения восстания польская экономика, особенно промышленность, попала в неблагоприятные условия, но начавшийся процесс развития внешние факторы уже не могли остановить.

В истории социально-экономического развития 1830 г. — лишь формальная веха, но выбор этой даты как конечной цезуры исследования оправдан, поскольку экономическое развитие в последующее время протекало при отсутствии государственной поддержки.

Выбор данного периода диктовался также тем, что он сыграл определенную роль в укреплении экономической основы формирующейся польской нации, ибо в 20-е годы шел быстрый процесс проникновения капиталистических отношений в промышленность Королевства Польского, произошли определенные сдвиги в социальной структуре, так как по мере развития капиталистических отношений ускорялись темпы разложения старой феодальной сословной структуры и выделения классов и социальных групп нового буржуазного общества. Указанный период в истории польского народа имел большое значение и в плане развития национального самосознания — одного из условий цементирования нации, особенно важного после разделов Речи Посполитой. Экономические успехи, достигнутые в 1815—1830 гг., содействовали упрочению идеологического обоснования жизнеспособности нации, несмотря на раздробленность польской этнической территории и отсутствие независимого государства.

Наш подход к изучению генезиса капиталистических отношений в специфических условиях Польши определяется положениями, разработанными в исследованиях К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по проблемам исторического процесса перехода от феодализма к капитализму и генезиса капиталистических отношений, развития капиталистических форм в промышленности, внутреннего рынка, формирования капиталистических аграрных отношений, капиталистической эволюции крестьянства, формирования рабочего класса и буржуазии и т. п.

Тема экономического и социального развития польских земель, в частности Королевства Польского, не относится к разряду неизученных. Литература вопроса весьма обширна, но специальных работ об экономическом

и социальном развитии Королевства Польского в 1815—1830 гг. пока еще нет.

Историография межвоенной Польши накопила обширный фактический материал о состоянии и развитии сельского хозяйства, промышленности, внешней торговли, экономической мысли, внутренней политике польских властей. В работах современных польских и советских исследователей, посвященных проблемам социально-экономического развития Королевства Польского, содержатся анализ и обобщение известных данных и вводится в научный оборот новый материал. Марксистская концепция периодизации истории Польши была разработана в «Истории Польши», подготовленной Институтом славяноведения АН СССР¹. Проблемы периодизации находятся в центре внимания «Истории Польши», изданной Институтом истории ПАН, и ряда других обобщающих трудов². В настоящее время в марксистской историографии разработана в общем единая концепция социально-экономического развития Королевства Польского.

Анализу переходного от феодализма к капитализму периода на польских землях, а именно на этой стадии находилось Королевство Польское в рассматриваемый период 1815—1830 гг., польский исследователь В. Куля посвятил небольшую, но весьма ценную проблемную работу «Формирование капитализма в Польше». Куля наметил и охарактеризовал основные проблемы развития капиталистического способа производства на польских землях. Он сформулировал ряд тезисов о воздействии на развитие капиталистических отношений на польских землях экономических перемен, происшедших в Речи Посполитой в период Просвещения. В частности, он считает, что наиболее устойчивые изменения произошли в соотношении классовых сил, в расслоении сословий феодального общества.

В центре внимания исследования В. Кули — обоснование ряда положений о характере экономических последствий разделов Польши, выявление своеобразия пути развития капиталистических производственных отношений в условиях политической раздробленности. Постановка В. Кулей узловых проблем переходного периода: о значении нарушения политического единства польских земель, особенностях формирования общенационального рынка, в том числе рынка наемной рабочей силы, о характере

экономических связей между отдельными частями польской территории и др. во многом определила направление последующих научных поисков.

В. Куля рассмотрел вопрос о капиталистических преобразованиях в сельском хозяйстве и промышленности в первой половине XIX в., проанализировал особенности развития капиталистической промышленности в отсталой стране, какой было Королевство Польское, обратил внимание на развитие процессов специализации районов. Работа Кули, в которой сфокусированы основные вопросы переходного периода, носит обобщающий характер, намечает основные проблемы для дальнейшего углубленного анализа, поэтому с упоминания о ней начат общий обзор польской литературы. Ниже сделана попытка, не претендуя на всеохватывающий анализ, дать общий обзор проблем, затрагиваемых в литературе.

Проблемам развития сельского хозяйства посвящены работы многих историков довоенной Польши и ПНР³. В работах довоенных историков З. Киркор-Кедронева, В. Грабского и Ч. Стшешевского накоплен богатый фактический материал, который используют и современные исследователи. Материалы довоенных историков ценны тем, что они пользовались архивными документами, погибшими во время второй мировой войны. Концептуальная сторона этих исследований намного слабее, ибо некоторые из них часто предпочитали ограничиваться фактологическим изложением материала (Киркор-Кедронева), часть проявляла тенденциозность в подборе и характеристике фактов (В. Грабский). Поскольку в настоящей работе широко использован фактический материал из этих исследований, представляется оправданным несколько более подробный обзор ряда работ.

Две книги, посвященные проблемам сельского хозяйства, принадлежат перу В. Грабского («История Земледельческого общества», 1904 г., т. I—II и «История деревни в Польше», 1929 г.). Двухтомная работа по истории Земледельческого общества начинается с периода, предшествовавшего его образованию. В ней имеются разделы, посвященные организации сельскохозяйственного производства, делается упор на моменты, свидетельствующие о развитии прогрессивных методов в земледелии и животноводстве. Более общий характер носит «История польской деревни», в которой даны обобщающие сведения о катего-

риях крестьян, их материальном положении, о процессах очиншевания, особенно в национальных имениях. Автор пишет о трех группах районов, уже в 1810 г. отличавшихся по характеру аграрных отношений. В одной было больше безземельных крестьян, в другой — малоземельных, в третьей — обе эти группы были представлены в равной степени.

Современные исследователи аграрной истории Польши подвергают серьезной критике работы В. Грабского за содержащуюся в них апологетику польских помещиков, за то, что он переоценивал уровень технической оснащенности и организации сельского хозяйства⁴.

Исследование Киркор-Кедронева «Крестьяне и крестьянский вопрос в организационный и конституционный период Королевства Польского», изданное в 1912 г., представляет собой фундаментальный труд, основанный на тщательном просмотре и анализе первоисточников: статистических данных за 1810 и 1827 гг., анкет 1814 г. и других материалов. В книге даны подробные сведения об уровне развития сельского хозяйства и положении сельского населения, главным образом крестьян. Автор дает описание категорий крестьянских хозяйств в зависимости от размеров обрабатываемой ими земли и характера взаимоотношений с землевладельцами.

Приведенные в книге статистические таблицы отражают изменения, происшедшие в соотношении категорий крестьян в разные периоды и на территории различных воеводств. При описании положения крестьян учтены все стороны их быта: доходы с обрабатываемого участка земли, цены на зерно, обеспеченность рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем, виды и размер налогов, прожиточный минимум. Особо уделено внимание правовому положению крестьян, компетенции местных властей — гминных войтов, состоянию начального образования, количеству сельских школ. Основной вывод автора из анализа развития крестьянских хозяйств — неуклонный рост числа безземельных и малоземельных крестьянских хозяйств, дробление земельных участков в национальных имениях. В меньшей степени затронут вопрос об эволюции помещичьих хозяйств, причем отмечается тенденция к расширению фольварков.

В книге Киркор-Кедронева собраны многочисленные сведения об уровне сельскохозяйственной культуры в це-

лом по Королевству Польскому и по каждому воеводству в отдельности. В частности, даются следующие показатели: соотношение государственных и частных земельных площадей, площадь пахотной земли и ее процентное отношение к общей площади воеводств, процент лугов, лесов и залежных земель, урожайность зерновых культур и сбор сена по воеводствам, обеспеченность рабочим и молочным скотом.

Специально рассматривается вопрос об изменении численности сельского населения. Показав изменение плотности населения в каждом воеводстве в течение 10—20-х годов XIX в., автор убедительно аргументирует причины происходящих изменений, ставя их в зависимость от уровня развития сельского хозяйства и аграрных отношений в каждом данном воеводстве или группе воеводств.

Фундаментальный характер носит работа Ч. Стшешевского «Сельскохозяйственный кризис на землях Княжества Варшавского и Королевства Конгрессового 1807—1830». Особое внимание уделено в ней вопросам сельскохозяйственного потребления и сбыта. Выводы книги во многом опираются на данные Киркор-Кедроневой и Грабского, например, по вопросам прогресса земледельческой культуры, роста сельскохозяйственной продукции, налогов. Но проблемы, являющиеся непосредственным объектом исследования автора, решаются на основе скрупулезного анализа первоисточников. Статистические таблицы, составленные автором, в свою очередь служат источником для современных исследователей. Ч. Стшешевский рассмотрел вопрос об экономических условиях сельскохозяйственного производства и сбыта: рост городского населения, экспортные возможности, организацию сбыта, условия коммуникации. Он проанализировал внутреннюю политику польских государственных властей с точки зрения улучшения возможностей сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции, ее влияния на состояние внутреннего рынка. Однако при анализе причин сельскохозяйственного кризиса Стшешевским упущен самый существенный момент: господство феодальных производственных отношений.

Книга снабжена составленными автором статистическими таблицами, отражающими рост сельскохозяйственного производства в 1811, 1822, 1824 и 1827 гг., объем внутреннего потребления сельскохозяйственных продук-

тов, цены на продукты питания в Королевстве Польском и Гданьске, локальные среднемесячные цены в каждом воеводстве и в отдельных городах в 1820—1830 гг.

Ряд других авторов в той или иной степени затрагивают проблемы развития сельского хозяйства в Королевстве Польском.

Так, прогрессивный историк Х. Грынвасер («Аграрный вопрос и крестьянское движение в Королевстве Польском в первой половине XIX в. (1807—1860)») в основном освещает вопросы, касающиеся положения крестьян, их позиции по отношению к помещикам и властям, и рассматривает отношение к крестьянскому вопросу государственных и общественных деятелей. В связи с этим автор более подробно останавливается на характеристике преобразований, проводившихся в государственных имениях. Особое внимание он уделит освещению региональных особенностей в развитии аграрных отношений в северо-западной и юго-восточной областях Королевства Польского.

Современные польские историки наряду с продолжением конкретных исследований решают проблемные вопросы, связанные с выявлением особенностей и периодизацией процесса развития капитализма в сельском хозяйстве Королевства Польского.

В современной польской историографии дискутируется вопрос о степени проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство Королевства Польского в первой половине XIX в., о процессе так называемого первоначального накопления. А. Гродек на VIII съезде польских историков выступил с тезисом, что в конце XVIII — первой половине XIX в. сгон крестьян с земли, их обезземливание не имели ничего общего с первоначальным накоплением, что расслоение деревни имело феодальный, а не капиталистический генезис⁵. Его поддержал Ю. Хмура⁶. Большинство исследователей, изучающих аграрные проблемы в Королевстве Польском, считают это преувеличением. Историки в сгоне крестьян с земли, в захвате их земель фольварками, а также в улучшении фольварочных земель путем регуляций видят своего рода первоначальное накопление, связывают их с генезисом капиталистических отношений в сельском хозяйстве⁷.

Среди конкретных исследований следует выделить работу Е. Бродовской по истории Грубешовского земледельческого общества («Анализ характера землевладения и

землепользования, взаимоотношений членов общества, их деятельность и быт»).

Нашли свое отражение в специальных монографиях проблемы механизации сельского хозяйства, деятельность агрономических обществ, организация образцовых хозяйств (Ю. Бартысь. «Начало механизации польского сельского хозяйства»; Гжималовский, Хожевский. «Производство сельскохозяйственных машин и орудий труда») и др.

Итак, историки межвоенного периода, выявив обширный фактический материал о развитии сельскохозяйственного производства и положении крестьян, не ставили перед собой задачи исследования всего комплекса вопросов, связанных с особенностями развития сельского хозяйства в первой трети XIX в. Над такими проблемами, как изучение механизма перехода в деревне от феодальных производственных отношений к капиталистическим, эволюция фольварка, рост наемного труда, рост ориентации сельскохозяйственного производства на рынок, работают современные польские историки. Изучение осложняется отсутствием фактического материала, поэтому имеет значение каждый новый факт.

История развития промышленности в Королевстве Польском изучена более детально, чем сельское хозяйство. Фундаментальные труды, в которых были обобщены достижения предшествующих лет, а также введен в оборот новый обширный фактический материал, разработана аргументированная периодизация стадий промышленного развития, издаются в послевоенный период. Появились также монографии, посвященные развитию отдельных отраслей промышленности и промышленных областей⁸.

В. Куля в двухтомном аналитическом исследовании о мануфактурах в Речи Посполитой в XVIII в. детально описывает историю возникновения и развития мануфактур и, что особенно важно, разрабатывает методологию исследования. Куля вскрывает взаимосвязь между возникновением мануфактур и изменением положения крестьян, а также формированием внутреннего рынка. Автор рассматривает вопросы о происхождении капитала у владельцев мануфактур, источниках инвестиций, размещения мануфактур.

Фундаментальный труд по истории развития промышленности в Королевстве Польском принадлежит Н. Гон-

сёровской. Монография Гонсёровской представляет собой многолетнее кропотливое исследование, основанное на анализе большого круга источников. В одной книге, изданной в 1965 г., собраны отдельные работы, подготовленные автором в разное время. Для настоящей работы большой интерес представляют разделы по истории развития горной промышленности и металлургии. В них подробнейшим образом освещены различные стороны протекционистской политики польских властей, направленной на стимулирование развития отечественной промышленности; дискуссии в Сенате о пользе развития горной промышленности, деятельность фабричных секций, порядок государственного финансирования предприятий, условия, предоставляемые иммигрантам, иммиграционные процессы, источники наемной рабочей силы внутри страны, условия сбыта промышленной продукции; дано также подробное описание хода работ по восстановлению заброшенных и созданию новых шахт и промышленных предприятий.

Дополнительный материал о развитии металлургии в Королевстве Польском можно почерпнуть из книги Паздура «Металлургические предприятия в Бялогоне. 1614—1914».

Истории развития текстильной промышленности посвящен ряд исследований. Очерки К. Байера «Текстильная промышленность на польских землях с начала XIX в. до 1939 г. Экономико-исторический очерк» охватывает все отрасли текстильной промышленности. В них сначала дается описание текстильной промышленности Королевства Польского по отдельным отраслям: шерстяной, льняной и хлопчатобумажной. Затем конкретно освещается история развития текстильной промышленности в Мазовецком и Калишском воеводствах.

Детальнейшим образом исследован вопрос о зарождении Лодзинского текстильного района в книге Г. Миссоловой «Исследование о возникновении Лодзинского текстильного района». Автор подробно изложила планы создания центров текстильного производства в Мазовецком и Калишском воеводствах, в том числе и в Лодзинском районе. В книге даны характеристика имущественного положения иммигрантов, классификация приезжавших ремесленников по профессиям. Значительное место отведено показу процесса образования централизованных мануфактур: вскрыты причины разложения цехов, подчинения

мелких товаропроизводителей торговому капиталу, способы организации рассеянной мануфактуры, пути образования централизованной мануфактуры.

Г. Миссалова приводит подробные данные о создании и функционировании текстильных предприятий в двух воеводствах. В книге имеются сведения об организации отдельных процессов — прядении и ткачестве, приводятся цифровые показатели, характеризующие степень механизации отдельных процессов и уровень производительности труда. Автора интересовала также такая проблема, как организация и эффективность торговли изделиями текстильной промышленности. Уделено было внимание причинам демографического роста в Мазовецком и Калишском воеводствах, причинно связанного с возникновением там новых центров текстильной промышленности.

В книге А. Рынковской «Хозяйственная деятельность властей Королевства Польского на территории промышленной Лодзи в 1821—1831 гг.» содержатся данные о развитии текстильной промышленности в Мазовецком и Калишском воеводствах. Т. Лэпковский в книге «Варшавская промышленность (1815—1868)» приводит данные о ремесленных мастерских и мануфактурах в Варшаве. На основании их анализа он пришел к выводу о том, что в рассматриваемый период существовало три типа мануфактур: 1) расширенная мастерская, отличавшаяся от обычной значительно большим числом занятых рабочих; 2) «обычная» капиталистическая мануфактура; 3) мануфактура, на которой применение паровой машины ограничивается вспомогательными либо только несколькими операциями.

Проблемы развития промышленности в Королевстве Польском в 1815—1830 гг. нашли отражение во всех обобщающих трудах по истории Польши XIX в. На первом месте стоит вопрос о периодизации. Общепринятой является точка зрения о развитии мануфактурного периода с 20-х годов XIX в. Некоторые разногласия существуют в связи с датировкой его завершения. За конечную дату принимаются либо 40-е (Т. Лэпковский, И. Костровицка, З. Ландау), либо 50-е годы (Ю. Лукашевич, Р. Колодзейчик, Р. Градовский).

В. Куля говорит о скачках в развитии промышленности, считая, что в 20-е годы произошел второй скачок (первый — в конце XVIII в., третий — около 1880 г.) и

что каждый из них прерывался. Я. Гурский приходит к более оптимистическому выводу. Его мнение сводится к тому, что к концу 20-х годов на территории Королевства Польского появляются элементы роста без поддержки извне, т. е. самофинансирование промышленности. Об этом свидетельствуют активизация частной инициативы, возникновение многочисленных частных предприятий в тех отраслях, на которые распространялась государственная поддержка, развитие оптовой и розничной торговли, развитие ремесла не только в центре, но и на окраинах.

Долгое время, с конца XIX в., был дискуссионным вопрос о том, не являлась ли промышленность Королевства Польского привнесенным явлением, обусловленным наличием внешних, главным образом русского, рынков, что внутренних условий для развития промышленности не было⁹. Эта позиция подвергалась критике современников¹⁰. В настоящее время эта точка зрения не имеет сторонников¹¹. В обобщающих трудах и конкретных работах по истории промышленности господствует мнение о наличии внутренних условий для развития польской промышленности. В настоящее время продолжают исследоваться по истории развития ее отдельных отраслей.

Исследователи, занимавшиеся проблемами экономической истории Королевства Польского в начальный период его существования, неизбежно затрагивали вопрос об особенностях первоначального накопления. В работах В. Кули, Р. Колодзейчика, Е. Едлицкого и других поднимались вопросы о хронологических рамках периода, формах, источниках и факторах первоначального накопления, о моментах, оказывающих тормозящее воздействие на этот процесс. Причем рассматривались обе его стороны: отрыв непосредственных производителей-крестьян от средств производства и накопление капитала в денежной и вещественной форме в промышленности и в сельском хозяйстве. Ставя проблему в общем плане, польские исследователи рассматривают конкретные проявления этого процесса в Королевстве Польском в первой половине XIX в.

Проблема формирования внутреннего рынка также находится в стадии изучения. В литературе обсуждается вопрос о путях подхода к рассмотрению различных аспектов этого процесса, но конкретных исследований пока еще нет.

Внешней торговле Королевства Польского посвящено фундаментальное исследование Ч. Стпешевского «Внеш-

няя торговля Конгрессового Королевства (1815—1830)»¹². Оно имеет тем большую ценность, что книга написана на основе анализа компактного комплекса источников, погибшего во время второй мировой войны. Поэтому работа Стшешевского для современных исследователей является не только научным трудом, но и своего рода первоисточником для изучения многих аспектов торгово-экономических отношений Королевства Польского с другими странами.

Начинается книга с анализа условий внешней торговли Королевства Польского в свете международного обмена с учетом изменившейся обстановки после окончания наполеоновских войн и подытожившего их результаты Венского конгресса. Затем автор перечисляет центры производства экспортной сельскохозяйственной продукции в Королевстве Польском (центры производства пшеницы — Краковское, Сандомирское и Люблинское воеводства), рассматривает вопрос о емкости внутреннего рынка сбыта для заграничных товаров, который был весьма узок.

Подробно представлена в книге структура торгового обмена Королевства Польского с соседними странами до введения нового тарифа в 1822 г. Большое внимание уделено характеристике политики правительства по вопросам внешней торговли и, в частности, проблеме международных варшавских ярмарок, характеру таможенной системы, ее взаимодействию с протекционистской линией по отношению к отечественной промышленности. В связи с этим Стшешевский более подробно останавливается на комплексе мероприятий, проведенных по инициативе Любецкого.

Центральное место в монографии занимает проблема эволюции внешней торговли Королевства Польского. Детальным образом прослеживается кривая изменений объема экспорта и импорта, сопоставляются торговые обороты Королевства Польского с соседними странами, анализируются торговые балансы 1815—1830 гг. Автор ставит вопрос о причинах изменения внешнеторговых оборотов. Он подчеркивает, что в Королевстве Польском сохранялось много черт натурального хозяйства и поэтому решающим фактором экономического развития являлся рост населения. Но развитие внешней торговли опережало рост населения. Автор приходит к выводу, что причину изменений внешнеторговых оборотов Королевства Польского

следует искать в переменах в области производительности труда внутри страны. Книга Стшешевского богато иллюстрирована таблицами, отражающими состояние цен и объем товарооборотов за отдельные годы с Россией, Австрией, Пруссией и Краковом. В общей сложности имеется около 30 таблиц. К сожалению, автор детально не изучал историю торговых отношений с Россией, которые в 20-х годах XIX в. приобрели решающее значение в торговых оборотах Королевства Польского.

Книга современного исследователя А. Езерского «Внешняя торговля Королевства Польского. 1815—1914»¹³ охватывает большой период времени. Предмет исследования автора — внешнеэкономические условия возникновения капиталистической промышленности. Выводы по периоду 1815—1830 гг. он делал на основании данных Стшешевского. В соответствии с общими задачами книги в разделах, посвященных первым годам существования Королевства Польского, много внимания уделено условиям экономического развития после Венского конгресса и таможенной политике.

Критические замечания на книгу А. Езерского связаны с оценкой автором роли внешних рынков в развитии экономики и торговли Королевства Польского сразу же после 1815 г. И. Петшак-Павловска исходит из весьма сомнительного тезиса об отсутствии у соседних с Польшей государств развитых внутренних рынков, из того, что эти государства до 30-х годов XIX в. не проводили последовательной экономической политики. Поэтому она считает, что А. Езерский преувеличивает степень ориентации польской экономики на внешние рынки¹⁴.

Детально исследуется в монографиях и статьях довоенных и современных польских исследователей экономическая мысль в Королевстве Польском в первой половине XIX в.¹⁵ Многотомное издание А. Краусхара «Королевское общество друзей наук. 1800—1832» может служить источником по общественной мысли данного периода. В нем в хронологической последовательности излагается ход заседаний различных секций общества. Текст содержит много цитат из докладов и письменных рефератов, часть выступлений излагается в конспективной форме. Отражены дискуссии по различным вопросам экономической и культурной жизни Королевства Польского.

Е. Михальский в 1953 г. издал книгу по истории Общества друзей наук, в которой он обобщил и проанализировал материал, изданный Краусхаром. Автор также придерживался хронологического, а не тематического принципа изложения материала. Тем не менее экономические сюжеты в деятельности общества легко прослеживаются по книге Михальского.

Специально экономическим мотивам в деятельности членов Общества друзей наук посвящена статья Я. Гурского «Варшавское общество друзей наук и польская экономика 1800—1830». Затронутые в статье вопросы были развиты автором в книге «Польская экономическая мысль и экономическое развитие. 1807—1830. Изучение вопроса об истоках теории экономической отсталости». Автор рассматривает польскую экономику указанного периода как экономику слабо развитой страны. Вначале показаны экономические трудности, с которыми столкнулись польские земли после разделов Речи Посполитой.

Затем охарактеризована позиция различных группировок помещичьего класса и мещанства по вопросу о характере экономических преобразований. Особому анализу автор подвергает позицию Любецкого. Показана позиция интеллигенции и ремесленников. Предметом дальнейшего исследования является проблематика экономического развития в экономической мысли Королевства Польского, вопрос о соотношении уровня развития капиталистических отношений и экономических теорий, имевших наибольшее распространение в данный период.

Анализ польской экономической мысли первого тридцатилетия XIX в. приводит автора к следующим выводам: 1) положительная программа польских экономистов предусматривала путь развития капиталистических производственных отношений; 2) элементы мелкобуржуазной критики капитализма являлись результатом влияния, которое на польских экономистов оказывало мелкобуржуазное окружение. В то время в Королевстве Польском еще не было условий для возникновения сознательной антикапиталистической мелкобуржуазной идеологии. В Королевстве Польском еще не выкристаллизовалось демократическое течение. Реакционное течение в польской экономической мысли также появилось после восстания 1830 г.

Внутренней политике польских государственных органов в 1815—1830 гг. посвящено несколько работ и статей.

Особенное внимание буржуазных исследователей привлекала политика Ф. К. Друцкого-Любецкого¹⁶. Работа С. Смольки «Политика Любецкого до ноябрьского восстания» состоит из двух частей. В первой дано последовательное изложение преобразований, проведенных под руководством Любецкого. Во второй помещены исследования по отдельным аспектам деятельности Любецкого: таможенная политика и заключение торговых договоров с Россией, Пруссией и Австрией, а также реформа финансов. Смолька подробно излагает все перипетии внешнеторговых отношений. Этот фактический материал впоследствии был дополнен Стшешевским.

Так же подробно на всех сторонах социально-экономической деятельности Любецкого останавливается в своей работе «Экономическая политика Любецкого» М. Айзен. Он выделяет следующие направления его политики: реформу финансов, заключение торговых договоров с Пруссией, Австрией и Россией, попытки оживить внутреннюю торговлю. Айзен больше внимания, чем Смолька, уделяет вопросам создания кредитно-денежной системы. В целом обе работы содержат систематизированный фактический материал.

Современные историки также интересуются различными аспектами внутренней политики Королевства Польского, в частности — Друцкого-Любецкого¹⁷.

Социально-экономической политике польских властей в 20-х годах XIX в. посвятил раздел своей работы «Неудавшаяся попытка капиталистической индустриализации. Анализ государственной промышленной экономики в Королевстве Польском в XIX в.» Е. Едлицкий. Охарактеризовав экономику горнодобывающей и металлургической промышленности, автор отметил первенствующую роль государственных инвестиций для дальнейшего развития металлургии, а затем перешел к истории финансирования производства и государственных инвестиций в промышленность в период до 1832 г. Показав, что начинания Любецкого поддерживали представители крупной промышленной и торговой буржуазии, автор знакомит читателей со шляхетской оппозицией Любецкому.

Темой специального исследования А. Гродека стали вопросы урегулирования кредитно-финансовой системы («Идея национального банка»). Е. Цигельский в обстоятельной статье осветил один из аспектов внутренней по-

литики правительства — застройку столицы каменными зданиями.

Программа возрождения национальной экономики, проведение протекционистской политики и другие меры, предпринятые Любецким, в той или иной мере затрагивались исследователями, занимавшимися проблемами социально-экономической истории Королевства Польского в 20-х годах XIX в. Монографические работы, посвященные политике Любецкого, содержат обширный материал, который в основном не подвергается сомнению другими исследователями. Но существует различная интерпретация этого материала, вернее, разные оценки характера и последствий реализации программы Любецкого. Дискутируются в основном два вопроса: 1) в интересах каких слоев проводил свою политику Любецкий, чьи интересы он защищал; 2) значение проводимых им реформ для последующего развития Королевства Польского.

Относительно защиты и выражения интересов определенных социальных слоев мнения расходились в оценке отношения Любецкого к помещикам. С тем, что Любецкий, стимулируя развитие промышленности и торговли, защищал интересы буржуазных и обуржуазивающихся кругов, соглашалось большинство исследователей. Часть буржуазных историков, становясь на точку зрения многих современников Любецкого, главным образом помещиков, пострадавших от принудительного взимания задолженностей по налогам либо от введения монополий, упорно держались за старые методы хозяйствования. Они считали, что Любецкий игнорировал интересы землевладельческой шляхты, способствуя обогащению только той части помещиков, которая встала на путь обуржуазивания.

Другие историки считали, что Любецкий предусматривал улучшение положения для помещиков в будущем, ибо развитие промышленности и торговли в конечном итоге расширяло рынок сбыта для сельскохозяйственных товаров, а усовершенствование кредитной системы являлось поддержкой кредитоспособных помещиков (Т. Лэнковский, С. Смолька). Разница в оценке деятельности Любецкого состоит в степени эмоциональности характеристики. Одни исследователи все социально-экономические реформы 20-х годов приписывали исключительно выдающимся способностям Любецкого (М. Айзен), другие считали, что он смог увидеть объективную необходимость развития, что

его взгляды идентичны взглядам В. Суровецкого и т. п. (Е. Едлицкий, С. Смолька).

Вопрос об изменениях, происходивших в социальной структуре Королевства Польского в рассматриваемый период нашел отражение в работах, посвященных социальной структуре населения в целом и отдельным социальным слоям и классам польского общества¹⁸.

В Институте истории ПАН работает сектор по изучению истории социальных структур польского общества. В центре исследовательских интересов его сотрудников находится социальный состав населения Королевства Польского с 1815 по 1864 гг.¹⁹ Однако для более полного и углубленного анализа данного периода проделана большая работа по изучению эпохи падения Речи Посполитой, т. е. времени, давшего начало процессу разложения сословно-феодальной структуры общества. Анализ социальных процессов, происходивших в эпоху Просвещения, особенно в шляхетстве, помогает историкам более глубоко осмыслить характер последующих изменений в XIX в.

В то же время исследования не обрывались реформой 1864 г., открывшей путь капитализму на землях Королевства Польского. Ряд работ сотрудников сектора посвящен характеристике классов и групп польского общества в более поздний период, во второй половине XIX в. с экскурсом в первую половину. Та работа, которая проделана исследователями по изучению социальной истории польского общества в XIX в., проливает свет на особенности процесса, происходящего в первые десятилетия с момента образования Королевства Польского. Без учета научных достижений историков по изучению эволюции социальных структур в переходный от феодализма к капитализму период трудно понять характер изменений в сравнительно короткий, промежуточный, период времени.

Коллектив сектора основывает свои исследования на анализе новых источников — различных статистических материалах, актах гражданского состояния, нотариальных актах и проч. Серьезная источниковедческая база, однородный характер анализируемых источников придают особенно большую ценность подготавливаемым ими работам. Итогом их работы является издание монографий, статей и тематических сборников («Общество Королевства Польского. Исследования о социальной подвижности населения», «Польское общество XVIII и XIX вв.»).

Большое внимание исследователей привлекли проблемы формирования двух основных классов буржуазного общества: буржуазии и пролетариата. Наиболее детально изучен генезис буржуазии в Королевстве Польском.

Формированию буржуазии посвятили свои работы Р. Колодзейчик (статья «К проблеме формирования польской буржуазии», 1956; книги: «Формирование буржуазии в Королевстве Польском (1815—1850)», 1957; «Неромантические герои. О пионерах капитализма в Королевстве Польском», 1962; «Петр Штейнкелер. Купец и промышленник. 1799—1854», 1963), Я. Косим («Судьбы одной фортуны. Из истории варшавской буржуазии в 1807—1830», 1972), С. Левицкий и др.

Колодзейчик скрупулезно исследовал вопрос о начальном этапе формирования буржуазии в Королевстве Польском. Прежде всего он осветил экономический фон, который вызывал необходимость и обеспечивал возможность формирования нового класса. Вводные главы основной книги о формировании буржуазии посвящены развитию промышленности, росту городов и новых промышленных поселков, росту городского населения и проблеме внутренних миграций. Рассматривает автор и источники накопления капитала. Главное место в книге о формировании буржуазии занимают две центральные проблемы: источники формирования и социальная структура буржуазии.

Автор показывает, каким путем шло формирование буржуазии. Питательной средой для нее было отечественное и иностранное купечество, главным образом в Варшаве, Лодзинском и Калишском округах, где купцы посредничали в торговле промышленными изделиями. В незначительной мере в ряды буржуазии переходили богатые ремесленники и крестьяне. Часть землевладельцев, в том числе аристократии, вступала на путь преобразования своих хозяйств в буржуазном духе либо непосредственно переходила в ряды промышленной буржуазии. Колодзейчик подробно останавливается на вопросе о структуре нарождающейся буржуазии Королевства Польского. Среди крупной буржуазии, часто иностранного происхождения, преобладали купцы и банкиры, представители промышленной буржуазии были еще малочисленны, средняя и мелкая буржуазия вырастала из рядов местного купечества и ремесленников.

В других своих работах Колодзейчик прослеживал

судьбы первых представителей буржуазии, рассказывал о первых купеческих организациях в Варшаве. Игнатович исследовал вопрос о зарождении и производственной деятельности в первые годы существования Королевства Польского варшавской буржуазии. Я. Косим процесс становления торгово-промышленной буржуазии проследил на примере одной семьи.

Вопрос о формировании рабочего класса рассматривается в многотомном издании по истории рабочего класса под редакцией С. Калябиньского, о варшавских рабочих — Т. Лэпковским. Г. Миссаловой дан анализ процесса формирования рабочего класса в Лодзинском текстильном районе.

Структурные изменения в шляхетском сословии рассматриваются в монографиях Т. Лэпковского, А. Зайончковского, Е. Едлицкого и др.

Проблема происхождения польской интеллигенции — один из дискуссионных вопросов в современной литературе. Некоторые исследователи, например Ю. Халасицкий, считают, что представители интеллигенции — в основном выходцы из среды землевладельцев-помещиков. С. Кеневич, Я. Лескевичова, Р. Колодзейчик, Р. Чепулис и др. не согласны с таким утверждением. Колодзейчик приходит к выводу, что интеллигенция Королевства Польского вырастала из мелкошляхетских элементов, из мелкой и средней буржуазии, из крестьянства и частично из иностранцев.

Сотрудники сектора по изучению социальной структуры Королевства Польского большое внимание уделяют изучению различных аспектов формирования нового слоя, возникновение которого было связано с формированием различных органов самоуправления и гражданских учреждений, а также общественных организаций. В частности, Р. Чепулис проанализировала социальный состав служащих Земского кредитного общества, чтобы определить источники их рекрутации. Она пришла к выводу о том, что служащими этого учреждения были главным образом шляхтичи, и в служебной иерархии первенствующая роль отводилась шляхетскому гербу.

Рассматривается также вопрос о происхождении врачей, учителей начальных школ и профессоров Главной школы, светского духовенства. Правда, эти исследования касаются более позднего, в основном межповстанческого, периода, но исходными моментами для них являются

предшествующие годы. Большой интерес представляют работы, посвященные мелкому мещанству в Королевстве Польском, их положению и трудностям, с которыми они сталкивались (статьи Е. Качиньской и В. Цвика).

Советский исследователь И. И. Свирида рассмотрела вопрос о путях формирования творческой интеллигенции в конце XVIII — первой трети XIX в., проведя статистический анализ большого круга печатных и архивных источников.

И. Петшак-Павловска рассмотрела экономические условия структурных изменений в варшавском обществе XIX в. В статье анализируется состав варшавского населения по роду занятий в 1827 г. А. Эйзенбах подошел к анализу социальной структуры Королевства Польского путем сравнения фискальной системы данного и предыдущего периодов.

Социальная структура была предметом рассмотрения авторами обобщающих трудов по различным аспектам социально-экономической истории Королевства Польского, по истории XIX в. В них не подвергался сомнению общий вывод о том, что социальная структура Королевства Польского в 1815—1830 гг. была структурой общества переходного периода от феодализма к капитализму.

В литературе еще недостаточно внимания уделяется изучению социальных структур деревни, формированию там новых структур переходного общества, мало изучена проблема образования *землевладельческой буржуазии, эволюции фольварка в рассматриваемый период.

В советской исторической литературе проблемы переходного периода в последние десятилетия изучались весьма интенсивно. Они рассматривались главным образом на примере России, но при этом поднимался вопрос об особенностях соответствующего исторического процесса в странах Восточной и Центральной Европы в целом. В литературе освещаются общетеоретические проблемы, обсуждаются вопросы методологии изучения процессов переходного периода²⁰. Работы С. Д. Сказкина о так называемом втором издании крепостничества, генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы и истории западноевропейского крестьянства в средние века²¹ посвящены сравнительной характеристике путей развития сельского хозяйства в странах Западной и Восточной Европы. Он характеризует специфику аграрно-

го строя стран Восточной Европы, особенности первоначального накопления и начальный период перехода к капитализму в конце XVIII в. А. Н. Чистозвонов поставил вопрос об особенностях генезиса капитализма в странах Центральной и Восточной Европы²².

Работ советских исследователей истории Польши по данной проблематике немного. Одна из наиболее интересных — монографическая статья И. И. Костюшки, посвященная анализу проблемы разложения феодальных и развитию капиталистических отношений в сельском хозяйстве Королевства Польского²³. Хотя в заглавии статьи начало исследования датируется 30-ми годами XIX в., автор фактически начинает его с более раннего периода — с момента образования Королевства Польского. Основному тексту статьи предпослана историографическая часть, в которой автор анализирует работы представителей польской дворянско-буржуазной историографии, представителей передовой историографии и историков-марксистов в межвоенный период, а также молодой еще тогда историографии народно-демократической Польши.

Работа И. И. Костюшки основана на анализе широкого круга источников с использованием введенного в научный оборот фактического материала. Вначале автор рассматривает вопрос о развитии промышленного капитализма и росте неземледельческого населения, поскольку развитие обрабатывающей промышленности как самостоятельной отрасли производства являлось предпосылкой развития капитализма в сельском хозяйстве. Затем автор переходит непосредственно к вопросу о развитии торгового и капиталистического земледелия. Он дает оценку развитию фольварочного хозяйства, показывает, что его расширение шло за счет экспроприации крестьянства. Особое внимание в статье уделено переходу от отработочной к денежной ренте, подчеркнута роль денежной ренты в процессе превращения барщинного крестьянина в арендатора или, впоследствии, в собственника земли.

Частному вопросу о «гулящих людях», составлявших источник для свободного найма в Речи Посполитой в XVII—XVIII вв., посвящена статья Д. Л. Похилевича²⁴. Исследования Похилевича показали, что число фактически свободных людей в деревне Речи Посполитой — пауперов — было сравнительно велико, и город даже не мог вместить в себя всю их массу.

С теоретической статьей, подводящей определенный итог происходящей в настоящее время дискуссии о первоначальном накоплении в Польше, выступил В. А. Якубский²⁵. Он считает, что зенит первоначального накопления падает на XIX в., ибо в тот период прошла основная волна сгонов крестьян в польской деревне, но не следует игнорировать и интенсивный рост доменных земель в XVI—XVIII вв. Автор согласен с гипотезой ряда советских ученых о прерывистости хода первоначального накопления на востоке Европы. Что касается определения времени завершения периода первоначального накопления, то автор считает, что оно надолго пережило аграрную реформу 1864 г.

Как видно из приведенного обзора литературы, исследователями социально-экономической истории Королевства Польского проделана большая работа. Накоплен и обобщен обширный фактический материал, решены или поставлены многие теоретические проблемы по определению степени разложения феодальных и развития капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве, особенностей процесса формирования социальной структуры буржуазного общества и другие.

Однако на многие вопросы современная литература еще не дает ответа. Не исследована детально проблема развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве и капиталистической эволюции крестьянства. Недостаточен конкретный материал для изучения вопроса о формировании единого внутреннего рынка и специализации отдельных районов. Нет фундаментальных исследований об особенностях процесса разложения шляхетства и формирования таких социальных групп буржуазного общества, как чиновничество и интеллигенция. Недостаточно детально изучен вопрос о товарооборотах между Королевством Польским и Россией в 20-х годах XIX в.

Данная работа написана на основе новейших исследований по социально-экономической истории Королевства Польского с привлечением как опубликованных²⁶, так и неопубликованных источников из польских и советских архивов.

Целые комплексы архивных документов, в том числе материалы польских правительственных органов за 1815—1830 гг., погибли во время войны. Сохранившиеся материалы административных органов управления Королев-

ством Польским хранятся в основном в польских архивохранилищах в Варшаве, в Государственном архиве древних актов (Archiwum Słowne Akt Dawnych, AGAD). При подготовке данной книги были просмотрены фонды Государственного совета Королевства Польского за 1815—1830 гг. (Zespół AKT Rady Stanu), Секретариата Государственного совета (Zespół Akt Sekretariatu Stanu), Правительственной комиссии внутренних дел и полиции (Zespół Akt Komisji Rządowej Spraw Wewnętrznych i Policji), Правительственной комиссии финансов и казначейства (Zespół Akt Komisji Rządowej Przychodów i Skarbu) и фонд канцелярии сенатора Н. Н. Новосильцова (Kancelaria senatora Nowosilcowa). Кроме того, были изучены некоторые материалы архива Чарторьских в Кракове.

Фонд Государственного совета за 1815—1830 гг. содержит документацию Канцелярии Государственного совета. (Он обработан и описан Ф. Рамотовской). Она объединяла материалы фактически трех канцелярий: Административного совета, Общего собрания и личной канцелярии наместника (до 1826 г.). Эту объединенную трехчленную канцелярию называли Канцелярией Государственного совета Королевства Польского, или Главным секретариатом Государственного совета, в которой три названные канцелярии составили отделы. Основная деятельность Канцелярии заключалась в подготовке дел, входящих в компетенцию наместника и Государственного совета.

При поступлении документы проходили несколько стадий обработки. Сначала поступившие бумаги вписывали в общий журнал и контрольный реестр, а затем распределяли по отделам, которые вели собственные канцелярские книги. Если дело представляли непосредственно наместнику в Государственном совете сами министры после предварительной подготовки бумаг в соответствующей канцелярии, тогда в Канцелярии Государственного совета их только снабжали примечаниями и заносили в журнал. После этого вместе с оригиналами решения наместника отдавали в регистратуру, а в заинтересованные комиссии посылали копии этих решений.

Бумаги правительственных комиссий и личные просьбы предварительно обрабатывались в канцелярии. Материалы, поступившие в канцелярию Общего собрания, после обработки их референтом выносились на заседания.

Указы царя и наместника зачитывали на заседаниях без предварительной подготовки. Рапорты наместника царю и вся его корреспонденция, обычная и секретная, подготавливались в личной канцелярии, которая была упразднена в 1826 г.

Общее собрание было наделено совещательными, исполнительными и судебными функциями. Проект постановления, составленный Административным советом, наместник направлял в Общее собрание. После обсуждения и принятия его утверждал наместник в Административном совете, а затем посылал на окончательное утверждение царю. Одобрения царя требовали также проекты, направляемые в сейм. Проект, принятый обеими избами сейма, должен был получить санкцию царя.

Исполнительная власть ограничивалась контролем за деятельностью административных властей. Общее собрание рассматривало ежегодные отчеты о деятельности всех правительственных комиссий. На их основе подготавливался общий отчет о положении в Королевстве Польском и проделанной работе. Этот общий годовой отчет (рапорт) вместе с замечаниями Общего собрания представлялся наместником царю, по приказу которого его посылали в сенат.

Судебные функции заключались в принятии решений об отдаче под суд чиновников (по царскому повелению), в разрешении споров между административными и судебными властями.

Фонд Государственного совета за 1815—1830 гг. насчитывает 525 единиц хранения. Составителями фонда все материалы разделены на 8 секций. В секции I сосредоточены документы общего характера, касающиеся организационных вопросов, отчеты о заседаниях Административного совета, текущая корреспонденция. Большую группу составляют годовые отчеты о деятельности правительственных комиссий, отчеты Государственного совета, а также замечания сеймовых изб на эти отчеты. В секциях II—VI собраны документы пяти правительственных комиссий, в VII — материалы о единицах измерения. В секции VIII сгруппированы протоколы (оригиналы и копии) заседаний Общего собрания Государственного совета.

В фонде Государственного секретариата Королевства Польского хранятся протоколы заседаний Общего собра-

ния Государственного совета и отчеты чиновников о результатах различных ревизионных поездок по поручению наместника.

Из фонда Правительственной комиссии внутренних дел и полиции сохранилась лишь 1/4 часть материалов (фонд описан К. Моравской). Комиссией руководил министр, в его подчинении находились директора трех отделов: 1) дирекция администрации; 2) дирекция промышленности, торговли и искусств; 3) дирекция полиции и почт. В фонде откладывалась документация этих трех отделов. Административный отдел ведал организацией административных властей, развитием городов, делами, связанными с рекрутскими наборами и снабжением войск.

В ведении Отдела промышленности находились: горное дело (до 1825 г.), строительство, общественные работы, сухопутная и водная коммуникации, фабрики и ремесла, торговые советы и общества, определение числа ярмарок и торгов, осушение болот, статистика населения. В компетенцию Отдела полиции и почт входил надзор за порядком, охрана общественного спокойствия, введение в стране однообразия мер и весов, установление уровня цен на продовольственные товары, надзор за ярмарками и торгами, больницами и проч., администрация почт. Вопросами политического порядка ведала жандармерия.

Сохранились акты Административного отдела, главным образом городской секции. Материалы отдела промышленности полностью сгорели в 1944 г. Уцелела часть материалов административно-полицейской секции. Среди последних имеются отчеты тех отделов, чьи документы погибли, например Отдела промышленности и искусств. Компактную группу составляют подлинные ежегодные отчеты воеводских комиссий, сохранившиеся почти полностью.

Фонд Правительственной комиссии финансов и казначейства разнообразен по составу документов. Он включает материалы министерства финансов периода Княжества Варшавского и Королевства Польского до конца 60-х годов. Собрание документов, относящихся к рассматриваемому периоду, объединяет материалы различных отделений, составлявших правительственную комиссию. Комиссия финансов и казначейства делилась на

три дирекции: постоянных налогов и доходов, непостоянных налогов и доходов, касс и бухгалтерии. Кроме того, непосредственно министру подчинялись Генеральный секретариат, Дирекция государственных лесов и Дирекция национальных имений.

Комиссия финансов подготавливала проекты законов и инструкций и составляла ежегодные отчеты Государственному совету. Функции между подотделами распределялись следующим образом: Дирекция постоянных доходов ведала всеми делами, касающимися постоянных налогов, и осуществляла управление государственным имуществом. В ведении Дирекции непостоянных налогов и доходов находились поступления от таможенных сборов, продажи табака и махорки, почтовые сборы, доходы мотельного двора и другие непостоянные доходы. В компетенцию Дирекции касс и бухгалтерии первоначально входил контроль за доходами и расходами казны, составление бюджета. Постепенно ее функции расширялись, и в последние годы она осуществляла надзор над всей администрацией казначейства.

Дирекции национальных имений и национальных лесов в 1818 г. были объединены, составив два отдела. В их компетенцию входило: утверждение арендных контрактов, надзор за доходами с имений и лесов, сбор общих сведений и составление статистических таблиц, заключение соглашений о чинше или наследственном владении, общая опека над крестьянами в национальных имениях, определение масштабов вырубки лесов, опека над лесной школой и т. п. Генеральный секретариат выполнял функции координатора всех организационных частей комиссии. Он ведал канцелярией по составлению журнала, экспедицией складов печатных и письменных материалов. Секретариат подготавливал тексты различных бумаг и постановлений, которые министр направлял в отделы комиссии. В секретариате составляли проекты таких новых институтов, как Земское кредитное общество и Польский банк.

С 1826 по 1833 гг. в состав Правительственной комиссии финансов и казначейства входила Горная дирекция.

Основное собрание финансовых документов погибло во время войны. В фонд были объединены все случайно сохранившиеся материалы. Компактную группу состав-

ляют материалы, освещающие торговые отношения Королевства Польского с Австрией и Пруссией. Особенно много документов о переговорах в Петербурге по таможенным и торговым вопросам. Другая группа — материалы по подготовке ежегодных рапортов Правительственной комиссии финансов и казначейства. Имеются также дела, в которых сосредоточены различные проекты по финансовым вопросам, замечания о проектах, обсуждавшихся в Административном и Государственном советах. В нескольких делах собраны материалы о ярмарках и торгах.

В фонде канцелярии сенатора Н. Н. Новосильцова отложились материалы по таможенным делам, вопросам торговых отношений Королевства Польского с соседними государствами, главным образом с Россией.

В архиве Чарторыхских отложились материалы, дополняющие официальные документы о деятельности Государственного совета, Правительственной комиссии финансов и казначейства, о ходе обсуждения деятельности польского правительства в Общем собрании Государственного совета.

При просмотре материалов особое внимание было уделено анализу годовых отчетов о деятельности Государственного совета, правительственных комиссий внутренних дел и полиции, а также финансов и казначейства и отчетов воеводских комиссий; материалов по торгово-таможенным вопросам и финансово-бюджетным делам. Кратко об этих материалах.

Отчеты воеводских комиссий о деятельности за истекший год составлялись ежегодно, в начале года. В фонде Правительственной комиссии внутренних дел и полиции хранятся дела с подлинными годовыми отчетами с 1817 по 1830 гг. (№ 7021—7033а). Отсутствует одно дело с отчетами за 1822 г. (№ 7026). Дело 7031 с отчетами за 1827 г., в отличие от всех остальных, содержит только ведомственную переписку. Отчеты подписывались председателем воеводской комиссии и направлялись в Правительственную комиссию внутренних дел и полиции. Как правило, годовые отчеты составлялись по единому образцу. Группа отчетов из Мазовецкого воеводства отличалась от других; в них речь шла преимущественно не о положении в воеводстве, а только о деятельности воеводских властей.

Во всех остальных отчетах на первом месте стоит раздел под заголовком «Национальное хозяйство» (*Gospodarstwo krajowe*), включающий сведения о состоянии сельского хозяйства в воеводстве. В разделе сообщается о состоянии земледелия и животноводства, урожаях, возможностях сбыта сельскохозяйственных товаров, сравнительных ценах на зерно, скот и шерсть на внутренних и внешних рынках, об агротехнике. Внутренних градаций в разделе не было, и содержание его определялось местными особенностями. На втором месте обычно помещался раздел «Статистика», в котором приводились данные о населении.

Не все воеводские власти включали статистические данные в общий годовой отчет. Мазовецкая воеводская комиссия статистический отчет подавала особо. Кроме того, объем данных из разных воеводств был различным. В отчетах из Краковского воеводства сообщались наиболее подробные данные: общая численность населения, ее изменение по сравнению с предыдущим годом, состав населения по полу и вероисповеданию, данные об иммиграции и эмиграции, рождаемости и смертности. В большинстве отчетов из других воеводств содержатся более краткие статистические сведения об изменениях в численности населения, иногда указывается число городов, сельских поселений, гмин и т. п.

Источником статистических данных по воеводствам служили так называемые книги населения. Они были введены декретом саксонского короля от 18 января 1810 г. После 1812 г. статистических сведений на территории Княжества Варшавского не собирали. Постановлением наместника в Королевстве Польском в 1816 г. административным отделам воеводских комиссий вменялся в обязанность сбор различных статистических данных, а в январе 1818 г. восстанавливались книги населения. В книги заносились следующие данные: номер и качество дома (для горожан), имя и фамилия жителя, пол, возраст, гражданское состояние, сословная принадлежность, вероисповедание, занятие, место рождения, место предыдущего жительства.

В примечаниях отмечались все переезды, браки, смерти и проч.²⁷ В 1820 г. при Правительственной комиссии внутренних дел и полиции было образовано статистическое бюро, которое контролировало деятельность по

сбору статистических материалов. Книги составлялись в трех экземплярах, один из которых направлялся в воеводскую комиссию. Несмотря на то, что власти несколько раз напоминали о внимательном отношении к ведению книг, при их составлении допускались неточности. Проверка показала, что в некоторых местах в книги не вписывались мужчины призывного возраста²⁸. После 1820 г. полные статистические обзоры направлялись в статистическое бюро, а в отчетах воеводских комиссий остались только общие сведения.

На третьем месте в отчетах располагался раздел «Фабрики и ремесла», в котором помещались сведения о наличии в воеводстве промышленных предприятий, количестве и качестве выпускаемой продукции, основании новых предприятий, приобретении нового оборудования, о состоянии ремесла. Этот раздел более подробным был в первые годы. С образованием в январе 1824 г. специальной фабричной секции сведения о состоянии промышленности стали направлять туда, а в воеводских отчетах этот раздел сохранился в сокращенном виде.

В заключительном разделе отчетов воеводских комиссий говорилось о состоянии внутренней и внешней торговли. Приводились данные о действующих ярмарках и торгах, о колебаниях цен, о возможностях вывоза товаров местного производства за границу, о способах организации внешней торговли.

В некоторых отчетах в специальный раздел выделялось сообщение о состоянии городов, а также о деятельности местных властей по обеспечению судоходности рек, осушению болот, строительству мостов и дорог.

Соответствующие разделы отчетов воеводских комиссий составляли основу ежегодных отчетов о деятельности правительственных комиссий, главным образом внутренних дел и полиции. Они хранятся в фонде Государственного совета вместе с выписками и другими подготовительными материалами. Отчеты правительственных комиссий наряду с фактическим материалом о состоянии дел и проделанной работе содержат оценочные моменты и предложения, касающиеся характера и направления дальнейшей деятельности как данной комиссии, так и правительства в целом.

В том же фонде Государственного совета (№ 122, 126, 127, 133, 138, 140, 141, 141а, 142—144, 149) хранятся от-

четы о деятельности Государственного совета, ежегодные и сводные за несколько лет. Царю направлялся французский перевод этих отчетов, а подлинники оставались в делах. Там же сохранились и все подготовительные материалы и черновики. Как правило, соответствующие разделы в отчетах Государственного совета были значительно короче отчетов правительственных комиссий. При составлении черновиков отчетов Государственного совета в них первоначально механически включался весь материал из отчетов правительственных комиссий. Причем приводились и факты, и оценки, независимо от того, совпадали мнения разных министров или нет. Второй этап работы — отсеивание материала и выработка общей концепции — также нашел отражение в этих черновиках. Перечеркнутые куски, не вошедшие в окончательный вариант отчетов, без труда поддаются прочтению.

Просмотренные архивные документы дают богатый материал для освещения ряда аспектов темы. Отчеты воеводских комиссий дают возможность выявить особенности экономического развития воеводств, характеризуют динамику этого развития. Они содержат сведения о состоянии земледелия и животноводства, положении различных категорий крестьян, организации хозяйства в национальных имениях, об урожаях, о возможностях сбыта сельскохозяйственных товаров. В отчетах имеются данные о развитии промышленности в воеводствах, о характере промышленного развития каждого из них, об ориентации на определенные рынки сбыта промышленных изделий. Можно найти материал и для освещения социальных моментов. В частности, в отчетах содержатся данные об изменениях в имущественном и социальном положении различных категорий крестьян.

Отчеты правительственных комиссий и Государственного совета отражают конкретную деятельность польского правительства по развитию экономики Королевства Польского, а также в области социальной политики. Черновики отчетов Государственного совета и другие документы из его фонда дают возможность проследить за направлением и ходом дискуссии по ключевым социально-экономическим проблемам.

Данные архивные материалы особенно ценны для изучения торгово-таможенной деятельности польского правительства, особенно для характеристики торгово-экономи-

ческих связей с Россией. Значение этих документов возрастает в связи с потерей основных материалов.

Для освещения вопроса о торгово-экономических отношениях Королевства Польского и России, а также таможенной политики польского правительства большим подспорьем стали архивные материалы, хранящиеся в Советском Союзе, в Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА) в Ленинграде. Там, как и в AGAD в Варшаве, хранится документация центральных органов власти России. Наше внимание привлекли архивные материалы нескольких ведомств министерства финансов и Государственного совета Российской империи. Наибольший интерес вызывают материалы Департамента внешней торговли Министерства финансов (ф. 19, оп. 3).

В нем сосредоточены документы за 1810—1864 гг. Значительная группа архивных дел посвящена проблемам торговли России с Королевством Польским, например, деятельности Российского таможенного управления в Царстве Польском: таможням, прерогативам, спорным вопросам и т. д. (№ 41, 50—57, 63—67). Материалы о функциях и деятельности другого учреждения — Комиссии торговых и таможенных дел Российской империи и Царства Польского, все дела, связанные с претворением в жизнь решений Венского конгресса по торговым вопросам, собраны в делах 43—46, 49. Различные тарифные постановления, проекты постановлений и замечания в связи с подготовкой таковых находятся в делах 235, 869, 870, 871, 880.

Документация по таким вопросам, как провоз польских и заграничных товаров через определенные таможенные пункты, организация пограничной стражи, борьба с контрабандой на внутренних и внешних границах, судебные дела, связанные с нарушением таможенных правил, отложились в делах 59, 60, 157, 243.

Компактно сгруппированы Журналы Департамента внешней торговли за 1815—1830 гг. (дела 898—922; большинство дел разделено по годам, некоторые дела содержат материалы по полугодию) и Журналы таможенных и торговых дел за 1819—1824 гг. (дела 946—950).

Наибольшую ценность для исследователя вопроса о торговых русско-польских отношениях имеют годовые ведомости таможен. В большинстве архивных дел подшиты ведомости всех таможен, расположенных на границах

Российской империи, в отдельных случаях выделены только регионы, в частности таможни по границе с Королевством Польским и Финляндией. В большинстве случаев дела сброшюрованы по принципу отбора ведомостей, отражающих направление перевозок: ведомости о привезенных и ведомости о вывезенных из России товарах, но встречаются и исключения.

Так, в деле за 1825 г. собраны ведомости не только о вывезенных, но и о привезенных товарах. «Годовые ведомости таможен о привозных из Финляндии и Царства Польского товарах» за 1827—1830 гг. хранятся в делах 1014—1017; «Годовые ведомости таможен об отвозных в Финляндию и Царство Польское товарах» за 1825, 1827 и 1830 гг.— в делах 1075—1077. Годовые ведомости таможен сохранились не полностью, имеются пропуски. Более полно представлены сведения о товарах, вывозимых из России в Королевство Польское.

В объемистых делах с годовыми ведомостями российских таможен хранятся и такие отчетные документы таможен, как «ведомости о торгующих купцах», т. е. купцах, провозящих товары в Королевство Польское и обратно через данную таможню. Вторая группа ведомостей — ведомости о русских, польских и иностранных металлических и бумажных деньгах, провезенных через границу в течение года. Эти последние ведомости составлялись нерегулярно, так как некоторые таможенники сведения о деньгах включали в основные ведомости о товарах. В годовых ведомостях о провозимых товарах указывался вид товара, его вес или объем, цена и размер пошлины в том случае, если она взималась. Необходимо помнить, что в итоговую цифру стоимости провезенных товаров часто включались деньги (но это оговаривалось). Сведения о купцах носят отрывочный характер, составлялись они без определенной формы и подавались лишь несколькими таможнями.

При работе над подготовкой этой книги были просмотрены также материалы двух отделений Общей канцелярии министра финансов (ф. 560, описи 39, 42) и Государственного совета (ф. 1152, т. 1). В этих фондах отложилась ведомственная переписка по торгово-таможенным делам с Королевством Польским, в частности материалы, отражавшие ход подготовки русско-польского торгового договора, характеризующие позицию некоторых

русских чиновников по вопросу о таможенных льготах для польских шерстяных изделий и т. п.

Материалы по торгово-таможенным вопросам, хранящиеся в ЦГИА, перекликаются и дополняют документы, сохранившиеся в АГАД, в фондах Правительственной комиссии финансов и казначейства и Новосильцова. Они не просто иллюстрируют общеизвестные факты, но и расширяют наши сведения об интенсивности русско-польских экономических связей в 20-х годах XIX в.

Задачи данной работы определялись наиболее актуальной проблематикой переходного периода, степенью ее изученности и возможностями привлечения нового фактического материала. В работе сделан акцент на исследование динамических элементов в польской истории первой трети XIX в., намечавшихся тенденций развития в их взаимодействии с традиционными структурами и отношениями, унаследованными от феодализма. Исходя из этого, можно следующим образом сформулировать задачи данной работы — дать комплексный анализ экономического и социального развития Королевства Польского в 1815—1830 гг. в свете генезиса капиталистических отношений, и, в частности, проследить: основные тенденции в развитии промышленности и особенности развития промышленных районов в условиях генезиса капитализма; основные тенденции развития сельского хозяйства, динамики аграрных структур, сдвиги в социальной структуре деревни; процессы формирования внутреннего рынка; наиболее важные демографические процессы (рост и изменение социальной структуры городского населения); основные направления в развитии экономической мысли в польском обществе; экономическую политику польского государства; дать краткий анализ русско-польских экономических отношений; определить значение экономических и социальных процессов этого периода в формировании польской нации.

В работе использован системный подход, широко применяемый в настоящее время в общественных науках²⁹. В соответствии с общими принципами этого метода экономические и социальные структуры Королевства Польского рассматриваются на нескольких уровнях: национальном, региональном (т. е. на уровне региона, или группы воеводств, а также на уровне отдельных воеводств), отраслевом, на уровне отдельных производствен-

ных единиц (мануфактура, фольварк, единичное крестьянское хозяйство).

При анализе каждой из этих подсистем мы исходили из того, что данная подсистема является частью более высокой и более сложной системы и связана с другими подсистемами того же (или более низкого, или более высокого) уровня прямыми и обратными связями.

Самая общая система, исследуемая в данной работе, — экономические структуры Королевства Польского — рассматривалась как часть формирующейся системы хозяйственных связей Восточной и Центральной Европы. При этом более детально был изучен вопрос о самом важном элементе, связывающем хозяйственную систему Королевства Польского с частью более общей системы — с Российской империей. Этот элемент — внешнеторговые связи Королевства Польского с Российской империей — был весьма важным в процессе хозяйственного, а следовательно, и социально-экономического развития Королевства Польского.

В целом экономические и социальные структуры Королевства Польского рассматриваются как динамические системы, но при этом проблема соотношения статики и динамики в данной работе не могла быть решена однозначно в пользу динамики. Рассматриваемый в работе сравнительно короткий период с точки зрения общего исторического процесса развития капитализма не дает больших возможностей для изучения всех процессов в их динамическом развитии. Поэтому в основном этот период рассматривается как статический синхронный срез, позволяющий изучить анатомию структур на определенном этапе исторического развития.

Так, аграрные отношения показаны находящимися на начальном уровне развития элементов капитализма, сохраняющими в целом полуфеодалный характер. Промышленность Королевства Польского рассматривается на этапе мануфактурной стадии развития со всеми присущими ей особенностями общего порядка и чисто местной спецификой. Социальные структуры польского общества также рассматриваются как почти неизменные в данный момент, характерные для начального этапа формирования буржуазного общества.

Однако бурный характер процессов экономического и социального развития в Королевстве Польском в 1815—

1830 гг. позволил показать их в динамике путем сопоставления элементов производственных или социальных структур по состоянию на 1815—1819 и 1827—1828 гг.

В данной работе при рассмотрении подавляющего большинства вопросов была сделана попытка применять методы как анализа, так и синтеза. В отдельных разделах работы сначала рассматриваются явления, процессы или структуры как целое в масштабе Королевства Польского. При этом использовался значительный информационный материал, накопленный польской и советской исторической наукой. Затем эти же самые процессы и структуры рассматриваются дифференцированно по отраслям.

Производственные структуры Королевства Польского рассматриваются в первой главе. В ней дается общая характеристика сельскохозяйственного производства и промышленности: охарактеризована структура промышленности и система землевладения и землепользования в сельском хозяйстве. В двух главах, посвященных развитию промышленности, сельскохозяйственного производства и аграрных структур, вначале даются общие сведения о дальнейшем развитии капиталистических элементов в промышленности и в сельском хозяйстве; показаны качественные сдвиги в организации промышленного производства, происшедшие в 1815—1830 гг., и общий рост производства, приводятся данные о проникновении капиталистических отношений в сельское хозяйство. Затем дан анализ этих процессов по воеводствам.

В этих главах, главным образом в разделах о региональных особенностях, более детально рассмотрены отдельные стороны, свидетельствующие о проникновении в производственные отношения капиталистических элементов либо характеризующие капиталистическую эволюцию социальных структур (капиталистическое преобразование фольварков в западных воеводствах, новые явления в арендных отношениях, степень пролетаризации крестьянства и т. п.). В этом же разделе поставлены вопросы о влиянии региональных особенностей и роли внешнего рынка в процессе развития капиталистического способа производства.

В работе использован фактический материал, имеющийся в трудах польских и советских историков. Однако архивные исследования показали, что некоторые весьма важные проблемы экономического, социального и демо-

графического развития не нашли достаточного освещения в исторической литературе, что потребовало пополнения ранее накопленного информационного материала. Архивный материал, собранный в архивохранилищах ПНР и СССР, дал возможность более подробно осветить малоисследованную проблему польско-русских торгово-экономических связей, осуществить региональный, т. е. более детальный подход к анализу важнейших структур и процессов в Королевстве Польском. Архивные материалы позволили внести большую ясность в некоторые проблемы, например таблицы о социальном составе населения Королевства Польского в 1828 г. уточнили представление о социальной структуре деревни.

- ¹ История Польши. 2-е изд. / Под ред. В. Д. Королюка и др. М., 1956. Т. 1.
- ² Куля В. Формирование капитализма в Польше. М., 1959; Historia Polski. Warszawa, 1958. Т. 2, cz. 2; Historia gospodarcza Polski / Pod red. N. Gąsiorowskiej. Warszawa, 1960; Kołodziejczyk R., Gradowski R. Zarys dziejów kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1974; Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J. Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku. Warszawa, 1966; Jezierski A. Wybrane zagadnienia historii gospodarczej. Warszawa, 1962; Kula W. Teoria ekonomiczna ustroju feudalnego: Próba modelu. Warszawa, 1962; Idem. Problemy i metody historii gospodarczej. Warszawa, 1963; Idem. Czynniki gospodarcze w polskim procesie dziejowym. Warszawa, 1966; Lepkowski T. Polska — narodziny nowoczesnego narodu. 1764—1870. Warszawa, 1967; Rutkowski J. Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1955. Т. II; Kieniewicz S. Historia Polski 1795—1918. 2-е wyd. Warszawa, 1972; Idem. Przemiany społeczne i gospodarcze w Królestwie Polskim (1815—1830) / Wybór tekstów źródeł. Warszawa, 1951; Między feudalizmem a kapitalizmem: Studia z dziejów gospodarczych i społecznych. Wrocław, 1976.
- ³ Grabski W. Historia Towarzystwa Rolniczego. 1858—1861. Warszawa, 1904. Т. 1; Idem. Historia wsi w Polsce. Warszawa, 1929; Grynwasser H. Pisma. Т. 2: Kwestia agrarna i ruch włościan w Królestwie Polskim w pierwszej połowie XIX wieku (1807—1860). Warszawa, 1951; Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego. Kraków, 1912; Liszkiewicz W. Problemat gospodarczego wzrostu w rolnictwie polskim 1822—1931. — Ekonomista, 1933, 33. Т. II; Meloch M. Sprawa włościańska w powstaniu listopadowym / Wyd. 3. Warszawa, 1953; Strzeszewski Cz. Kryzys rolniczy na ziemiach Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807—1830. Lublin, 1934; Zabko-Protopowicz. Stulecie działalności ziemiaństwa polskiego 1814—1914. Warszawa, 1929; Bartyś J. Początki mechanizacji rolnictwa polskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966; Bratkowski S. Skąd przychodzimy?: Opowieści z drugiego kwadrantu. Warszawa, 1975; Brodowska H. Towarzystwo Rolnicze Hrubiesz-

zowskie. Warszawa, 1956; Grodek A. O rozwoju kapitalizmu w rolnictwie Królestwa Polskiego: Uwagi krytyczne.— In: Studia nad rozwojem kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1963, t. II, s. 353—368; Grzymałowski S., Chorzewski K. Produkcja maszyn i narzędzi rolniczych w Polsce w latach 1805—1918. Wrocław, 1970; Kaczyńska E. Społeczeństwo i gospodarka północno-wschodnich ziem Królestwa Polskiego w okresie rozkwitu kapitalizmu. Warszawa, 1974; Kieniewicz S. Problem rewolucji agrarnej w Polsce w okresie kształtowania się układu kapitalistycznego.— In: Z epoki Mickiewicza: Zeszyt specjalny «Przeglądu Historycznego». Wrocław, 1956; Kostrowicka I. Produkcja roślinna w Królestwie Polskim 1816—1864: Próba analizy ekonomicznej. Warszawa, 1961; Leskiewiczowa J. O początkach kapitalistycznego rolnictwa w Królestwie Polskim.— Kwartalnik Historyczny, 1969, t. LXXVI, N 2; Rożenowa H. Produkcja wódki i sprawa pijaństwa w Królestwie Polskim 1815—1863. Warszawa, 1961; Stankiewicz Z. Z ostatnich badań nad przemianami struktury agrarnej Królestwa Polskiego w latach 1815—1864.— In: VIII Powszechny zjazd historyków polskich: Historia Polski od połowy XVIII do połowy XIX w. Warszawa, 1960; Idem. Reformy czynszowe dóbr skarbowych w Królestwie Polskim. Łódź 1968; Idem. W sprawie dróg rozwoju kapitalizmu w rolnictwie.— Kwartalnik Historyczny, 1970, v. LXXVII, N 3, s. 684—698; Idem. Chłopska dzierżawa folwarków w dobrach skarbowych Królestwa Polskiego (1815—1864).— Przegląd Historyczny, 1972, t. 63, z. 1, s. 49—66; Szymańska H. Niektóre problemy chłopskich praw do ziemi w Królestwie Polskim w latach 1815—1864.— Czasopismo prawno-historyczne, 1961, t. 13, z. 1, s. 57—97; Historia chłopów polskich / Wyd. C. Ingot. Warszawa, 1970, T. I; 1972, T. II.

- ⁴ См.: Костюшко И. И. Разложение феодальных отношений и развитие капитализма в сельском хозяйстве Царства Польского (30-е — начало 60-х годов XIX в.).— Уч. зап. Ин-та славяноведения, 1954, т. X, с. 139; Куля В. Формирование..., с. 15.
- ⁵ Grodek A. O rozwoju kapitalizmu...
- ⁶ Historia gospodarcza Polski: VIII zjazd historyków polskich / Pod red. N. Gąsiorowskiej. Warszawa, 1960, s. 287.
- ⁷ См.: Якубский В. А. Когда в Польше начался процесс так называемого первоначального накопления? — В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972, с. 41—42; Stankiewicz Z. W sprawie dróg rozwoju..., s. 687—688.
- ⁸ Bajer K. Przemysł włókienniczy na ziemiach polskich od początku XIX w. do 1939 r. Łódź, 1958; Gąsiorowska N. Z dziejów przemysłu w Królestwie Polskim, 1815—1918. Warszawa, 1965; Jedlicki J. Nieudana próba kapitalistycznej industrializacji: Analiza państwowego gospodarstwa przemysłowego w Królestwie Polskim XIX wieku. Warszawa, 1964; Jezierski A., Zawadzki S. Dwa wieki przemysłu w Polsce: Zarys dziejów. Warszawa, 1966; Kowecka E. Farbiarstwo tekstylne na ziemiach polskich (1750—1870). Wrocław, 1963; Kula W. Przemysł włókienniczy w Królestwie Polskim.— Kwartalnik Historyczny, 1956, N 1—2; Idem. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku. Warszawa, 1956. Т. I—II; Lepkowski T. Przemysł warszawski u progu epoki kapitalistycznej (1815—1868). Warszawa, 1960; Missalowa G. Studia nad powstaniem łódzkiego okrę-

- gu przemysłowego. Łódź, 1964. T. 1; Pazdur J. Zakłady metalowe w Białogonie 1614—1914. Wrocław, 1957; Przyrembel Z. Historia cukrownictwa w Polsce. Warszawa, 1927. T. 1; Smiałowski J. Od narodzin do rozkwitu Łodzi przemysłowej 1820—1870. Łódź, 1973; Trembecki I. Rzemiosło i cechy w dawnej i współczesnej Polsce. Kraków, 1948; Едлицкий Е. Государственная промышленность в Царстве Польском в XIX в.—В кн.: Генезис капитализма в промышленности. М., 1963, с. 278—304.
- ⁹ Люксембург Р. Промышленное развитие Польши. СПб., 1899; Янжул И. И. Исторический очерк развития фабрично-заводской промышленности в Царстве Польском. М., 1887.
- ¹⁰ Janowicz L. Zagys rozwoju przemysłu w Królestwie Polskim. Warszawa, 1907, s. 3.
- ¹¹ См., например: Костюшко И. И. Разложение..., с. 144; Дзiewulski J. Wokół poglądów ekonomicznych Róży Luksemburg. Warszawa, 1972, s. 89—91.
- ¹² Strzeszewski Cz. Handel Zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815—1830). Lublin, 1937.
- ¹³ Jezierski A. Handel zagraniczny Królestwa Polskiego. 1815—1914. Warszawa, 1967.
- ¹⁴ Pietrzak-Pawłowska I. Ekonomiczne warunki przemian strukturalnych w społeczeństwie Warszawy XIX w.—In: Warszawa XIX wieku. 1795—1918. Warszawa, 1974, z. 3, s. 54.
- ¹⁵ Grodek A. Katedra ekonomji w Wilnie, 1803—1831.—Ekonomista, 1933, t. I; Kraushar A. Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk 1800—1832. Warszawa, 1902, ks. 3, t. 4; 1904, t. 5, 6; 1905, t. 7; Krzeczowski K. Zapomniany nauczyciel F. Skarbka.—Ekonomista, 1928, t. IV; Przelaskowski R. Sejm Warszawski roku 1825. Warszawa, 1929; Górski J. Polska myśl ekonomiczna a rozwój gospodarczy 1807—1830. Warszawa, 1963; Idem. Warstawskie towarzystwo przyjaciół nauk a polska ekonomia lat 1800—1830.—Zeszyty naukowe Szkoły głównej planowania i statystyki, 1961, z. 34, s. 47—96; Michalski J. Z dziejów Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Warszawa, 1953.
- ¹⁶ Smolka S. Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym. Kraków, 1907, T. I—II; Ajzen M. Polityka gospodarcza Lubeckiego (1821—1830). Warszawa, 1932; Grodek A. Idea Banku Narodowego (Geneza Banku Polskiego 1763—1828). Warszawa, 1936.
- ¹⁷ Cegielski J. Polityka budowlano-mieszkaniowa w Warszawie w latach 1815—1864.—In: Warszawa XIX wieku. 1795—1918. Warszawa, 1971, z. 2; Górewicz I., Orłowski B. Kanał augustowski: Jego dzieje i przyszłość. Warszawa, 1971; Lipoński W. «Brytaniczny handel» i «parne maszyny».—Kultura, 1977, N 30 (736), N 31 (737), N 32 (738); Ostrowski W. Świetna karta z dziejów planowania w Polsce. 1815—1830. Warszawa, 1949; Łojek J. Prasa polska w latach 1661—1831.—In: Prasa polska 1661—1864. Warszawa, 1976.
- ¹⁸ См. обобщающие статьи историко-графического характера: Леськевичова Я. Общество Королевства Польского 1815—1864 гг. в свете новейших исследований.—ВИ, 1977, № 12, с. 112—118; Leskiewicz I. Studies in Social Structures in 19-th Century Poland: A Report by Janina Leskiewicz.—In: Poland at the 14-th International Congress of Historical Sciences in San Francisco: Studies in comparative history. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1975, s. 149—167; Grabowski E. Wpływ wędrówek na skupienie się

ludności w Królestwie Kongresowym (1816—1913). Warszawa, 1916; Grochulska B. Warszawa jako środowisko demograficzne i gospodarcze (1770—1830).—In: Warszawa XIX wieku. 1795—1918. Warszawa, 1974, z. 3; Kłosowska A. Z problematyki przeobrażeń społecznych i kulturalnych w Polsce po'owy XIX wieku.—Przegląd Socjologiczny, 1957, t. XI; Kula W., Jedlicki J. Struktura społeczna Królestwa Polskiego.—In: Powstanie styczniowe 1863: IX Powszechny zjazd historyków polskich. Warszawa, 1964, cz. II; Łepkowski T. Polska — narodziny nowoczesnego narodu; Wójcicki K. W. Społeczność Warszawy w początkach naszego stulecia (1800—1830). Warszawa, 1877; Szczypiorski A. Czwierć wieku Warszawy. Wrocław, 1964; Danielewicz I. Pionierzy polskiego kapitalizmu.—Nowe książki, 1962, N 15; Ichnatowicz I. Burżuazja Warszawska. Warszawa, 1972; Kieniewicz S. Dramat trzeźwych entuzjastów: O ludziach pracy organicznej. Warszawa, 1964; Kołodziejczyk R. Bohaterowie nieromantyczni: O pionierach kapitalizmu w Królestwie Polskim. Warszawa, 1962; Idem. Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim (1815—1850). Warszawa, 1957; Idem. Piotr Steinkeler: Kupiec i przemysłowiec. 1799—1854. Warszawa, 1963; Idem. Z zagadnień kształtowanie się burżuazji polskiej.—Kwartalnik Historyczny, 1956, r. LXIII, N 1, s. 12—54; Kraushar A. Kupiectwo Warszawskie: Sto lat ustawy zgrupowań rzemieślniczych w Królestwie Polskim. Warszawa, 1916; Idem. Resursa Kupiecka w Warszawie: Dawny pa'ac Mniszchów (1820—1928): Monografia historyczno-obyczajowa. Warszawa, 1928; Kosim J. Losy pewnej fortuny: Z dziejów burżuazji warszawskiej w latach 1807—1830. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972; Lewicki S. Z zagadnień kształtowania się burżuazji polskiej.—Kwartalnik Historyczny, 1954, N 4, s. 12—54; Idem. U źródeł nagromadzenia kapitałów w rękach burżuazji miejskiej Królestwa Polskiego w latach 1815—1850.—Materiały i Studia: Instytut Nauk Społecznych przy KC PZPR. Seria Historyczna, 1956, t. 4, s. 46—80. Polska klasa robotnicza.—Studia historyczne, 1970—1977, t. I—VIII. Jedlicki J. Rodowód warszawskiego proletariatu.—Nowe Drogi, 1958, N 5, s. 130—135; Łepkowski T. Robotnicy i plebs Warszawy w powstaniu listopadowym.—Kwartalnik Historyczny, 1953, t. LX, z. 4, s. 86—108; Mańkowski Z. Położenie ekonomiczne mas plebejskich Warszawy w przededniu i w czasie powstania listopadowego 1830/1831 r.—In: Z epoki Mickiewicza. Wrocław, 1956, s. 93—118; Missalowa G. Studia nad powstaniem łódzkiego okręgu przemysłowego. Łódź, 1967. T. II; Woycicki A. Dzieje robotników przemysłowych w Polsce. Warszawa, 1929; Idem. Dzieje rozwoju klasy robotniczej fabrycznej w Królestwie Polskim. Piotrogród, 1918; Rzepniewska D. Wiejscy oficjaliści.—In: Społeczność Królestwa Polskiego. Warszawa, 1965. T. I; Smoleński W. Drobną szlachtą w Królestwie Polskim. Kraków, 1901; Zajaczkowski A. Główne elementy kultury szlacheckiej w Polsce: Ideologia a struktury społeczne. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961; Zabko-Protopowicz. Stulecie działalności ziemianstwa polskiego 1814—1914. Warszawa, 1929; Chamerska H. Drobną szlachtą w Królestwie Polskim. 1815—1864. Warszawa, 1974; Czepulis-Rastenis R. «Klasa umysłowa»: Inteligencja Królestwa Polskiego. 1832—1862. Warszawa, 1973; Smoleńska B. Oficjaliści dóbr wilanowskich (1800—1854).—In: Społeczność polskie,

- Т. IV; *Kaczyńska E.* Drobnomieszczaństwo polskie w XIX i XX wieku: Problemy dyskusyjne i trudności badawcze.— In: Społeczeństwo polskie. T. V; *Cwik W.* Obywatelstwo miejskie w Królestwie Polskim (1815—1867) na tle praktyki w Lublinie.— In: Społeczeństwo polskie..., t. IV.
- ¹⁹ *Свирида И. И.* Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX в. М., 1978.
- ²⁰ Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве (к 80-летию академика Н. М. Дружинина). М., 1965; Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюзной дискуссии. М., 1969; Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. М., 1969.
- ²¹ *Сказкин С. Д.* Основные проблемы так называемого второго издания крепостничества в Средней и Восточной Европе.— ВИ, 1958, № 2; *Он же.* К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве Западной Европы.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961; *Он же.* Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
- ²² *Чистозвонов А. Н.* Общее и особенное в процессе генезиса капитализма в странах Центральной и Восточной Европы (Постановка вопроса).— В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972, с. 5—16.
- ²³ *Костюшко И. И.* Разложение..., с. 138—238.
- ²⁴ *Похилевич Д. Л.* Плебейский люд (лезные) в деревне Речи Посполитой.— В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964.
- ²⁵ *Якубский В. А.* Когда в Польше начался процесс так называемого первоначального накопления? — В кн.: Вопросы первоначального накопления капитала и национальные движения в славянских странах. М., 1972, с. 39—50. См. также: Научная конференция «Обсуждение вопроса о первоначальном накоплении в России». — ВИ, 1955, № 11, с. 162—167.
- ²⁶ *Dziennik Senatu Seymu Królestwa Polskiego z roku 1825/3 tomy wydane w roku 1828 przez Niemcewicza: Korespondencja Lubeckiego z Ministrami Sekretarzami Stanu Ignacym Sobolewskim i Stefanem Grabowskim.* Kraków, 1909. Т. I—IV; *Rozwój polskiej myśli statystycznej / Wybor pism statystyków polskich.* Warszawa, 1968.
- ²⁷ *Guldon Z., Wajda K.* Źródła statystyczne do dziejów Pomorza Wschodniego i Kujaw od XVI do początków XX w. Toruń, 1970, s. 73.
- ²⁸ AGAD, z. KRSWiP, N 6652, s. 109. В частности, строгие меры были предприняты в 1826 г., после чего число призывников заметно увеличилось. В 1826 г. в армию было взято 4885 человек, в 1827 г. — 6646, в 1828 г. — 13 606 человек (AGAD, z. 1 R. S., N 149, s. 42).
- ²⁹ *Кузьмин В. П.* Системные представления в теории Карла Маркса.— Общественные науки, 1977, № 3, с. 91—103.

Ситуация накануне и в первые годы после Венского конгресса

Во второй половине XVIII в. польские земли переживали период экономического подъема. Прекращение длительных войн, ограничение междоусобиц и политической анархии, стабилизация внутриевропейских торговых отношений оказали благотворное влияние на развитие сельского хозяйства и промышленности, способствовали росту населения Речи Посполитой. Постепенно расширялись посевные площади, увеличивалось поголовье скота, улучшались приемы обработки земли. В городах оживилась торговля и ремесленная деятельность. В стране возникли первые банки, кредитовавшие казну, короля, крупных землевладельцев, купцов и предпринимателей. В 80-е годы резко увеличились вклады и банковские обороты, появились первые шляхетские торгово-промышленные объединения, была организована Компания для черноморской торговли, велись интенсивные поиски соли. Появились первые мещанские и мещанско-шляхетские компании по откупам казначейских монополий. Мануфактуры были рассчитаны не только на удовлетворение потребностей королевского двора и аристократии в роскоши, но и на более широкий сбыт, в частности на потребности армии и казны.

Торгово-промышленный подъем сопровождался определенными изменениями в сознании просвещенной части шляхетства и мещанства. В публицистике и на заседаниях сейма обсуждались проекты реформ не только в политической, но и в социально-экономической области. Широкая программа реформ была предложена прогрессивно мыслящими деятелями на Четырехлетнем сейме 1788—1792 гг. Второй и третий разделы Речи Посполитой прервали восходящий процесс развития польской экономики конца XVIII в., а развернувшиеся на польских землях военные сражения начала XIX в. принесли с собой серъ-

езные материальные потери. Однако принципиальные итоги экономического развития Речи Посполитой в последние десятилетия ее существования — ускорившийся темп разложения феодально-крепостнических отношений — были определяющими в последующие годы.

Процессы разложения феодально-крепостнических отношений и зарождения элементов капиталистического уклада в сельском хозяйстве Польши в целом развертывались таким же образом и теми же темпами, что и в других странах ост-эльбского региона. Переход западноевропейских стран к капиталистическому хозяйству и, следовательно, новое расширение хлебного рынка, отразились на востоке Европы в установлении наиболее суровых форм крепостничества. Помещичьи фольварки расширялись за счет крестьянской запашки. «Отработочная рента, барщина превращается в систему труда, лежащую в основе предпринимательского хозяйства, работающего на рынок...»¹

Современные исследователи упорно ищут ответ на вопрос о причинах своеобразного воздействия капитализма Западной Европы на аграрное развитие восточноевропейских стран, стремятся выяснить, почему «капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»². Единого мнения пока не сложилось, но ясно, что дело не ограничивалось усилением спроса на дешевый хлеб и другую сельскохозяйственную продукцию. «Существенным было общее влияние развитых товарно-денежных отношений, которое стимулировало и без того крепнущую в Польше и в других странах к востоку от Эльбы власть денег и меняло понятие жизненного стандарта», — пишет В. А. Якубский^{2а}.

Среди факторов, влиявших на определение пути развития, ученые называют переход к наемному войску и, следовательно, переход широких слоев шляхетства к занятию сельским хозяйством, возможность использовать земельные резервы, политическое могущество феодалов, неразвитость товарно-денежных отношений в Речи Посполитой, мешавшую рабочей силе превращаться в товар, и др.³

Во второй половине XVIII в. было поколеблено политическое могущество феодалов, а разделы привели к за-

кату нескольких наиболее крупных магнатских латифундий. Резко сократились земельные резервы, особенно на западе страны. Развитие ремесла и мануфактур увеличивало товарность сельскохозяйственного производства. Экономическое оживление сопровождалось некоторым усовершенствованием сельскохозяйственного инвентаря, в котором появилось больше железных частей (большая коса с граблями при уборке хлеба, железный плуг и железная борона, соломорезка и веялка). Некоторые, правда, весьма ограниченные достижения наблюдались в культуре земледелия и животноводства. Получили распространение улучшенные породы скота. В отдельных помещичьих хозяйствах был введен севооборот и стали выращивать кормовые культуры — люцерну и клевер. Началось постепенное распространение картофеля. После 1770 г. в Речи Посполитой издавалась литература по земледелию и животноводству, но урожай как в крестьянских, так и в помещичьих хозяйствах по-прежнему были низкими (пшеница сам 2—3, рожь — 3—4, ячмень и овес — 4—5)⁴.

При общем хозяйственном подъеме в большей мере сказывалась малая производительность крепостного труда. И если в XVI в. наемный труд применялся только в польских королевских доменах около Гданьска, что объяснялось сравнительно небольшими затратами на доставку зерна к месту погрузки⁵, то в конце XVIII в. появляется брешь в системе исключительного использования крепостного труда и на остальной польской территории.

Предпринимательский, рыночный характер фольварка в конце XVIII в. привел к тому, что небольшая часть помещиков начала переходить к интенсивному ведению хозяйства. Вводился севооборот, переход к зеленым кормам позволил заняться разведением племенного скота, что повлекло за собой необходимость капиталовложений в сельское хозяйство. Показательны случаи перехода к использованию наемного и полунаемного труда. Наиболее распространенной формой замены барщинного труда наемным был перевод крестьян с отработочной ренты на денежную — чинш. Этот процесс в Речи Посполитой прослеживается с 70—90-х годов XVIII в. Очиншевание крестьян проводилось прусскими властями на польских землях, захваченных Пруссией, поэтому в начале XIX в. процент очиншевания крестьянских хозяйств в бывших прусских

воеводствах — Калишском, Варшавском, Плоцком и Августовском был выше, чем в остальных⁶.

О процессе разложения полунатурального крестьянского хозяйства и проникновении в него капиталистических элементов в конце XVIII в. свидетельствовало и ослабление феодальных форм зависимости крестьянства: либо в форме освобождения от земли, либо в форме очиншевания. Об этом же, т. е. о разложении феодально-крепостнических отношений, свидетельствовали имущественная дифференциация крестьян и постепенное превращение их в товаропроизводителей. Из общей массы крестьянства выделилась наиболее зажиточная верхушка — корчмари, торговцы зерном, скотом, пенькой, льном. В конце XVIII в. появились отдельные случаи применения наемного труда малоземельных крестьян (загородников, коморников, халупников).

Более того, в конце XVIII в. на польских землях увеличилась категория свободных от прикрепления к земле и от средств производства крестьян — так называемых вольных людей («гулящих людей»), которые использовались для работы по найму.

Для конца XVIII в. характерно начало процесса частичного и затем почти полного обезземеливания крестьян. К началу XIX в. этот процесс ускорился, и уже наблюдалось различие в аграрном строе отдельных районов в зависимости от типа крестьянских хозяйств. По данным 1810 г. можно определить наличие трех специфических типологических районов на польских землях, составлявших впоследствии основу территории Королевства Польского: западный (Варшавский, Калишский и Быдгоцкий департаменты), где было от 20 до 24% безземельных крестьян — парсбков, южный (Краковский департамент), где было меньше безземельных, но имелось около 44% малоземельных, и восточный (Люблинский департамент), где все эти контрасты были сглажены, преобладала традиционная система землепользования с малым числом безземельных⁷.

Типологические особенности аграрных отношений на востоке Европы наложили свой отпечаток и на другие отрасли экономики и на социальные отношения, отличительной чертой которых стали слабость города как центра ремесла, торговли и промышленности и незначительная роль мещанства. Однако на фоне экономического подъема

конца XVIII в. в условиях разложения феодально-крепостнических отношений в деревне наметилось оживление ремесла и промышленности. Главным достижением рассматриваемого периода было разделение труда в промышленности — появление первых мануфактур, особенно мануфактур, основанных не помещиками.

Появление первых, типично латифундиальных мануфактур датируется 20-ми годами XVIII в. Во второй половине века, особенно в 80-е и 90-е годы, появляются королевские и первые крупные мещанские мануфактуры⁸. При основании мануфактур главными были накопления феодалов, но имел значение и торговый капитал. Некоторые из магнатских и мещанских мануфактур приобретают капиталистические черты: они применяют наемный труд, предпринимаются попытки добычи и использования каменного угля.

Вместе с первыми элементами капитализма в промышленности появляется и специализация экономического развития отдельных районов страны. Выделяются районы по производству сукна, полотна и металлургические.

В Речи Посполитой цеховые объединения сохраняли много средневековых привилегий, против них упорную борьбу вели неорганизованные ремесленники. Экономический подъем второй половины XVIII в. ускоряет разложение цехов изнутри, некоторые подмастерья и ученики превращаются в наемных рабочих. Первый серьезный удар по цеховой системе был нанесен в 1809 г. введением в Княжестве Варшавском патентного налога с ремесла и торговли, благодаря чему любой ремесленник, выкупавший патент, становился независимым от цеха.

Увеличение товарности производства и товарно-денежных отношений вообще, общественное разделение труда на первых мануфактурах, экономическая специализация районов воздействовали на процесс расширения внутреннего рынка. Образование фабричных поселений вокруг мануфактур увеличивало возможности сбыта сельскохозяйственной продукции. Одной из характерных черт польской эконоимики конца XVIII в., связанной с возникновением мануфактур, было начало формирования рынка рабочей силы⁹.

Итак, в конце XVIII в. в связи с большим экономическим оживлением шел процесс разложения феодального строя и зарождения в его недрах капиталистических от-

ношений. Разделы Речи Посполитой повлияли на ход развития этого процесса, внесли новые тормозящие и стимулирующие факторы, но не приостановили его развития.

К 1815 г. произошли изменения в складывающейся европейской системе разделения труда. Речь Посполитая в XVI—XVIII вв. была европейским поставщиком зерна и леса. Внешняя торговля хлебом являлась стимулом для развития крупных магнатских фольварков. Войны конца XVIII — начала XIX в. разрушили старую систему взаимоотношений, в частности изменилась структура внешне-торговых отношений в Европе в ущерб интересам польских помещиков.

Наполеоновские войны и континентальная блокада Англии разрушили сложившуюся в Европе систему торговых отношений¹⁰. Военная разруха ликвидировала излишки зерна и повлияла на изменение направления обмена. Англия — самый крупный европейский импортер — в поисках сырья обращается к колониям. Канада начинает поставлять в Европу лес, оттеснив немецкие государства, польские земли и Россию. Включение Княжества Варшавского в систему континентальной блокады повлекло за собой наплыв в польские земли сельскохозяйственных товаров из Франции и Саксонии.

Исторически главными торговыми партнерами Польши были Пруссия, Австрия и Россия. До введения континентальной блокады важнейшими рынками для польского зерна были Англия и немецкие государства. В Англию польское зерно вывозилось главным образом через Гданьск и отчасти — через Щецин. В канун разделов 84% зернового экспорта через Гданьск составлял польский хлеб. Продукты, которые покупала Британия у Польши, составляли 34% ее общего импорта. Английские порты ежегодно принимали 70% польского экспорта продуктов животноводства¹¹.

Из Англии в Польшу поступали колониальные товары. В частности, одной из основных статей импорта был сахар. Из немецких земель в Польшу ввозили значительную часть промышленных изделий, экспортируя сырье и часть зерна. Торговля с Пруссией и Австрией шла сухопутным либо речным путями. Перевозка зерна по труднопроходимым дорогам была очень тяжелой и требовала больших транспортных расходов. В связи с этим Пруссия, например, предпочитала закупать польское зерно, а свои

излишки через балтийские порты экспортировать в Испанию и Португалию¹². Поэтому сухопутный путь играл важную роль в организации польского экспорта.

Большое место занимала торговля скотом (с украинскими землями) и зерном (через Одессу). Польша была транзитным государством и выполняла роль торгового посредника, главным образом в торговле европейских стран с Россией и Китаем. Самым тяжелым последствием континентальной блокады для Польши было то, что она лишилась английского хлебного рынка.

Королевство Польское, образованное в 1815 г. на Венском конгрессе, включало в себя часть земель бывшего Княжества Варшавского. Его территория составляла 127 тыс. км², население равнялось 3,2 млн. человек. Границы нового государственного организма были установлены без учета польской этнической территории. От польского государства в разное время были отторгнуты такие жизненно важные экономико-географические районы, как Верхняя и Нижняя Силезия, Быдгоцкий и Познанский департаменты, Поморье, Вармия и Мазуры, отданные Пруссии, Галиция и район Велички, вошедшие в состав Австрии, и Краков с окрестностями, превращенный в «вольную республику».

В состав Королевства Польского вошли 8 воеводств: Калишское, Мазовецкое, Плоцкое, Августовское, Подляское, Сандомирское, Люблинское и Краковское. От Калишского воеводства были отделены Быдгоцкий и Познанский районы, составлявшие одно целое в экономическом отношении; Краковское воеводство потеряло главный город — Краков и район соляных копей — Величку. Таким образом была нарушена сложившаяся территориальная система экономических взаимосвязей между рядом польских областей.

Конституция, подписанная Александром I в Варшаве 27 ноября 1815 г., устанавливала нераздельную связь Королевства Польского с Российской империей и общность царствующей династии, но предоставляла полякам определенные автономные права. Польским королем являлся русский царь, которому принадлежала вся полнота исполнительной власти. Царь имел право изменять бюджет Королевства Польского и на неопределенное время отсрочивать время созыва сейма. На время своего отсутствия в Варшаве он назначал наместника. Законода-

тельную власть король должен был осуществлять вместе с сеймом, созываемым раз в два года на 30 дней. Сейм состоял из двух палат: сената и посольской избы. В состав сената входили члены королевской фамилии и назначаемые королем епископы и высшие должностные лица. Посольская изба состояла из 77 депутатов от шляхты и 51 депутата от городских гмин. Сейм имел право обсуждать ежегодные отчеты правительства и все представляемые им законопроекты, принимать или отвергать их.

Высшим правительственным учреждением Королевства Польского был Государственный совет, который разрабатывал законопроекты, утверждаемые сеймом. Государственный совет делился на Административный совет — орган высшей исполнительной власти и Общее собрание. В Административном совете под председательством наместника заседали пять министров и назначаемые царем высшие чиновники. Было образовано пять правительственных комиссий (министерств): вероисповеданий и народного образования, справедливости, внутренних дел и полиции, военная, финансов и казначейства. В состав каждой комиссии входили министр (председатель) и несколько государственных советников. Воеводствами управляли воеводские комиссии во главе с председателем.

Министром внутренних дел и полиции весь конституционный период был Тадеуш Мостовский, твердо проводивший в жизнь свою программу и пользующийся поддержкой значительного круга высших государственных сановников. Министром финансов и казначейства вначале был назначен бывший министр финансов в Княжестве Варшавском, друг А. Чарторьского Тадеуш Матушевич. После его смерти в 1819 г. министром стал Валенты Соболевский, вскоре замененный Яном Бенгленским. Наконец, для укрепления расшатавшихся финансов на пост министра в 1821 г. был назначен бывший министр внутренних дел в Княжестве Варшавском Ксаверий Друцкий-Любецкий, остававшийся на этой должности до восстания 1830 г.

Военным министром вначале стал Юзеф Вельгорский, бывший помощник военного министра в Княжестве Варшавском, но после ссоры в мае 1816 г. с великим князем Константином он был отстранен. В последующие годы военным министром был Маурицы Гауке. Министры справедливости (юстиции) сменялись в такой последователь-

ности: Валенты Соболевский, Марцын Бадени, Игнацы Соболевский. Министром просвещения и вероисповеданий был назначен Станислав Костка Потоцкий, бывший председатель Совета министров Княжества Варшавского, сторонник широкого распространения светского образования. После опубликования антиклерикального памфлета «Путешествие в Темноград» он был смещен. С 1821 г. министром просвещения стал сын Станислава Августа реакционно настроенный Станислав Грабовский.

Формально конституция 1815 г. была одной из наиболее либеральных в тогдашней Европе. Пассивным избирательным правом пользовались лица, достигшие 30 лет и платившие не менее 100 злотых налогов в год; активным — шляхтичи-землевладельцы в возрасте от 21 года, а также священники, учителя, ремесленники-хозяева, земельные собственники, арендаторы и купцы, владевшие товарами на 10 тыс. злотых. Право голоса получили около 100 тыс. граждан. В конституции провозглашались неприкосновенность личности, свобода печати и вероисповеданий, независимость суда, польский язык был признан официальным. Однако большинство гражданских свобод оставалось только на бумаге. Создавалось польское войско с польским языком командования и национальными мундирами, но его организация находилась в ведении Военного комитета под председательством великого князя Константина. Однако Константин взял в свои руки единоличное управление армией, не допуская правительство и сенат.

Во время заседания Венского конгресса Константин делил свою власть над армией с Военным комитетом, состоявшим из авторитетных польских генералов: Я. Домбровского, Ю. Вельгорского, К. Сераковского и других¹³. В то время Комитет представлял собой реальную политическую силу, с которой должен был считаться Александр I. После принятия конституции руководство армией формально оставалось за военной комиссией, но Константин ограничил ее роль административно-исполнительными функциями. Зависимое положение польской армии определялось также тем, что ее вооружение полностью обеспечивалось русскими фабриками.

Наместником в Королевстве Польском был назначен генерал Юзеф Зайончек, не имевший авторитета ни в правительственных кругах, ни у Константина. После его

смерти в 1826 г. пост наместника остался свободным, а его функции перешли к Административному совету. В нарушение конституции императорским комиссаром при Административном совете сразу же после его образования был назначен российский сенатор Н. Н. Новосильцов, получивший большие полномочия.

В Королевстве Польском был учрежден институт тайной полиции. В зависимости от объектов наблюдения она была поделена на отделы. Кроме того, в 1816 г. был создан корпус жандармов, размещенный в Варшаве, а также в воеводских и уездных (обwodовых) городах. Особый отдел жандармерии под управлением полковника Сасса был выделен в непосредственное распоряжение Константина. Аппарат тайной полиции стыковывался с администрацией Королевства Польского через посредство Правительственной комиссии внутренних дел и полиции, в состав которой, согласно конституции, входил Отдел полиции и почт. В Варшаве функционировала также муниципальная полиция, подчиненная вице-президенту города Матеушу Любавидскому.

На Венском конгрессе было принято постановление о свободном развитии торговли между польскими землями, вошедшими после разделов в состав других государств, но это постановление соблюдалось только в первые годы.

В 1815 г. Королевство Польское было аграрной страной, 80% населения которой жило за счет сельского хозяйства, а 70% национального дохода давала земельная собственность¹⁴. Города были развиты слабо. Самым крупным городом, насчитывающим более 100 тыс. жителей, была Варшава. 59 городов имели от 3 до 10 тыс. жителей. В конце 1815 г. в Королевстве Польском было около 480 городов¹⁵. В 1816 г. городское население составляло 19,4% от общего числа жителей страны¹⁶. Среди городов преобладали маленькие городки и местечки, отличающиеся от деревень только тем, что их жители, в отличие от крестьян, пользовались некоторыми правами.

Жители таких местечек занимались сельским хозяйством. В некоторых из них не было даже ремесленных мастерских. Причем в этом отношении трудно делать различия между государственными и частными городами. Особенно много таких местечек было вокруг Варшавы.

Например, в Равском обwoде (поводе) Мазовецкого воеводства на пространстве в несколько квадратных миль было 13 местечек, из которых, по мнению современников, названия городов следовало бы сохранить только за тремя: Равой, Скерневицами и Иновлодзью¹⁷.

В Варшавском обwoде, в окрестностях Варшавы расположились, как писал современник, «14 убогих местечек, которые никогда в таком близком соседстве от столицы не только достичь расцвета, но даже сохраниться не смогут»¹⁸. В Станиславовском обwoде того же воеводства было 12 бедных местечек, жители которых занимались только земледелием¹⁹. После инспекции по Августовскому воеводству в 1819 г. наместник Зайончек пришел к выводу о том, что «города этого воеводства никчемны»²⁰. В Сейнах, Мариамполе, Кальварии, Ломже и Пшасныше почти не было каменных домов, многие деревянные дома были покрыты соломой²¹. В это время в Августовском воеводстве насчитывалось 46 городов²².

Во всех воеводствах были городки и местечки, не отличавшиеся от деревень и до того бедные, что неспособны были содержать представителей администрации. Больше всего их было в юго-восточных воеводствах, отстающих в социально-экономическом развитии, и в Мазовецком воеводстве (вокруг Варшавы). В отчете за 1820 г. комиссия Сандомирского воеводства поясняла: «Причиной не обновления городов постройками или отсутствия порядка, а также необогащения жителей следует считать повсеместное отсутствие оборотных денег, упадок земледелия, плоды которого не находят реализации, а тем самым упадок фабрик, чья продукция не имеет спроса...»²³.

Состояние сухопутных и водных путей к моменту образования Королевства Польского было плачевным. Существовавшие ранее мощные дороги были небольшой протяженности и не могли удовлетворить хозяйственных нужд. Более того: прежний способ сохранения мощных дорог в порядке с помощью шарварков полностью изжил себя, а заменить его было нечем, так как у правительства не было средств. Ранее судоходные реки из-за загрязненности русел, завалов и постройки плотин превратились в несудоходные. Во время войны прекратилась почтовая связь между городами. Плохие дороги и запущенные речные пути сообщения сдерживали, наряду с другими факторами, развитие промышленности и торговли.

Финансовое положение Королевства Польского было крайне тяжелым. Правительство получило в свое распоряжение совершенно пустую казну, отягченную к тому же долговыми обязательствами. Над казной тяготели невыплаченные долги Австрии и Пруссии. В первые годы царское правительство предоставляло Королевству Польскому аванс на содержание польского войска. С 1817 г. расходы по содержанию армии целиком пали на польскую казну, а сумма аванса, более чем 66 млн. злотых, была присоединена к общему долгу. Командующий польской армией великий князь Константин требовал все больших расходов на армию, а казна не справлялась и с предыдущими.

Национальный долг постоянно увеличивался из-за того, что правительственным органам удавалось взимать задолженности лишь за прошедшие годы, а использовали эти деньги в текущем бюджете. Возместить задолженность прошлых бюджетов не было возможности. Недобор за 1817—1820 гг. составлял 30 млн. 664 тыс. злотых²⁴. Весной 1821 г. Александр I в рескрипте по поводу финансов Королевства Польского недвусмысленно пригрозил лишить поляков финансово-экономической автономии в случае, если они не смогут так организовать свои финансы, чтобы быть в состоянии содержать собственную армию.

Польскому правительству было предложено пересмотреть штаты административно-управленческого аппарата и ликвидировать те учреждения, существование которых не было вызвано крайней необходимостью. 25 мая 1821 г. в обращении министра-государственного секретаря Соболевского Административному совету говорилось: «Дело дошло до такой степени, что уже нет речи о таких вопросах, как сохранение или смена некоторых учреждений, завершение или прекращение каких-либо работ... речь идет об отказе от национального существования и самого ценного блага поляков, так как дело касается доказательств, сможет ли Королевство Польское собственными средствами обеспечить свой политический и гражданский быт...» (разрядка документа.— Л. О.)²⁵.

Основой экономики Королевства Польского было сельское хозяйство. Его характеристику начнем с краткого описания системы землевладения и землепользования.

В 1807 г. в Княжестве Варшавском был введен кодекс Наполеона, ликвидировавший крепостное состояние крестьянства. Он сохранил свою силу и в Королевстве Польском. После 1807 г. для системы землевладения в Королевстве Польском были характерны:

1) крупная частная земельная собственность; 2) государственная собственность; 3) крестьянская частная собственность.

Крупными земельными участками владели помещики и государство. В 1827 г. в Королевстве Польском было 4200 помещиков²⁶, причем крупными земельными угодьями владела лишь сравнительно небольшая часть.

Государству принадлежали так называемые национальные имения. Они образовались из бывших королевских, столовых и монастырских земель, горных имений, принадлежавших ордену иезуитов, а также отобранных у французских маршалов и генералов.

Крестьянская частная собственность на землю еще не стала чисто капиталистической, и, как правило, была связана с различными, более или менее значительными феодальными повинностями. На правах частной собственности крестьянам принадлежала ничтожная часть земель.

Крестьяне-собственники составляли несколько групп. Самое выгодное, исключительное положение среди них занимали так называемые *окупники*, весьма немногочисленная группа. Они приобрели землю в собственность за оговоренную цену или получили ее в дар (чаще всего в духовных имениях — бискупизнах), с оставлением за прежними хозяевами права на изготовление и продажу спиртных напитков, охоты, рыбной ловли, постройки шахт и т. п. Следующая группа, также немногочисленная — *эмфитевты* — обладатели вечно-чиншевых прав (обычно в национальных имениях). Также вечные права на пользование землей имели так называемые *колонисты* и *олендры* (старые поселенцы) и обладатели *солецте*, платившие так называемые лановые.

Система землепользования, действующая в Королевстве Польском, основывалась как на частной собственности на землю, так и на различных видах аренды. Преобладающее большинство земледельцев не имело земельной собственности, причем это распространялось как на представителей шляхетского сословия, так и на крестьянство.

В сельских гминах жило более 40 тыс. шляхтичей, из них 4100 — арендаторов имений и более 32 тыс. — шляхты загоновой²⁷. Большинство шляхтичей, арендовавших имения, не имело собственной земли или владело небольшими участками. Шляхта загонова (или загорова), заселявшая южные и восточные районы королевства, т. е. мелкая шляхта, владела небольшими участками земли. Мелкая шляхта была слоем, близким по своему экономическому положению к крестьянству. Единственным источником ее существования, не считая редких торговых спекуляций, была обработка небольших участков земли, за которую они, в противовес крестьянам, не несли повинностей.

Исследователь быта мелкой шляхты В. Смоленский писал, что мелкая шляхта, как правило, не располагает сплошным участком земли, а имеет десять, двадцать, а то и больше парцелл. Из-за чересполосицы их владельцы полностью зависели друг от друга и не могли проводить никаких самостоятельных работ по усовершенствованию земледелия. Такое положение «затрудняло нововведения и вело к бессмысленности в поступках и застою»²⁸. «Шляхетская семья, как и семья рольника, теснилась в одной избе с челядью, а в морозные дни — и со скотиной. Даже в канун 1864 г., — пишет Смоленский, — шляхтичи были такими же убогими, в некоторых местах даже более убогими, чем крестьяне, а спасения ниоткуда не имели»²⁹. Мелкая шляхта, лишенная кредита, не имеющая возможности и желания усовершенствовать методы обработки земли, считающая для себя унизительным занятие ремеслом или работу на мануфактуре, тормозила социально-экономическое развитие³⁰.

Согласно статистическим данным Родецкого, в 1827 г. в гминах жило 3 млн. 163 тыс. человек (на 4 млн. 32 тыс. жителей страны)³¹. Из них, по подсчетам польского исследователя З. Киркор-Кедроневой, за вычетом арендаторов с семьями и сельских ремесленников, около 2 млн. 800 тыс. составляли крестьяне³². Крестьяне, живущие в частных и национальных имениях, делились на несколько категорий в зависимости от их прав на обработку земли или от обязанностей по отношению к землевладельцам³³.

Основную массу земельных крестьян (*рольников*) — несобственников земли составляли *чиншевики*, имеющие

права многолетней аренды, или чиншевики с трех-, шести- и девятилетними договорами об аренде и, главное, — *барщинные* крестьяне, пользующиеся землей за выполнение барщины. Барщинные крестьяне назывались по-разному в зависимости от размера обрабатываемой ими земли: *загородники* — от 3 моргов до 1/4 волюки хелминской, *полрольники*, или *половники*, — от 12 моргов до 1/2 волюки хелминской и более, *кметы*, или *целорольники*, — около целой волюки хелминской. За крестьянами-рольниками участки земли не закреплялись, и владелец мог их согнать с обрабатываемого участка.

Безземельные крестьяне, в свою очередь, делились на несколько групп.

Халупники занимали промежуточное положение между безземельными и земельными крестьянами. Они имели халупу и огород, а иногда огород на две семьи (приближаясь в таком случае к коморникам). Обычно, кроме этого, они имели от двух до шести моргов земли и за это два-три дня выполняли пешую барщину, не считая различных дополнительных повинностей: толок, даремщин, данин и т. д. В некоторых местах халупников называли *огородниками*. Иногда они не отрабатывали еженедельной барщины, а выполняли лишь срочную работу во время жатвы и определенное число дней принудительного найма весной и осенью. Быт халупников не был обеспечен тем небольшим участком земли, который у них был, и они шли на наемную работу. За принудительный найм плата была гораздо ниже, чем за обычный.

Коморники получали от владельца фольварка жилье, землю под огород размером от половины до одного морга, несколько полос льна, капусты, картофеля и зерна на барском поле, небольшой участок луга, пастбище для одной или двух коров и право на сбор грибов и ягод в лесу. Коморников, которым вместо полос земли, засеянных зерном, давали определенное число копен (обычно две копы ржи и одну копу ячменя), называли *копьяжами*. За полученное коморники должны были отрабатывать в поле определенное число дней в неделю (чаще всего два). Кроме того, у них были другие повинности: толока, женская барщина во время жатвы, охрана овец и пр.

Помимо этого, коморники должны были постоянно работать в фольварке за определенную плату, меньшую, чем вольнонаемные. Коморников держали также крестьяне-

рольники, которым они помогали отрабатывать барщину за «угол» и долю земли. В свободное время они по найму работали в фольварке. Рольники, которым тяжело было вести свое хозяйство, охотно бросали землю и заключали коморный договор с фольварком или другими рольниками, становясь *кутниками*.

Выробники поставляли наемную силу для фольварков, с которыми они не были связаны никакими постоянными обязательствами. Они не имели никакой собственности, даже коровы, ютились по местечкам или находили приют у крестьян, которым помогали во время сезонных работ. В этот разряд переходили разорившиеся рольники: коморники, временно оставшиеся без места, молодые супруги, надеявшиеся в будущем получить землю, старики. Выробники постоянной работы в фольварках не имели, их использовали sporadически, на срочных сезонных, особенно летних работах, или на мелиорации, вырубке лесов, раскорчевке пней, строительстве дорог, копке рвов и т. д. Выробники находились в бедственном положении, хотя плата по найму была сравнительно высокой.

Не имела земли *дворовая челядь, паробки и девки, и пастухи*.

У крестьян в национальных имениях постройки и скот были собственными, и, уходя, крестьянин терял их. В некоторых имениях крестьяне пользовались правом наследственного владения землей, не выполняли таких дополнительных работ как даремщины, гвалты и т. п., но не всюду.

Исторически сложившаяся система землепользования на востоке Европы выражалась в образовании трех типов хозяйств. Крупные помещики владели фольварками, включавшими в себя помещичье хозяйство: двор и имение в целом (запашку и другие уголья)³⁴. Наиболее крупные землевладельцы имели ординации, объединявшие несколько фольварков на большой территории. Крупное помещичье хозяйство — фольварк — было основным типом помещичьего хозяйства в Королевстве Польском. Как правило, помещики не имели собственного рабочего скота и необходимого для обработки всей земли сельскохозяйственного инвентаря, мало прибегали к использованию наемного труда. Землю обрабатывали барщинные крестьяне своим инвентарем³⁵.

Вторым типом хозяйства, наиболее многочисленным, было крестьянское хозяйство, основанное на обработке небольшого участка земли своими силами. По характеру землепользования хозяйства крестьян-собственников, крестьян-чиншевиков и барщинных крестьян, а также мелкой малоземельной шляхты почти не различались.

Третьим типом хозяйства были подсобные крестьянские хозяйства малоземельных крестьян, которые не могли обеспечить им необходимых средств существования. Владельцы таких хозяйств вынуждены были искать иные источники существования.

Процесс разложения феодальных отношений был ускорен в связи с установлением новых форм землевладения после введения кодекса Наполеона. Конституция Королевства Польского сохранила положения конституции Княжества Варшавского по вопросу о характере землевладения. В основу конституции 1807 г. был положен кодекс Наполеона. Она отменяла крепостное право и устанавливала равенство сословий перед законом, упразднялся сословный суд. Крестьянин имел право уехать из деревни, мог подавать в суд на землевладельца. Королевский декрет от того же года, вводивший в действие статьи конституции по земельному вопросу, подтвердил личную свободу крестьян и принцип договорных отношений между помещиком и крестьянином.

Вводился принцип буржуазной собственности на землю, которая признавалась за помещиком. Если раньше феодальное держание земли крестьянином означало право крестьянина на обработку закрепленного за ним участка земли, то после 1807 г. земля, постройки и инвентарь признавались собственностью помещика. Крестьянин мог уйти из деревни, только лишившись всего, чем он до этого пользовался, и выполнив повинности помещику.

В декрете указывалось, что в течение ближайшего года помещик не может прогнать крестьянина. Через год помещик волен был поступать по своему усмотрению.

Это положение открывало перед землевладельцами почти неограниченные возможности для сгона крестьян с земли. Таким образом крестьянин, оставаясь на прежнем участке земли, за право ее обработки вынужден был принимать условия помещика. В то же время земельное держание крестьянина приобрело временный характер, по-

сколькx помещик мог в любой момент согнать его с занимаемого участка.

Конституция 1815 г. подтвердила за крестьянами Королевства Польского право на личную свободу, а за помещиками — право на землю. Пункт о гражданских правах крестьян по сути дела был фиктивным, ибо с 1818 г. войтом гмины и главой местных судебных органов, в которые направлялись жалобы крестьян, стал помещик. Декрет о челяди разрешал помещику применение телесных наказаний. Для подавления взбунтовавшихся крестьян, отказывающихся выполнять повинности, власти предоставляли в распоряжение помещиков войска.

В Королевстве Польском еще не созрели условия для установления буржуазных отношений, и поэтому кодекс Наполеона не отражал реального положения дел. Следствием этого было и сохранение противоречивых положений в тогдашнем законодательстве. Тем не менее подтверждение конституцией 1815 г. буржуазного права собственности на землю имело большое значение в плане подготовки условий перехода на путь капиталистического развития в сельском хозяйстве.

Ликвидация крепостной зависимости при упрочении права на землю за помещиками вела к перестройке производственной структуры сельского хозяйства, к изменению отношений, опосредованных землей. Элементы новых, капиталистических отношений проникают в помещичье и крестьянское хозяйство.

Происходила медленная эволюция феодального фольварка, его постепенное превращение в хозяйство капиталистического типа, с длительным сохранением феодальных черт. Одновременно совершался медленный процесс превращения полунатуральных крестьянских хозяйств в товарные. Во втором десятилетии XIX в. основным оставался тип фольварка, в котором преобладал барщинный труд, где основой хозяйствования был экстенсивный метод, где преобладала отсталая культура земледелия и животноводства и почти не вставал вопрос о капиталовложениях.

Но это уже не был фольварк конца XVIII в., в него начали проникать элементы нового, капиталистического типа. Новым было то, что теперь фольварк, во-первых, основывался на частной капиталистической собственности без права крестьян на землю или с ничтожными правами.

Во-вторых, фольварк использовал труд лично свободных крестьян. Правда, договор о найме носил феодальный характер, ибо вместо денежной платы за труд земледелец получал земельный надел и за него отработывал барщину, или помещение для жилья и небольшую плату, или спорадически денежную плату.

В-третьих, фольварк целиком основывался на товарном производстве, рассчитанном на внешний или внутренний рынок. Изменился тип арендных отношений. Чиншевые отношения еще не являлись настоящей капиталистической арендой с денежной платой, которая была бы формой процента на земельный капитал, за недвижимость, но это не было и феодальным крестьянским держанием. Чиншевые отношения после 1807 г. представляли собой передачу на срок капиталистической собственности. Чинш, близкий по форме к денежной феодальной ренте, по сути приближался к арендной плате. Эта аренда еще сопровождалась отработочной рентой для фольварка, что обуславливалось тем обстоятельством, что крестьяне не получили земли.

Крестьянское хозяйство тоже претерпело изменения. Появились частные крестьянские хозяйства, характерные для капиталистического хозяйства. Прежде всего это хозяйства, основанные на правах частной собственности, мелкотоварные, непосредственно связанные с рынком, независимые от помещика. Но таких хозяйств было еще мало.

Общая ситуация в сельском хозяйстве Королевства Польского в первые годы после его образования была тяжелой. Сельское хозяйство на польских землях, как и экономика в целом, сильно пострадало от военных разрушений, поставок и грабежей. Военные действия отвлекали крестьян от обработки земли,несли с собой новые налоги, нарушали установившиеся торговые связи между районами, означали гибель посевов, сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота. Помещики лишились кредитов. Во время наиболее благоприятной экономической конъюнктуры Пруссии в 1794—1805 гг. польские помещики активно пользовались услугами Королевского банка в Берлине и частных банков. В результате в канун 1815 г. общая сумма долга шляхетских имений равнялась 360 млн. злотых. Земельные долги в четырех бывших прусских воеводствах, вошедших в состав Королевства Польского, составляли 86,2% стоимости земель, а в че-

тырех бывших австрийских воеводствах — 50%³⁶. Лишь 6,4% земель были свободны от долгов³⁷.

Крестьянство находилось в бедственном состоянии. Кроме тяжелых повинностей в пользу владельцев земли, крестьяне страдали от прямых и косвенных налогов в пользу государства. Одним из наиболее обременительных был налог на содержание войска — так называемый *kontyngens liwegunkowy*. Он вносился деньгами и был особенно трудным для крестьян национальных имений, так как там размер налога зависел от наличия у крестьян рогатого скота. В частных имениях размер налога определял помещик, незаинтересованный в слишком больших расходах крестьян. Среди косвенных самым тяжелым был налог на соль и платежи, обусловленные монополией государства на изготовление и продажу спиртных напитков. Центнер соли стоил 27 злотых, а центнер зерна — 6—7 злотых. Чтобы заплатить налоги, крестьянин должен был продать 10 корец зерна, т. е. 2/3 урожая с 15-моргового хозяйства³⁸.

Тяжелая обстановка усугублялась постигшими польские земли неурожаями в первые годы существования Королевства Польского, особенно в 1816 и 1817 гг., и ликвидацией английского зернового рынка сбыта.

В первые годы существования Королевства Польского начала возрождаться *промышленность*. Основные черты структуры польской промышленности проявились во второй половине XVIII в. Возникновение мануфактур ликвидировало монополию ремесленного производства. Промышленное производство в Польше в начале XIX в. было представлено ремесленным производством, рассеянной и централизованной мануфактурами. Традиционными отраслями промышленности на польских землях были текстильная, горнорудная и металлургическая. Первые мануфактуры (государственные и частные) появились в металлургической промышленности. Рассеянные мануфактуры были распространены главным образом в текстильном производстве.

Мастерские свободных ремесленников-текстильщиков и ремесленников, объединенных в цехи, развивались параллельно с рассеянными и централизованными мануфактурами. Правительство регулировало взаимоотношения между объединенными и необъединенными ремесленниками. Старая цеховая организация с ее строгой регламен-

тацией практически была упразднена. Новая профессиональная организация корпорации ремесленников была определена постановлением наместника от 31 декабря 1816 г.³⁹ В тех городах, где проживало более 10 мастеров одной профессии, создавалось «объединение старших» (*Urząd starszych*).

Функции этих объединений были сравнительно скромными: 1) составление списка мастеров, подмастерьев и учеников для утверждения властями; 2) наблюдение за исполнением постановлений о принципах взаимоотношений внутри объединений; 3) обеспечение порядка. Запрещалось отказывать ремесленникам в переходе в разряд мастеров при условии соблюдения ими определенных правил. Постановление о профессиональных объединениях (цехах) не касалось сельских ремесленников, которые не должны были состоять в объединениях.

Воеводские комиссии получили право освобождать владельцев крупных мастерских и мануфактур от обязанности входить в эти объединения. Устанавливалась свободная продажа товаров на торгах и ярмарках всей страны. Запрещалось установление монополевой цены путем сговора цеховых мастеров. Таким образом цеховые объединения лишились своего привилегированного положения.

Рассеянная мануфактура возникала тогда, когда между производителем и потребителем появлялся посредник, предоставляющий ткачу сырье для переработки и оплачивающий ему только его работу. Окончательная обработка полуфабриката часто производилась в другом месте, иногда в шляхетской усадьбе. Посредниками становились купцы, мелкие торговцы, лоточники, а иногда и оборотистые ткачи, приобретающие пряжу на больших складах. Посредниками в хлопчатобумажной промышленности часто становились купцы из непромышленных местечек. Мелкие купцы-посредники в шерстяном производстве пряжу закупали главным образом у местного населения. Владельцы складов пряжи часто устанавливали такую форму взаимоотношений: ткач за условленную с владельцем склада плату из предоставленной пряжи должен был выработать ткань того качества, которое требовалось владельцу. Такой ткач мало отличался от наемного рабочего.

Владельцами централизованных мануфактур становились либо богатые мастера, сумевшие накопить средства,

либо, что случалось чаще, промышленники и купцы, имевшие собственный капитал и в большинстве случаев получавшие ссуды от государства. Купцы и предприниматели, располагавшие значительным капиталом, имели возможность основывать крупные мануфактуры с введением широкого разделения труда. Большое положительное значение в деле организации крупных мануфактур, оснащенных современным оборудованием, имел опыт передовых европейских стран. Образование крупных централизованных мануфактур в Королевстве Польском поддерживалось государством.

В начале XIX в. наибольшего развития текстильная промышленность достигла в Познанском и Быдгоцском департаментах. В 1810 г. ее продукция оценивалась в 16 млн. злотых⁴⁰. В Познанском округе, являвшемся главным центром польской шерстяной и льняной промышленности, проживало 2427 сукноделов, 1165 полотнянников, 66 красильщиков и 28 сукновалов⁴¹. Познанский и Быдгоцкий департаменты перешли к Пруссии. В состав Королевства Польского были включены Калишский и Варшавский департаменты (Калишское и Мазовецкое воеводство), в которых текстильная промышленность была развита значительно слабее.

В 1810 г. в Калишском департаменте проживало 323 сукнодела, 228 полотнянников, 11 красильщиков и 4 сукновала, а в Варшавском департаменте — 252 сукнодела, 416 полотнянников, 14 красильщиков и 1 сукновал⁴². Дробление сложившегося текстильного района, включение его составных частей в разные государственные образования отрицательно сказалось на перспективах дальнейшего развития текстильной промышленности, особенно сукноделия. С другой стороны, потеря развитой текстильной промышленности Великой Польши поставила власти Королевства Польского перед необходимостью создания собственной промышленности. Иммиграция сукноделов из Великой Польши после образования Королевства Польского, поддержанная польскими властями, облегчала процесс развития текстильной, главным образом шерстяной промышленности.

Таким образом, текстильная промышленность в Королевстве Польском опиралась на существующую традицию. В текстильном производстве на польских землях первое место принадлежало шерстяному производству,

второе — льняному, третье — хлопчатобумажному. Преобладающей формой шерстяного ткачества, распространенного в основном на Мазовецко-Калишской территории, было мелкое товарное производство мастеров — владельцев одного или нескольких станков. Льняное и конопляное производства были широко распространены в деревнях Люблинского, Калишского и Августовского воеводств как подсобный промысел.

Крестьяне для собственного потребления изготавливали грубое и полутонкое полотно. Тонкое льняное полотно, особенно для армии в период наполеоновских войн, выработывали в Силезии⁴³. Королевство Польское лишено было собственных центров по выработке тонкого полотна. Хлопчатобумажное производство было новой отраслью, не получившей развития на польских землях. По сведениям Правительственной комиссии внутренних дел и полиции, до 1815 г. на территории Королевства Польского было 119 ситцевых и ситценабивных мастерских, в которых ежегодно изготовлялось 4 млн. 573 тыс. аршин ситцев, 1 млн. 648 тыс. аршин полуситцев и 271 050 аршин набивных ситцев; итого 6 млн. 492 тыс. аршин хлопчатобумажных тканей⁴⁴. Польская хлопчатобумажная промышленность как таковая ведет свое начало с 20-х годов XIX в.

Горнорудная и металлургическая промышленность не были новыми отраслями польской промышленности. Польские земли издавна славятся богатыми залежами полезных ископаемых, сконцентрированными в основном на территории двух воеводств — Сандомирского и Краковского. Старопольский горнометаллургический округ был богат запасами руд и дерева, в окрестностях Домбровы Гурпичей имелись залежи руд и угля. Феодалная в своей основе латифундиальная промышленность во второй половине XVIII в. ориентировалась преимущественно на производство полуфабрикатов; собственной и обрабатывающей металлургической промышленности почти не было.

Наиболее крупной обрабатывающей мануфактурой в Речи Посполитой были келецкие «железные» предприятия, изготавливавшие полуфабрикаты и только в конце века начавшие работать над выполнением военных заказов⁴⁵. Горнорудная и металлургическая промышленность находилась в руках королевского двора или магнатов,

и эти предприятия были лучше организованы, чем шляхетские мануфактуры, которые существовали недолго и не оправдывали вложенных затрат. На магнатских мануфактурах руда и другое сырье, а также подсобная рабочая сила были собственностью помещика-мануфактуриста, а квалифицированная рабочая сила — вольнонаемной, часто иностранной⁴⁶. К концу XVIII в. в горнорудной промышленности Речи Посполитой было 165 предприятий⁴⁷.

Горнорудная промышленность в 1806—1807 гг. была очень слабой, фактически существовало только железоплавильное производство. И хотя в стране ощущалась нехватка железа, мануфактуры приходили в упадок из-за отсутствия спроса на их продукцию. В Княжестве Варшавском несмотря на введение кодекса Наполеона оставалось в силе старое немецкое законодательство по горному делу. Согласно французскому кодексу, собственность на землю означала собственность на недра. По немецким законам право собственности на недра принадлежало монарху, и разрабатывать их можно было лишь при условии выкупа «лена» — патента, а впоследствии была введена десятина, сбор которой был прекращен только в 1814 г.

В 1816 г. горнорудная и металлургическая промышленность находились в зачаточном состоянии. На территории Королевства Польского государству принадлежало девять железных рудников с тремя печами для плавки, два медных рудника без плавильных печей и две угольных копи, открытых при прусском правительстве. Для добычи олова существовало несколько открытых копей; печей для выплавки и очистки олова и серебра не было. Вообще не было организовано производство латуни и цинка.

В Королевстве Польском имелись такие традиционные отрасли промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья, как кожевенная, винокурная, маслобойная. Винокурни и маслобойни в основном устраивались в помещичьих усадьбах, кожевенным ремеслом занимались кустари и ремесленники. Обрабатывающая промышленность была развита очень слабо.

Итак, Королевство Польское начинало свое существование в трудных условиях. Переделы польской территории разделили районы, составлявшие в экономическом

отношении единое целое, войны и военная разруха пагубно отразились на состоянии всех отраслей экономики, унесли много человеческих жизней, обусловили изменение установившихся в Европе торговых связей. Все эти внешние факторы воздействовали на постоянно действующий фактор — общее отставание польских земель по уровню экономического развития. Капиталистические элементы в сельском хозяйстве и промышленности были еще слабо развиты.

Политическая обстановка в Королевстве Польском в 1815—1830 гг., сравнительно спокойная в первое время, постепенно обострялась, найдя выход в вооруженном выступлении. В марте 1818 г. впервые собрался сейм. На сессии сейма Александр I выступил с туманными обещаниями, которые тем не менее позволяли надеяться хотя бы на стабилизацию положения. В некоторых областях общественной жизни наступило заметное улучшение. В частности, министр просвещения Потоцкий развернул широкую кампанию по распространению сети народных школ. За два года, к 1817 г., общее число учащихся начальных городских и сельских школ возросло почти на 25%.

В Варшаве был основан университет (1816 г.), в стране открылось несколько высших учебных заведений: военное училище, лесничества и политехники в Варшаве, горного дела в Кельцах, кадетов в Калише, учителей начальной школы в Ловиче, духовная семинария для евангелистов, школа раввинов. Улучшилось состояние среднего образования. Однако сменивший Потоцкого Грабовский взял курс на резкое сокращение числа начальных школ. Был введен принцип добровольности пожертвований на начальные школы, и школьные фонды в деревнях сильно сократились. В 1820—1830 гг. число начальных школ в городах незначительно увеличилось (с 342 до 412), а в деревнях резко уменьшилось (с 880 до 329).

После принятия конституции в стране оживилась общественная жизнь, начали издаваться газеты и журналы. В прессе и публицистике обсуждались проблемы культурного и экономического развития Королевства Польского, способы усовершенствования сельскохозяйственных орудий и пр. В 1819 г. вопреки соответствующей статье конституции в Королевстве Польском была введена цен-

зура и закрыты две газеты. С 1820 г. под впечатлением революционных событий в Европе и оживления революционного движения в России с либеральными заявлениями было покончено.

Царское правительство все чаще стало нарушать основные принципы конституции 1815 г. Ответом было усиление оппозиционного движения. Ареной организованного выступления легальной оппозиции стали заседания второй сессии сейма. Она открылась, как и было предусмотрено конституцией, через два года после первой, в 1820 г. Основная дискуссия развернулась по двум вопросам: о характере уголовно-процессуального кодекса и «Органическом статуте» сената.

В проекте уголовно-процессуального кодекса, вынесенном на обсуждение сената, были допущены нарушения принципов буржуазного права. Проект ограничивал гласность судебных заседаний, предоставлял слишком большие права прокуратуре, вовсе не было речи о введении суда присяжных. Кодекс был отвергнут 120 голосами против 117. Был отвергнут также и «Органический статут» (большинством 61 голоса против 53), так как по его проекту посольская изба лишалась права привлечения министров к судебной ответственности. В президиум сейма было подано 80 петиций с жалобами на неконституционные действия правительства.

Инициаторами оппозиционных выступлений в защиту незыблемости политических прав и конституционных гарантий выступили так называемые калишане, позже получившие название «калишской партии». Это были представители богатой шляхты с запада, из Калишского воеводства, переводившие свои хозяйства на новый, буржуазный путь развития. Во главе оппозиционной группировки калишан стояли братья Винцентий и Бонавентура Немоевские. Они стали инициаторами выступлений против всех проявлений нарушения конституционных свобод, прежде всего введения цензуры.

Третья сессия сейма открылась лишь после пятилетнего перерыва, в 1825 г. Накануне ее открытия царь включил в конституцию «дополнительную статью», согласно которой была отменена гласность сеймовых заседаний. Братья Немоевские не были допущены на заседания, а Бонавентура вскоре арестован. Благодаря принятым царским правительством мерам третья сессия

сейма прошла сравнительно спокойно. Покорность шляхетских депутатов сейма не отражала политических настроений оппозиционно настроенных кругов.

Калишане были представителями легальной либеральной оппозиции, добивавшимися последовательного соблюдения конституции. Но параллельно с этим легальным движением оформлялось нелегальное течение представителей национально-освободительного движения, шляхетских революционеров. Тайные кружки и общества формировались главным образом из студентов и офицеров.

После наполеоновских войн молодежь из среды шляхетства стремилась получить высшее университетское образование, чтобы обеспечить свое существование службой в государственных учреждениях и учебных заведениях либо занятиями свободными профессиями. В середине 20-х годов XIX в. в Варшаве было 700 студентов, в Кракове — 200, в Вильно — около 1000, во Львове почти столько же, поляки учились в немецких учебных заведениях во Вроцлаве и Берлине. В крупных учебных заведениях возникали тайные студенческие кружки и организации различного характера. Между 1817 и 1823 гг. насчитывается около 50 тайных молодежных организаций.

Первая студенческая организация в Варшаве — «Панта Коина» — ставила перед собой в основном просветительские цели. Политический уклон имела другая студенческая организация — «Союз свободных поляков», возникшая в 1819 г. Наиболее организованной была молодежная организация в Вильно («Общество филоматов») в 1817—1823 гг. Из студенческих организаций вышли видные впоследствии деятели польского национально-освободительного движения: Т. Кремповецкий, В. Хельтман, Ю. Козловский, поэт-революционер А. Мицкевич, участники декабристского движения Ю. Люблинский и М. Рукевич.

Параллельно студенческому развивалось конспиративное движение среди офицеров. Условия службы в армии Королевства Польского были неблагоприятными. Армия была сравнительно немногочисленной — около 29 тыс. человек, а число офицеров, оставшихся с наполеоновских времен, весьма значительным. Поэтому шансы продвижения по службе были очень невелики. Это положение по-

служило одной из причин нарастания революционных настроений среди офицерских кадров. Большое недовольство офицеров вызывало оскорбительное отношение к ним великого князя Константина. В течение первых четырех лет 49 офицеров покончили жизнь самоубийством, доведенные до отчаяния оскорблениями со стороны Константина. Многие офицеры, имевшие иные источники дохода, уходили в отставку. Вызывали возмущение офицеров также случаи беззакония в стране и нарушения конституции.

Инициатором создания тайной патриотической организации в армии стал майор Валериан Лукасиньский. В 1819 г. было образовано «Национальное масонство» под лозунгом возрождения Польши. Его сменило в 1821 г. «Патриотическое общество», поставившее своей целью восстановление независимой Польши. После ареста В. Лукасиньского общество возглавил Северин Кшижановский. В 1824 г. Общество установило связь с Южным обществом декабристов. Совместного выступления, как известно, не произошло, но после подавления восстания декабристов руководители Общества были арестованы. Членов Патриотического общества, связанных с декабристами, судил сеймовый суд в 1828 г. Он отверг главный пункт обвинения в государственной измене, обвиняемых осудили только за участие в запрещенных тайных обществах на небольшой срок.

В декабре 1828 г. в Варшаве возникло тайное общество в школе подхорунжих, его организатором был инструктор этой школы подпоручик Петр Высоцкий. Наиболее революционно настроенные деятели общества требовали перехода к решительным действиям.

Новый царь Николай I искал сближения с польской аристократией. В 1829 г. он прибыл в Варшаву, чтобы короноваться польским королем, на 1830 г. объявил четвертую сессию польского сейма. На сейме не было выдвинуто оппозиционной политической программы, хотя либеральная оппозиция и выступала против многих предложений правительства. Сейм принял законы об урегулировании сервитутов и об отмене гражданского брака. Стала очевидной нереальность надежды на революционно-патриотическую позицию депутатов сейма.

Между тем в стране нарастало недовольство. Волновались крестьяне, не получившие земли и серьезного об-

легчения своего положения; городской люд страдал из-за увеличения безработицы и дороговизны, усугубленных неурожаем и ухудшением условий экспорта польских текстильных изделий. Прорывалось возмущение злоупотреблениями чиновников и происками тайных агентов Новосильцова, представители творческой интеллигенции протестовали против усиления цензурного нажима. Большое влияние на усиление брожения в умах оказали революционные события в Европе. В этих условиях деятельность тайного общества оживилась. 29 ноября 1830 г. вспыхнуло национально-освободительное восстание, продолжавшееся более десяти месяцев. После поражения восстания Королевство Польское фактически было лишено автономных прав.

¹ Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, с. 346.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 341.

^{2a} Якубский В. А. Проблемы аграрной истории позднесредневековой Польши. М., 1975, с. 11.

³ См.: Якубский В. А. Проблемы..., с. 15—16.

⁴ Kolodziejczyk R., Gradowski R. Zarys dziejów kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1974, s. 24—26.

⁵ Rutkowski J. Historia gospodarcza Polski. Poznań, 1947, t. I, s. 133.

⁶ Grabski W. Historia wsi w Polsce. Warszawa, 1929, s. 280.

⁷ Grabski W. Historia..., s. 249.

⁸ Kula W. Szkice o manufakturach w Polsce XVIII wieku. Warszawa, 1956, t. 1, cz. 1, s. 14—15.

⁹ Kula W. Szkice..., s. 27.

¹⁰ Strzeszewski Cz. Handel zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815—1830). Lublin, 1937, s. 3—6.

¹¹ Lipoński W. «Brytaniczny Handel» i «parne maszyny». — Kultura 24.VII 1977.

¹² Strzeszewski Cz. Handel..., s. 10.

¹³ Dylągowa H. Towarzystwo Patriotyczne i sąd sejmowy. 1821—1829. Warszawa, 1970, s. 17.

¹⁴ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 19.

¹⁵ Askenazy Sz. Rosya — Polska. 1815—1830. Lwów, 1907, s. 78.

¹⁶ Kolodziejczyk R., Gradowski R. Zarys..., s. 179.

¹⁷ AGAD, z. KRSWiP, N 6253, s. 121.

¹⁸ AGAD, z. KRSWiP, N 6253, s. 122.

¹⁹ AGAD, z. KRSWiP, N 6253, s. 122.

²⁰ AGAD, z. KRSWiP, N 6253, s. 42.

²¹ AGAD, z. KRSWiP, N 6253, s. 43, 44, 46.

²² AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 448.

²³ AGAD, z. KRSWiP, N 7024, s. 580.

²⁴ Smolka S. Polityka Lubieckiego przed powstaniem listopadowym. Kraków, 1907, t. II, s. 447.

²⁵ Smolka S. Polityka..., t. II, s. 406. Разрядка документа. — Л. О.

- ²⁶ Rzepniewska D. Wiejscy oficjaliści.— In: Społeczeństwo Królestwa Polskiego. Warszawa, 1965, t. I, s. 202.
- ²⁷ Rzepniewska D. Wiejscy..., s. 202.
- ²⁸ Smoleński W. Drobną szlachta w Królestwie Polskim: Studium etnograficzno-społeczne. Warszawa, 1885, s. 23.
- ²⁹ Smoleński W. Drobną..., s. 29.
- ³⁰ Kaczyńska E. Społeczeństwo i gospodarka północno-wschodnich ziem Królestwa Polskiego. Warszawa, 1974, s. 316.
- ³¹ Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej Królestwa Polskiego. Kraków, 1912, s. 27.
- ³² Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie..., s. 89.
- ³³ Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie..., s. 104—123.
- ³⁴ Толкование термина «фольварк» при обозначении позднефеодального вотчинного хозяйства ост-эльбской Европы дано В. А. Якубским. Это хозяйство базировалось либо на барщинном, либо на наемном труде. В Речи Посполитой XVI—XVII вв. основанный на найме фольварк встречался редко, и, как правило, под фольварком подразумевался домен, где поля обрабатывали барщинники. Фольварком называли также господский двор и имение в целом. Этот термин перешел и в капиталистическую деревню. (Якубский В. А. Проблемы..., с. 104).
- ³⁵ К XVI в. магнатские латифундии сосредоточились на Украине, в Белоруссии и Литве. В коренных польских воеводствах позиции магнатов были не так сильны. Если на восточных окраинах Речи Посполитой магнатами считались собственники сотни селений, то к числу крупнейших землевладельцев в центральных землях причислялись собственники нескольких десятков деревень. Считают, что $\frac{2}{3}$ деревень в этнической Польше принадлежало рыцарству (мелкой и средней шляхте). При этом в Великой Польше преобладали владельцы одной деревни. Эта среднешляхетская прослойка обладала большим весом и на Краковщине, и на Сандомирщине. Но в третьем из малопольских воеводств — на Люблинщине — преобладали «частники», в чьем владении находились не целые деревни, а лишь их части; в расположенной на севере воеводства Луковской земле гнездилась загородная шляхта. Мелкая загородная шляхта доминировала также в Мазовии и Подляшье (Якубский В. А. Проблемы..., с. 79).
- ³⁶ Ajzen M. Polityka gospodarcza Lubieckiego. Warszawa, 1932, s. 150.
- ³⁷ Strzeszewski Cz. Kryzys rolniczy na ziemiach Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807—1830. Lublin, 1934, s. 73.
- ³⁸ Grabski W. Historja..., s. 287.
- ³⁹ Missalowa G. Studia nad powstaniem łódzkiego okręgu przemysłowego. Łódź, 1964, t. 1, s. 97—99.
- ⁴⁰ Bajer K. Przemysł w ókienniczy na ziemiach polskich od początku XIX w. do 1939 r.: Zarys ekonomiczno-historyczny. Łódź, 1958, s. 38.
- ⁴¹ Bajer K. Przemysł..., s. 38.
- ⁴² Bajer K. Przemysł..., s. 38.
- ⁴³ Missalowa G. Studia..., s. 160.
- ⁴⁴ AGAD, kanc. Nowos., N 299, s. 110.
- ⁴⁵ Kula W. Szkice..., s. 14—15.
- ⁴⁶ История Польши. М., 1956, т. II, с. 362.
- ⁴⁷ История Польши, т. II, с. 366.

Дискуссия о путях развития и реализации программы экономического возрождения Королевства Польского

Планы экономического развития Королевства Польского

Венский конгресс и конституция 1815 г. формально гарантировали Королевству Польскому не только автономное существование, но и экономическую связь с другими польскими землями, оставшимися за его пределами. Польская администрация, используя возможности, предоставляемые автономией, фактически взяла в свои руки организацию хозяйственной жизни страны. Польское общественное мнение проявило большую заинтересованность в экономических проблемах. Необходимость решения внутриэкономических вопросов понималась как задача утверждения жизнеспособности вновь сформированного государственного организма, задача не дать царю формального повода нарушить решения Венского конгресса, сохранить административную независимость от Российской империи. Ясно осознанное и сформулированное польскими мыслителями и общественными деятелями в начале XIX в. положение о том, что польская нация продолжает существовать и развиваться, несмотря на разделы Речи Посполитой, теперь наполнялось реальным содержанием. На смену периоду вооруженной борьбы за независимость пришел период экономического и культурного цементирования польского общества.

С чего начать, какой избрать путь, что положить в основу? Все эти вопросы надо было решать немедленно и не только потому, что бездействие передало бы инициативу из рук поляков в руки царской администрации. На общественное мнение и планы оказывали давление два обстоятельства: упадок экономики в целом и в особенности упадок сельского хозяйства, во-первых, и угроза разорения погрязших в долгах военных лет помещиков, во-вторых. Задачи оздоровления экономики, накопления

нужных капиталов и укрепления фольварочного хозяйства помещиков превращались в сознании польских общественных и государственных деятелей в задачи расширения емкости внутреннего рынка и решения проблемы внешнего, в задачи восстановления, а вернее, создания заново многих отраслей промышленности, ее технического оснащения, решения проблем сбыта промышленных изделий.

В период между II и III разделами Речи Посполитой, когда на повестку дня встал вопрос о самом существовании государства, польские общественные и политические деятели широко обсуждали вопрос о необходимых экономических преобразованиях. Дискуссия о путях выхода польской экономики из состояния застоя велась на страницах «Паментника хисторычно-политычного» («Историческо-политический памятник», издавался с 1782 г.) и «Дзенника хандлового» («Торговый журнал», издавался с 1786 г.). Публикации сторонников промышленного развития страны («индустриалистов» — Накса, Выбицкого, Сташица, Я. Езерского, Свитковского) впервые довели до сознания части шляхетской общественности мысль о том, что односторонне аграрный профиль польской экономики является главным препятствием на пути экономического развития Польши¹. Ими решительно был атакован принцип свободной торговли — до тех пор святой постулат шляхетского большинства. Ударом по материальному благополучию землевладельцев была потеря Гданьска. Стало очевидным, сколь непрочным был расчет только на внешнюю торговлю.

Наиболее типичной реакцией землевладельцев на то, что экспорт зерна стал плохо оплачиваем, была перегонка зерна на водку. Но при низкой степени товарности крестьянских хозяйств ситуация оказывалась еще более безнадежной. Сторонники промышленного развития, видя, что на помощь шляхетства в этом плане рассчитывать не приходится, сформулировали вывод о том, что реконструкция экономики и старт для промышленного развития невозможны без вмешательства государства, причем активного и многостороннего². Так Свитковский подготовил работу на тему: «Причины, по которым мудрое законодательство должно больше увеличивать внутреннюю торговлю и циркуляцию, нежели заграничную торговлю».

Центральным пунктом в программах просветителей того времени был вопрос об источниках накоплений. Не видя возможностей для стихийного перелива капиталов из сферы сельского хозяйства в промышленность и торговлю, они по примеру Пруссии выдвигали идею использования государства в качестве инструмента для такого перелива. Имелась в виду помощь со стороны казны, привилегии и заказы для предпринимателей и компаний, основывающихся новые отрасли мануфактурной промышленности. Предлагалась широкая программа общественных работ: согласно Наксу, государственная казна должна строить города, порты, торговый флот, каналы, дороги, ремесленные предприятия. Езерский писал о необходимости организации обширных поисков соли и минералов и закладки копей³. Создавались многочисленные проекты основания Национального банка с эмиссионными, кредитными и инвестиционными функциями.

Последующие разделы прервали реализацию плана экономического возрождения Речи Посполитой. В Княжестве Варшавском вновь возобновилась дискуссия о путях экономического развития. В начале XIX в. в европейской экономической мысли были распространены принципы свободы торговли. Многочисленные сторонники этого принципа были и в Княжестве Варшавском, и в Королевстве Польском. Особенно рьяным ее приверженцем был министр внутренних дел Т. Мостовский⁴. Он надеялся использовать географическое положение польских земель и вернуть Польше ее прежнюю роль торгового посредника между Западной Европой и Ближним Востоком. С этой целью он предложил организовывать в Варшаве ежегодно весенние и осенние международные ярмарки, которые должны были со временем превзойти лейпцигские. Предполагалось, что организация варшавских ярмарок облегчит казне Королевства Польского сбалансирование бюджета и будет способствовать накоплению в стране капиталов.

Сенат и Государственный совет поддержали идею организации варшавских ярмарок. В замечаниях сенатской комиссии на отчет Государственного совета о деятельности в 1816—1817 гг., составленных в апреле 1818 г., идея организации международных (вальных) ярмарок рассматривалась как «одна из тех счастливых мыслей, которые, деятельно способствуя оживлению торговли и

процветанию столицы», указывали выход из трудного положения⁵. Сенатская комиссия была согласна с членами Государственного совета в том, что ликвидировать бюджетный дефицит казны можно лишь за счет увеличения непосредственных доходов⁶, а именно этот источник дохода обеспечивали ярмарки. О введении этих ярмарок говорилось в постановлении наместника от 11 февраля 1817 г.

Идеи фритредерства в торговой политике поддерживали круги, близкие к министру внутренних дел и составлявшие большинство в административных органах в 1818—1819 гг. В условиях отставания польской экономики от Запада применение принципов свободы внешней торговли объективно означало торможение развития польской промышленности. В свободной торговле были заинтересованы помещики и как экспортеры зерна, и как покупатели не обложенной покровительственным тарифом иностранной промышленной продукции и, наконец, как потребители средств, полученных казной от ярмарок и переданных им в виде субсидий.

Но нуждам национального развития экономики в этот период более соответствовала протекционистская политика. Решительным противником принципа свободной торговли выступило купечество. 22 октября 1818 г. собрание купцов Варшавы приняло мемориал, в котором осуждалась практика предоставления привилегий иностранным купцам на варшавских ярмарках в ущерб польским. Иностранные купцы, везущие свои товары в Варшаву, платят только половину обычной пошлины, а польские — $\frac{2}{3}$ ⁷. Мемориал такого же содержания направили в Гражданский совет купцы Мазовецкого воеводства 19 декабря 1820 г.

Вопрос о варшавской ярмарке являлся вопросом социальным, борьба вокруг принципов ее организации была борьбой двух группировок: земледельческо-консервативной и сторонников развития национальной экономики. Победу одержала последняя.

В официальных кругах противоречия по вопросу о характере экономической политики проявились в 1820 г., когда в Королевстве Польском была введена единая общероссийская таможенная система, несколько затруднявшая иностранным купцам участие в варшавских ярмарках. Еще при обсуждении проекта первого постановления

раздавались голоса в защиту прежних порядков. По-прежнему за сохранение фритредерской политики высказывался министр внутренних дел. Его антагонистом становится комиссия финансов и казначейства.

В основе разногласий уже не только характер варшавских ярмарок. Проблема ставится шире: стоит ли ориентироваться на развитие отечественной промышленности или по-прежнему страна должна оставаться производителем и поставщиком сырья? Повышение размера таможенных сборов за ввоз в пределы Королевства Польского промышленных изделий и предметов широкого потребления вызывало осуждение из-за того, что оно могло привести к сокращению импорта и таким образом оттолкнуть «тех, которые в ином случае охотно покупали бы необработанные плоды нашей земли». «Проект пелиберального тарифа в отношении иностранного импорта, — писал один из сторонников свободы торговли П. Вульфферс, — полностью уничтожит те счастливые для нашего труда и промышленности последствия... к которым могла бы привести свобода торговли...»⁸

В начале 1821 г. правительственные комиссии внутренних дел и финансов подготовили свои соображения о деятельности правительства в 1820 г. для отчета Государственного совета перед сеймом. Комиссии по-разному оценили введение нового таможенного тарифа и ущемление иностранных купцов — участников варшавских ярмарок. Комиссия внутренних дел отрицательно оценила новые постановления. Авторы отчета настаивали на необходимости восстановить прежние привилегии варшавских ярмарок. Они подчеркивали, что в интересах казны необходимо расширение торговли иностранных и отечественных купцов. В качестве аргумента приводились данные о том, что, несмотря на уже действующие ограничения, доход от ярмарок в 1820 г. достиг почти полутора миллионов злотых⁹.

Комиссия финансов и казначейства положительно оценила меры по ограничению таможенных послаблений для приезжающих на варшавские ярмарки, аргументируя это двумя моментами: во-первых, в отчете указывалось на то, что ярмарочные свободы нанесли ущерб казне и их сокращение приведет к росту доходов¹⁰; во-вторых, новое положение о ярмарках «задержит наплыв в страну излишних товаров, оживит внутреннюю индустрию»,

а также предотвратит утечку за границу наличных денег¹¹.

В предложениях комиссии финансов речь шла только о принципах организации варшавских ярмарок. Авторы отчета не вносили никаких предложений относительно изменения принципов таможенной политики в целом. Однако их мнение не нашло широкой поддержки среди представителей администрации. Государственный совет, составляя текст отчета сейму, принял вариант отчета комиссии внутренних дел. В резолюции на полях говорилось: поскольку положения нового тарифа «не отвечают ни интересам казны, так как лишают ее значительных доходов... ни ярмарочным свободам, поскольку, стесняя их, могут привести к упадку ярмарок, оттолкнув от них иностранных купцов...», Государственный совет принимает мнение комиссии внутренних дел¹².

Политика правительства Королевства Польского резко изменилась с приходом в 1821 г. на пост министра финансов Францишка Ксаверия Друцкого-Любецкого, последовательного сторонника протекционизма, и введением в 1822 г. нового русско-польского покровительственного таможенного тарифа. По новому тарифу вводились высокие пошлины на ввоз сельскохозяйственных продуктов и промышленных товаров, а также предметов роскоши. Все привилегии участникам варшавских ярмарок были отменены. Покровительственный тариф ограждал зарождающуюся промышленность от конкуренции иностранных промышленных товаров, а таможенные сборы были одной из самых значительных статей непостоянных доходов.

Но хотя результаты новой, протекционистской, политики проявили себя сравнительно быстро, Любецкий постоянно сталкивался с оппозицией ее противников. Правда, несмотря на то, что Мостовский оставался на посту министра внутренних дел вплоть до восстания, комиссия внутренних дел не выдвигала контрпредложений, да и трудно это было сделать, так как таможенный тариф был утвержден царем и нужен России. Изменение таможенных пошлин на импортируемые и экспортируемые товары проводилось после согласования мнения обеих комиссий¹³. Несогласие с покровительственной политикой высказывали члены других отделов административного аппарата.

Так, Посольская изба (палата) в замечаниях на отчет Правительственной комиссии финансов о деятельности в 1819—1825 гг. писала о том, что протекционистская система отрицательно сказалась на состоянии казны¹⁴. В то же время отмечались и ликвидация бюджетного дефицита, и высокие таможенные сборы¹⁵, но система в целом не одобрялась. Скрытая критика линии, проводимой комиссией финансов и ее главой Любецким, содержалась и в мнении объединенных сеймовых комиссий сената по отчету Государственного совета о пятилетней деятельности правительства, которое было высказано на заседании 26 июня 1830 г.¹⁶

Позиция большинства членов различных административных органов во многом объяснялась их социальным составом. Правительственные органы состояли из помещиков и выражали интересы класса землевладельцев. Помещики выступали за свободу торговли, ибо в подавляющем большинстве они были экспортерами зерна и импортерами промышленных изделий. Популярность концепций А. Смита и его последователя Ж. Сэя объяснялась тем, что она отвечала программе землевладельческого класса Королевства Польского в целом. Помещики поддерживали идею и сами активно участвовали в развитии таких отраслей перерабатывающей промышленности, как винокурение, производство крахмала.

Часть землевладельцев, в основном те, кто провел очиншевание своих крестьян, в принципе положительно относились к развитию отечественной промышленности и торговли, но выступали против введения протекционистской политики. Эта часть землевладельцев была заинтересована в свободном экспорте зерна и опасалась повышения цен на промышленные товары в случае сокращения их импорта из-за границы и ухудшения их качества.

Устойчивости взглядов противников протекционистской политики в Королевстве Польском способствовало и распространение западных экономических теорий.

Идеи стимулирования промышленного развития были чужды даже просвещенным идеологам лагеря землевладельцев. Против них выступали члены так называемой калишской оппозиции в сейме — представители наиболее развитого в экономическом отношении воеводства, в котором уже были хозяйства, развивавшиеся по капиталисти-

ческому пути¹⁷. Активно выступал за свободу торговли хлебом калишанин С. Качковский¹⁸.

Дискуссии, доклады, разговоры о путях развития экономики Королевства Польского в целом и по частным вопросам по сути дела были дискуссией о путях развития капитализма. Об этом свидетельствует и тематика споров, и аргументация сторон, и теоретические обоснования положений, и, наконец, последствия принятого курса, защита интересов определенных сословий и классов. Протекционизм был продиктован ситуацией с польским хлебом на внешних рынках. Сужение внешнего рынка, а иногда и почти полная невозможность хлебного экспорта были причиной и дефицита платежного баланса, и обеспокоенности администрации. Через проблему хлебного рынка, как через призму, экономисты смотрели и на задачи капиталистического развития Королевства Польского.

Польские экономисты первой трети XIX в. находились под влиянием господствовавших в Западной Европе идей А. Смита о свободе торговли. Концепции свободы торговли в наибольшей степени выражали потребности капиталистического способа производства и идеологию буржуазного общества. Но при этом они выражали потребности и идеологию самой развитой капиталистической страны Европы — Великобритании, обладавшей гегемонией на мировых рынках. Национальным интересам отсталых стран более соответствовали принципы защиты и покровительства. Но теоретическое обоснование протекционистской политики в западноевропейской (германские государства) и американской (США) экономической науке было сформулировано значительно позднее, в 40—50-е годы¹⁹.

Польские экономисты, отстаивая тезис А. Смита, защищали общие принципы капиталистического развития, но эти принципы не всегда и не во всем соответствовали потребностям развития польской экономической действительности, практической экономической политике. Этот разрыв между экономической теорией и практической экономической политикой наблюдался и в период 1815—1830 гг.

Вопрос о принципах экономической политики правительства Королевства Польского в 1815—1830 гг. не являлся предметом научной дискуссии. Трибуной, с которой

можно было бы обосновывать в теоретическом плане экономические теории, было Королевское, или Варшавское, общество друзей наук. Вскоре после его образования, чтобы не входить в конфликт с прусскими властями, в январе 1801 г. было решено, что в обществе не будут рассматриваться проблемы политической экономии²⁰. Но поскольку одной из задач общества было содействие развитию страны, нельзя было обойтись без рассмотрения экономических аспектов.

В 1814 г. в зафиксированные задачи общества был включен пункт о необходимости всеми способами содействовать усилению роста ремесел и различного рода искусств. В декабре 1826 г. обсуждался проект нового устава, согласно которому отдел экономических наук был выделен особо. В проекте говорилось о неразрывной связи экономических наук с наукой о народном хозяйстве²¹. В 1827 г. состоялась реорганизация общества²², но вопросы экономики и в связи с этим экономической политики затрагивались и раньше. Тем более, что с 1821 г. в члены общества был принят профессор политэкономии Варшавского университета, заведующий кафедрой Ф. Скарбек.

В своей деятельности Общество друзей наук отражало потребности момента, там обсуждались проблемы, волновавшие современную польскую общественность. Поэтому непосредственно либо косвенным образом экономические проблемы поднимались, но на характере их постановки и решений сказывалась консервативная направленность общества в целом.

Заинтересованность членов общества экономическими проблемами сказывалась в постановке теоретических проблем, в тематике конкурсов, в докладах, посвященных конкретным проблемам усовершенствования методов ведения сельского хозяйства и улучшению технической оснащенности земледелия и промышленности, а также иным вопросам, связанным с развитием экономики страны.

С теоретическими докладами по экономике выступали Д. Крысиньский, В. Суrowецкий, Ф. Скарбек. Первой теоретической работой, заслушанной в Обществе друзей наук в Королевстве Польском, был доклад профессора Школы права и администрации Д. Крысиньского в 1814 г. на тему: «Рассуждения о политической арифметике». Он

выступил с критикой излишней веры в универсальность математического метода в экономике. В 1828 г. Крысиньский прочитал доклад «Некоторые мысли о науке по народному хозяйству», в которой представил историческую картину развития науки экономики. Он считал, что основой развития экономики каждой страны является промышленность. Он поддерживал идею о необходимости развития ремесла и торговли, видя в их развитии средство для улучшения земледелия²³. Д. Крысиньский был решительным сторонником фритредерства и с этих позиций выступал на заседаниях сейма.

Видное место среди современных польских экономистов занимал В. Суroveцкий, расцвет научной деятельности которого приходился на период существования Княжества Варшавского. В 1810 г. им была опубликована работа «Об упадке промышленности и городов в Польше». Суroveцкий считал, что основой всех зол является сохранение барщины. Он исходил из того, что прежде всего надо развивать потребности населения, чтобы они, в свою очередь, стимулировали развитие национальной экономики. Этому препятствовали барщина и стеснение самостоятельности городского населения.

Суroveцкий подчеркивал решающую роль развития промышленности для укрепления национальной экономики. Ибо развитую национальную экономику он считал основой национальной независимости. «Народ, не чувствующий необходимости пользоваться переработанными плодами своей собственной земли, утрачивает независимость и должен зависеть от тех, кто их ему доставляет», — писал Суroveцкий²⁴. Он не соглашался с распространенной концепцией, по которой деление на страны, экспортирующие сельскохозяйственные продукты, и страны, экспортирующие промышленные изделия, выгодно для обеих сторон. Прежде всего, по мнению Суroveцкого, следовало развивать такие отрасли промышленности, как металлургическая, полотняная и кожевенная.

Суroveцкий не был сторонником таможенного протекционизма, ошибочно считая, что он необходим лишь на фоне экономического оживления при существовании уже развитой отечественной промышленности. Вместо этого Суroveцкий рисовал широкую программу социальной, экономической и просветительской инициативы государ-

ства, от которого ожидал и умеренной крестьянской реформы. Реализация этой программы должна была, по его мнению, выровнять шансы в конкуренции с соседними государствами. Суroveцкий выдвигал идею концентрации капитала путем объединения крупных имений в руках нескольких лиц. Современная историография оценивает Суroveцкого как наиболее буржуазного среди современных ему представителей польской экономической мысли²⁵.

В период существования Королевства Польского Суroveцкий выступил с работой «Заметки о цехах», написанной в 1816 г. по предложению С. Сташица для Правительственной комиссии внутренних дел. Летом 1818 г., когда встал вопрос о зачитании текста на общем собрании Общества друзей наук и о последующем опубликовании его в ежегоднике, разразилась горячая дискуссия. В прежней работе о причинах упадка городов Суroveцкий писал о том, что цехи тормозят развитие промышленности. В новой работе автор несколько изменил свою точку зрения.

Он писал, что исторически цехи образовались как корпорации ремесленников в борьбе против феодалов. Благодаря им в городах возникли фабрики и ремесла. Суroveцкий отрицательно оценивал право исключительности цехов. Основной вывод автора заключался в том, что цехи не надо уничтожать в тех странах, в которых промышленность только начинала развиваться, как в Польше. Это еще более ухудшило бы состояние промышленного производства и затормозило иммиграцию иностранных ремесленников. Поэтому Суroveцкий считал необходимым сохранить цеховую организацию без цеховой замкнутости, что предполагало их капиталистическую эволюцию.

Д. Крысиньский и Я. Гофман выступили с резкой критикой реферата Суroveцкого. Они утверждали, что позиция Суroveцкого противоречит современной экономической теории, согласно которой ремесла могут развиваться лишь при устранении всех естественных и искусственных преград на пути развития производительных сил. Практика показала, утверждали они, что только те страны, которые решились уничтожить цехи, достигли успехов в развитии ремесел, о чем свидетельствовал пример Франции²⁶.

Часть присутствующих поддержала оппонентов Суroveцкого, часть переводила спор в иную плоскость, де-

лая упор не на практических выводах из работы Суровецкого, а на возможности опубликования работы в издании Общества. При голосовании 12 членов Общества высказались за необходимость опубликования работы, 3 человека голосовали против. Реферат был зачитан и позже опубликован²⁷. Сохранение преобразованных цехов в виде органов ремесленного самоуправления следовало рассматривать как вполне обоснованное²⁸.

Выступлением В. Суровецкого начался новый этап в деятельности Общества — обсуждение более широких проблем по вопросам экономического развития страны. Продолжателем Суровецкого стал ученик П. Малешевского, последователь учения А. Смита Ф. Скарбек²⁹. В первые годы своей деятельности в качестве члена Общества он активно интересовался социальными проблемами. Скарбек в рассматриваемый период был ведущим экономистом в Королевстве Польском. Общество друзей наук было его первой аудиторией, перед которой он излагал взгляды, с которыми впоследствии выступал в печати.

В марте 1821 г. он зачитал раздел из своей работы «Национальная экономика», посвященной проблеме ликвидации нищеты беднейших слоев населения путем организации сельскохозяйственных поселений³⁰. В следующем году он читал реферат на тему: «Общая статистика»³¹. В 1823 г. Скарбек выступил с рефератом о сберегательных кассах³². Он придавал их организации в городах особенно большое значение. Скарбек вернулся к этому вопросу в 1828 г., поддержав распространенное в Европе мнение о том, что путь к богатству и благосостоянию «трудящегося люда» лежит через трудолюбие и сбережения, и сами виноваты те бедняки, которые не отличаются трудолюбием и бережливостью³³. Во втором, более позднем докладе о значении экономики и сбережений для обогащения и развития производительных сил Скарбек определенно выступает защитником имущих слоев в то время, когда уже сказывалось приближение восстановления.

В 1824 г. Скарбек выступил с докладом о Грубешовском обществе Сташица, подробно рассказав о принципах его организации. Особо он отметил принцип своеобразного уравниательства, согласно которому члены общества при разделе имения получали примерно одинаковые уча-

стки земли, а впоследствии устав общества запрещал увеличивать их путем прикупа земель выше определенной нормы³⁴. Идеал Скарбека носил мелкобуржуазную окраску. Он высказывался за всеобщую собственность при недопущении чрезмерной социальной поляризации. Но в отличие от типичных идеологов мелкой буржуазии Скарбек считал, что капиталистический путь развития неизбежен³⁵.

В 1826 г. Скарбек зачитал выдержки из своего труда «О народном хозяйстве», посвященные теории разделения труда в промышленности³⁶.

В 1828 г., выступая по докладу Д. Крысиньского, Скарбек подтвердил свою приверженность учению А. Смита и в связи с этим поддержал основную идею доклада³⁷. Как последователь теории Смита Скарбек выступал против «искусственной» опеки правительства над промышленностью. Он считал, что прежде всего надо заботиться о развитии сельского хозяйства, ибо только оно может обеспечить население продовольственным минимумом³⁸. Поэтому лишь когда продукция сельского хозяйства будет превышать потребности населения страны, то образовавшиеся средства можно будет вложить в промышленность³⁹.

Скарбек защищал интересы помещичье-буржуазного союза, ориентируясь на развитие капитализма. Польский исследователь Я. Гурский считает, что Суровецкий и Скарбек высказывались за путь развития капитализма в сельском хозяйстве, который представлял бы собой нечто среднее между прусским и американским, который предусматривал бы одновременно и сохранение фольварков, и образование класса мельчайших земельных собственников. По своим классовым симпатиям Скарбек стоял ближе к помещичьему крылу. Вначале Скарбек критиковал капиталистический путь развития западных стран, который не подходил слаборазвитым странам.

Критикуя капитализм, Скарбек ссылаясь на то, что технический прогресс может стать причиной пауперизма и безработицы. Он высказывался против концентрации собственности в руках немногих, ибо параллельно ей возрастает бедность, а следовательно и преступность. Он считал, что плохое распределение собственности ведет к плохому распределению национального дохода. Причем большинство черт капитализма Скарбек критиковал без

учета польской действительности. Элементы мелкобуржуазной критики капитализма, вероятно, являлись результатом влияния, которое оказывало на польских экономистов мелкобуржуазное окружение. В тот период в Королевстве Польском еще не было условий для возникновения сознательной антикапиталистической мелкобуржуазной идеологии⁴⁰. Под влиянием нарастающих революционных событий после 1825 г. Скарбек от критики отдельных сторон капитализма перешел к его апологетике.

Интерес к экономическим проблемам у членов Общества друзей наук сказывался в тематике, выносимой на конкурсы. В основном это были вопросы, связанные с проблемами развития производительных сил в промышленности и на транспорте. Конкурсы (после длительного перерыва) были возобновлены в 1822 г. Тогда была предложена тема: статистическое описание какой-либо части Польши⁴¹. В марте 1827 г. было решено усовершенствовать и активизировать конкурсную деятельность, поскольку до тех пор практические результаты ее были незначительны. Проект постановления о конкурсных задачах был разработан Плятером⁴².

Депутацию по организации конкурсов возглавлял А. Чарторьский, а в секции отдела искусств — Д. Крысиньский. В постановлении говорилось о том, что при выборе тематики предпочтение следует отдавать практическим темам, чтобы они приносили реальную пользу стране, а не просто удовлетворяли любопытство узкого круга членов общества⁴³. В 1827 г. конкурсная деятельность общества несколько оживилась. Хотя на конкурс комиссия отобрала в основном гуманитарные темы, среди предложенных и разбиравшихся на заседании были и проблемы экономического развития.

По вопросам торговли была предложена тема: «Каким образом организовать хлеботорговлю, чтобы избежать отрицательных последствий хлебного билля»⁴⁴. Тему эту решили не ставить. Не прошло также предложение Скарбека выдвинуть на конкурс статистическую тему: «Сравнение современных городов с их состоянием в начале XIX в.». Сама формулировка темы была весьма любопытна: «Так как рост городов имеет очень большое влияние на улучшение состояния экономики нашего народа, следует сравнить современное состояние главных городов Королевства Польского с их состоянием в начале XIX в.

с точки зрения заселенности, числа домов, промышленных предприятий всех видов, хотя бы приблизительного спроса на плоды сельского хозяйства, а также показать, какие из основанных в них промышленных предприятий более соответствуют характеру города»⁴⁵.

Разработка этой темы неизбежно влекла бы за собой оценку современной деятельности правительства Королевства Польского, поощрявшего развитие городов и промышленности. В формулировке темы сквозит позитивное отношение ее автора к постулатам индустриализации страны и экономической политике государства⁴⁶, хотя в своих теоретических работах Скарбек высказывал иные мысли.

В марте 1830 г. возобновились заседания конкурсной комиссии. Их возглавил А. Чарторьский, во дворце которого состоялось несколько предварительных частных заседаний с участием специалистов по различным отраслям промышленности и земледелия. По мнению организаторов конкурсной комиссии, Общество друзей наук должно было не только выражать насущные интересы, но и оказывать реальную помощь. В частности, по замыслу Чарторьского, необходимо было создать популярный труд по земледелию и ремеслу для распространения в широких кругах землевладельцев и ремесленников знаний о современных методах хозяйствования⁴⁷.

На заседаниях Общества друзей наук зачитывались доклады членов общества и гостей по насущным хозяйственным проблемам. Особое внимание уделялось вопросам механизации и усовершенствования методов ведения сельского хозяйства, механизации процессов производства и организации промышленности, развитию торговли, но заседаний, посвященных конкретным проблемам хозяйственного развития Королевства Польского, было сравнительно мало. В 1816 г. был зачитан реферат Китаевского о мерах по развитию ремесленного производства⁴⁸ и рецензия специалистов на реферат Быспицкого об организации в стране суконных фабрик⁴⁹; в 1821 г. — реферат инженерного подполковника В. Гутковского о помощи должникам-землевладельцам путем возобновления системы кредитования⁵⁰.

В 1818 г. часовой мастер из Грубешова А. Стерн, получивший образование при материальной поддержке Стапица, выступил на заседании общества с сообщением о

своих изобретениях. Он изготовил модели восьмицеповой молотилки, в которой одновременно четыре цепа поднимались, четыре опускались, лесопилки и жнейки. (Его изобретения реализованы не были.)

С 1823 г. под влиянием изменившегося правительственного курса, направленного на создание отечественной промышленности, производственные темы стали чаще фигурировать на заседаниях Общества друзей наук. На общем открытом заседании общества 30 апреля 1823 г. его председатель С. Сташиц подчеркнул, что члены общества стремятся помочь правительству и целенаправленно занимаются производственными проблемами⁵¹. В 1824—1828 гг. естественные науки в тематике общества преобладали над гуманитарными, что сами члены общества ставили в связь с промышленным прогрессом на Западе⁵².

В 1827 г. Плятер сообщил сведения о двух строящихся каналах — Августовском и Виндавском и подчеркнул их решающую роль в организации внешней торговли и облегчении торговых сношений с Российской империей⁵³. В следующем году Бентковский продолжил эту тему, вспомнив работу Суворовского о реках и сплавах в Княжестве Варшавском и обратив внимание слушателей на насущность этого труда. Бентковский подчеркнул, что организация речного судоходства будет способствовать оживлению внутренней торговли и облегчит внешнеторговые связи⁵⁴.

На заседаниях общества несколько раз ставились сообщения о достижениях отечественных предприятий, изготавливающих сельскохозяйственные орудия, о новейших методах ведения сельского хозяйства. В частности, об этом говорилось в обзорных годовых докладах председателей общества. В 1828 г. был зачитан специальный доклад Н. Куровского «Об организации хозяйств на принципах разумного земледелия»⁵⁵. В связи с проектом основания «фабрики машин» в Королевстве Польском велась дискуссия по вопросам технического прогресса. Общество друзей наук выдвинуло идею организации политехнического института, в котором должен был быть механический факультет с профилирующими предметами по изучению паровых двигателей и машин разного типа. Организатором факультета был предложен автор работы «О паровых машинах» С. Яницкий⁵⁶.

С трибуны Общества друзей наук произносились доклады как чисто теоретического характера, так и имевшие практическое значение. Однако ни те, ни другие не оказывали непосредственного воздействия на выработку концепции экономического развития Королевства Польского, на выбор путей и способов этого развития. Если оценивать деятельность общества с точки зрения разработки его членами теоретических проблем, то следует признать, что правительственный курс шел вразрез с точкой зрения большинства членов. Общество в целом вплоть до восстания 1830 г. было сторонником свободной торговли и отдавало приоритет развитию сельского хозяйства. Подтверждением этого явилось избрание почетными членами общества Жана Батиста Сэя и Жана Шарля Сисмонди⁵⁷. Члены общества откликнулись на мероприятия, уже проводимые правительством, отражали их, но не опережали, не выступали инициаторами практических начинаний. Общество сыграло положительную роль в развитии польской науки. Оно создавало для польских ученых возможности научной кооперации и обмена мнениями, направляло характер исследований.

Большую роль в пропаганде передовых методов в земледелии и животноводстве, в распространении технических знаний и защите идеи о необходимости развития отечественной промышленности играла пресса, особенно журнал «Izys Polska» — «Польская Изида». В нем, в частности, в 1820 г. была опубликована статья Т. Шумского «Взгляд на развитие торговли и промышленности», в которой автор защищал тезис о том, что основным богатством страны является промышленность, без которой «любой народ является невольником другого, при которой процветает торговля, без которой ни армию нельзя содержать, ни науки развивать; такой промышленности в полном смысле этого слова никогда у поляков не было, а если была и есть такая, то только у иностранцев, живущих в Польше»⁵⁸.

Защита приоритета промышленности для упрочения экономической независимости была тем более важной, что эта точка зрения противоречила позиции правительственного большинства, особенно до прихода на пост министра финансов Любецкого. В прессе появлялись работы, доказывающие несостоятельность польского ремесла по сравнению с иностранным, обосновывался тезис о том, что

польское ремесло не выдержит иностранной конкуренции даже при поддержке правительства, если его не удастся превратить в фабричную промышленность. «Izys Polska» писала в 1821 г.: «Что толку, что мы производим железо, если изделия механических предприятий Тулы или немецких земель в 2—3 раза дешевле наших кузнечных или слесарных»⁵⁹. В прессе говорилось о преимуществах специализации и разделения труда. В 1821 г. в этом же журнале была опубликована статья неизвестного автора под заглавием: «Размышления об улучшении положения в стране путем основания фабрик и ремесленных мастерских», в которой говорилось о преимуществах фабричного производства над ремесленным. В 1830 г. в «Торговых ведомостях» была помещена статья о необходимости разделения труда в текстильной промышленности по операциям. Автор статьи отмечал, что разделение труда снизит затраты на производство продукции⁶⁰. Современная пресса и публицистика затрагивали проблемы, вызванные к жизни насущными потребностями текущего дня.

Итак, проблемы экономического развития Королевства Польского волновали польскую общественность и в теоретическом плане, и в плане разработки и обоснования конкретных методов хозяйствования. Они бурно дебатировались в правительственных кругах, были предметом обсуждения на заседаниях Общества друзей наук, поднимались в прессе и публицистике. Разногласия концентрировались в основном вокруг двух узловых проблем: 1) Сохранить ли в неприкосновенности практиковавшийся в Княжестве Варшавском принцип свободы торговли и невмешательства государства в торгово-промышленные дела или перейти к политике протекционизма; 2) Должно ли правительство стимулировать создание отечественной промышленности.

Конкретно проявление этих разногласий сказывалось на отношении к идее организации международных варшавских ярмарок, в выработке принципов таможенной политики и бюджетного баланса. По существу в центре дискуссии стоял вопрос о судьбах капитализма. Единого мнения выработано не было, и правительство в своей практической деятельности часто шло против мнения большинства.

В 1815—1830 гг. основные аспекты экономического развития Королевства Польского определяло польское правительство. Современные польские историки указанный период называют конституционным, имея в виду именно автономные права. Вскоре после принятия конституции Королевства Польского царизм вступил на путь нарушения многих ее положений, в частности не соблюдались сроки созыва польского сейма, были введены цензурные ограничения и т. п. Однако все время поляки сохраняли в своих руках инициативу при решении принципиальных вопросов социально-экономического характера.

Это положение в значительной мере объяснялось тем, что в основном экономические интересы Российской империи не вступали в противоречие с интересами экономики Королевства Польского. Решающим в этом отношении был характер таможенной политики. Либерализм, характерный для внешнеэкономической политики России в течение двух первых десятилетий XIX в., оказался невыгодным для России. Исходя из потребностей своей экономики, главным образом учитывая интересы русской промышленности и торговли, царское правительство изменило курс, вступив на путь протекционизма. Таким образом наметилась линия сближения интересов.

Конечно, нельзя представлять дело так, будто царское правительство было заинтересовано в укреплении экономики Королевства Польского, особенно в развитии польской промышленности, и специально поддерживало ее, имея в виду чисто польские интересы. Суть заключалась в том, что, перейдя к политике протекционизма и изменив принципы таможенного обложения иностранных товаров, царское правительство не препятствовало полякам в переходе к такой же системе, т. е. вводилась единая система. С другой стороны, русские власти имели возможность практически убедиться в невыгодности для них включения Королевства Польского в единую таможенную систему Российской империи и установления единой таможенной границы. Русской промышленности невыгодна была конкуренция с промышленными изделиями, вывозимыми беспошлинно из Австрии и германских государств в Ко-

ролевство Польское, как это было предусмотрено Венским трактатом, а оттуда в Россию. Это явилось вторым моментом, облегчившим переход польского правительства к самостоятельной таможенной политике.

Другая сторона вопроса заключалась в том, что в определенной мере России было выгодно развитие промышленности в Королевстве Польском, конкуренция которой на первых порах не препятствовала развитию русской промышленности. Размер таможенных пошлин определяли русские чиновники, поэтому таможенный тариф учитывал прежде всего интересы русской промышленности, столкновение интересов постоянно сказывалось в спорах по таможенным делам. В то же время русский рынок был заинтересован в некоторых изделиях польской текстильной промышленности, а это создавало благоприятные условия для развития польской промышленности.

Наконец, следует иметь в виду и политический, международный аспект проблемы. Русский самодержец выступал в глазах европейского общественного мнения как инициатор либеральной конституции Королевства Польского. Подтверждая верность принципам Венского конгресса, он не только предоставлял полякам право самим управлять своей экономикой, но и поддерживал их. Кроме того, для царского правительства было безопаснее направить интересы поляков в сферу экономических вопросов. Подъем революционного движения в России, революционные выступления в Европе, патриотические настроения в Королевстве Польском — все это, безусловно, тревожило царизм. В обстановке нарастания революционных настроений занятие чисто экономическими проблемами представлялось царизму безопасным делом.

Франциск Ксаверий Друцкий-Любецкий был назначен министром финансов в июле 1821 г. Он возглавлял Правительственную комиссию финансов и казначейства вплоть до начала восстания 1830 г. Им была разработана и претворена в жизнь система мер по укреплению финансов, которые он рассматривал как одно из важнейших звеньев в общей цепи экономики Королевства Польского, и ряд других мероприятий социально-экономического порядка.

Любецкий выступил горячим сторонником системы протекционизма, активной государственной поддержки отечественной промышленности и торговли. Все меро-

приятия и реформы, которые проводил в жизнь Любецкий, в той или иной мере содействовали дальнейшему развитию капиталистических отношений. Основной социальной опорой политики Любецкого были землевладельцы, вставшие на путь капиталистического ведения хозяйства. Разгоравшаяся каждый раз борьба вокруг проектов реформ приводила его на сторону нарождающейся буржуазии, главным образом — обуржуазившихся помещиков.

Выдвигая по сути дела программу капиталистического развития, Любецкий выступал сторонником наиболее консервативного пути развития капитализма. Это объяснялось тем, что он опирался на землевладельцев, а не на промышленную буржуазию, которая еще только нарождалась и была слаба. Кроме того, он должен был в какой-то степени учитывать общественное мнение. Шляхетское большинство в правительственных и общественных учреждениях, активно защищая свои позиции, создавало определенную атмосферу. И хотя Любецкий часто открыто шел наперекор требованиям большинства, способы проведения реформ во многом определялись позицией шляхетского общественного мнения.

Программа экономического развития Королевства Польского, осуществленная Любецким, выражалась в следующем: 1) восстановление платежеспособности и ликвидация дефицита казны; 2) изменение таможенной политики в духе протекционизма; 3) финансирование государственной промышленности и стимулирование отечественной промышленности вообще; 4) упорядочение кредитных отношений, основание Польского банка; 5) поддержка внутренней торговли; 6) улучшение коммуникаций; 7) организация профессионального обучения; 8) городское строительство.

Чтобы иметь средства для реализации планов государственной поддержки отечественной промышленности и торговли, нужны были наличные деньги, имея в руках средства, можно было приступить и к серии мероприятий по осуществлению протекционистской политики. Государственные дотации на развитие промышленности и торговли, улучшение коммуникаций, городское строительство, организация профессионального обучения за государственный счет в сочетании с протекционистской таможенной политикой явились солидным источником первоначального накопления.

Начал Любецкий с организации финансов Королевства Польского и, получив средства, приступил к проведению в жизнь своей программы. В некоторых делах он был новатором, в других — продолжил начатое предшественниками, но не завершённое из-за нехватки денег либо отсутствия у них концепции преобразований.

Укрепление государственных финансов. Приступая к решению первоочередной задачи по укреплению национальных финансов, Любецкий должен был опираться лишь на внутренние ресурсы. Александр I отказался предоставить полякам двухмиллионную ссуду на покрытие задолженности. От польских банкиров удалось получить заем в сумме 1 млн. 800 тыс. злотых⁶¹. В целях быстрой мобилизации наличных денег в казне Любецкий предпринял ряд решительных мер. Прежде всего это были военные экзекуции и использование монопольной системы. В 1822 г. для взыскания задолженности по налогам Любецкий привлек армию. Военные экзекуции возымели немедленное действие, старые долги были заплачены. Но это имело и свою теневую сторону, поскольку на уплату текущих налогов у налогоплательщиков средств уже не осталось. Таким образом, эта репрессивная мера не обеспечивала казне надежного постоянного источника дохода, но дала кратковременный эффект.

Налоговая система в первые годы Королевства Польского не была твердо установленной и постоянно модифицировалась, хотя в основе налогообложения лежала система, выработанная еще в Речи Посполитой либо прусскими властями. В Королевстве Польском действовала система налогов, характерная для полуфеодального государства. Буржуазная налоговая система базируется на подоходном налоге и налогах на потребление; феодальная — на землевладении; на домовладении, патентах и откупах. Основным налогом, взимаемым с землевладельцев, был поземельный налог, так называемая офьяра, размер которой увеличился по сравнению с налогом в Княжестве Варшавском. Дополнением офьяры был прежний подымный налог. В Речи Посполитой конца XVIII в. домовладельцы платили подымный налог. Позднее подымный налог превратился в подоходный, который платили не только владельцы домов, но все жители в зависимости от источника и размера доходов (кроме тех, кто вносил офьяру)⁶².

Другим налогом, взимаемым в пользу государства, был патентный, или консенсный. По постановлению наместника от 14 августа 1821 г. все не объединенные в цехи купцы и торговцы, предприниматели и ремесленники обязаны были выкупить патент на ведение дела.

В Варшаве домовладельцы и жители, имевшие определенный доход, с 1816 г. платили квартирный налог на устройство гарнизонов и наем помещений для армии (его можно было заменить предоставлением помещения). Сначала размер налога устанавливался приблизительно, а с 1827 г. стали взимать только определенный налог в зависимости от торгового оборота купцов либо от размера доходов. Существовала также плата за записи в акты гражданского состояния, определяемая размером дохода.

Данным перечнем налогов и поборов фискальная деятельность польских властей не ограничивалась. О других видах налогов и платежей будет сказано ниже.

Одновременно с организацией принудительного взимания задолженности по уплате офьяры Любецкий отдал на откуп частным лицам несколько государственных монополий, что также дало немедленный результат. На откуп частным лицам были отданы: продажа соли, табака, потребительский налог и право пропинации в Варшаве.

Монополии служили источником дохода государства и раньше. Любецкий продолжил и усовершенствовал эту практику. Больше всего дохода давала табачная монополия, держателем которой в 1816—1830 гг. был купец Л. Невахович. Весьма выгодной для государства была монополия на соль. Государственная казна от монополии на соль в 1816—1821 гг. в среднем получала по 5,5 млн. злотых ежегодно, а в годы, предшествовавшие восстанию, когда за организацию отдачи на откуп этой монополии взялся Любецкий — по 14 млн. злотых ежегодно. Этот косвенный налог был особенно тяжел для населения. Достаточно сказать, что розничная цена на соль почти в 10 раз превышала цену на рожь⁶³. Любецкий пересмотрел и изменил в пользу казны размер монополии с потребительских доходов. Держателем этой монополии также был Невахович. Когда в 1821 г. истек трехлетний срок контракта с ним, Любецкий отсрочил заключение новой сделки. Некоторое время доход поступал непосредственно в администрацию казначейства, чтобы сориентироваться в его размере. Затем Любецкий заключил с Невахови-

чем новый, более выгодный для казны договор на 1822—1826 гг. на общую сумму в 3 млн. 282 тыс. злотых⁶⁴. Только в Варшаве чистая прибыль от потребительских доходов возросла с 700 тыс. в 1817 г. до 3518 тыс. злотых в 1828 г.⁶⁵

Внес изменение Любецкий и в практику продажи спиртных напитков. В 1823 г. был издан правительственный указ о закрытии частных винокурен сначала в Варшаве и Праге, а затем и во всех правительственных городах. Владельцы сельских винокурен получили право продавать водку в этих городах лишь специальным административным органам после заключения с ними письменного контракта.

В Варшаве на откуп сдавалась так называемая билетная монополия. С 1824 г. каждый еврей, прибывающий в Варшаву, платил билетный налог. В 1825 г. за выкуп билетной монополии было заплачено 60 тыс. злотых, в 1828 — около 155 тыс. злотых⁶⁶.

Для ликвидации бюджетного дефицита Любецкий планировал введение монополии на сахар, кофе и другие колониальные товары. В 1822 г. на это было получено разрешение царя, но проект реализован не был.

В фискальных целях и для поддержки Польского банка, минуя сейм и Государственный совет, Любецкий добился решения о продаже национальных имений. В течение двух лет до начала восстания было продано 150 имений на сумму более 16 млн. злотых⁶⁷.

Все перечисленные и некоторые другие меры фискального порядка⁶⁸, предпринятые Любецким, способствовали ликвидации финансового кризиса в Королевстве Польском. Превышение актива над пассивом было достигнуто уже в 1822 г., запас наличных денег в казне начиная с 1824 г. постоянно увеличивался⁶⁹. В бюджете Королевства Польского на 1831 г. доходы в целом превышали расходы более, чем на 2 млн. злотых⁷⁰. Основное бремя расходов легло на плечи трудящихся масс.

Изменение таможенной системы. Урегулирование финансовых дел Любецкий рассматривал как трамплин для перехода к осуществлению своей основной цели — экономическому возрождению страны, обеспечению экономической независимости как основы национального существования. С самого начала Любецкий перешел к системе протекционизма, стимулируя развитие отечественной про-

мышленности. Политика протекционизма предусматривала изменение таможенной системы и ряд мер, направленных государством на оказание помощи нарождающейся промышленности.

Любецкий выступал как практик, последовательно претворявший в жизнь те мероприятия, которые, по его мнению, содействовали оживлению экономики. Современники вспоминали, будто Любецкий сказал, что «Польше нужны три вещи: 1) школы, т. е. просвещение и разум; 2) промышленность и торговля, т. е. зажиточность и богатство; 3) фабрики оружия; имея это, даже будучи объединена с Россией, она сможет полностью сохранить свою независимость»⁷¹. Больше всего внимания Любецкий уделял торговле и промышленности. Содействие развитию торговли и промышленности в начале XIX в. означало активную поддержку развитию капитализма и буржуазии. Провозглашая принципы протекционизма и осуществляя их на практике, Любецкий становился у колыбели капиталистического развития, объективно противостоял феодальному землевладению.

В 1816—1819 гг. в Королевстве Польском действовала система свободной торговли. Таможенный тариф предусматривал лишь фискальные интересы казны. В конце 1819 г. Королевство Польское было включено в таможенные границы Российской империи и с 1820 г. был введен общий таможенный тариф. В 1822 г. русское правительство ввело покровительственный таможенный тариф, а Королевству Польскому была возвращена таможенная автономия. Полякам было предложено составить отдельный тариф. Новый польский протекционистский тариф 1822 г., фактически вошедший в силу с 1823 г., защищал молодую польскую промышленность от наплыва дешевых прусских и австрийских промышленных товаров и одновременно открывал для польских товаров обширный русский рынок и свободный доступ на китайский. Введение протекционистского тарифа 1822 г. обострило торговые отношения Королевства Польского с Пруссией и Австрией, началась таможенная война.

Любецкий творчески участвовал в составлении таможенного тарифа Королевства Польского 1822 г. и старался воздействовать на ход переговоров с Пруссией и Австрией. Из корреспонденции Любецкого тех лет явствует, что вопросы торговли он считал самыми важными и пер-

воочередными, решение которых не терпит отлагательств. Он писал: «... я считаю, что торговая материя является настолько важной, что более важной, чем она, польское правительство еще не рассматривало»⁷².

Любецкий резко критиковал отношение Мостовского к варшавским ярмаркам и защищал протекционистскую позицию. На заседании Административного совета 30 августа 1822 г. Любецкий внес свой проект об изменении статуса варшавских ярмарок⁷³. Его поддержал наместник. В результате уже на осенней ярмарке 1822 г. со всех без исключения импортных товаров взимался полный таможенный сбор; был запрещен ввоз заграничного сукна и введены прочие ограничения, которые ранее не распространялись на товары, привозимые в Варшаву. Основные надежды Любецкий возлагал на русский рынок и поэтому боролся за него, отказываясь иногда от западных.

Любецкий сумел правильно оценить внешнеторговую ситуацию Королевства Польского, понять, какие большие возможности предоставлял русский рынок польским промышленникам и землевладельцам. Любецкому удалось верно определить исторические тенденции развития польско-русских торговых отношений.

Самым важным результатом таможенной политики Любецкого было то, что ему удалось фактически запретить ввоз в пределы Королевства Польского изделий шерстяной промышленности, главным образом суконной, и использовать богатые возможности восточного рынка для сбыта польской шерсти.

Стимулирование развития промышленности. В 1821 г. Любецкий ввел патентную (консенсную) систему, обязывающую владельцев предприятий и торговых фирм покупать у финансовых органов «консенсы» на право иметь предприятие, полностью игнорируя мнение цеховых объединений. Таким образом, в законодательном порядке провозглашался антифеодалный принцип свободы производственной деятельности и оборотов.

Любецкий выступил сторонником развития двух отраслей промышленности: горнодобывающей и текстильной. Добиваясь субсидирования горного дела правительством, Любецкий исходил из двух предпосылок: 1) необходимости финансовой поддержки со стороны казны; 2) недопущения иностранного капитала.

Горнодобывающая промышленность была важной отраслью промышленности в Королевстве Польском, но металлургия в рассматриваемый период еще не могла стать постоянным потребителем ее продукции. Капиталовложения в промышленность окупались только там, где гарантировался быстрый оборот и высокие доходы, как, например, в сукноделии. В металлургии по-прежнему преобладали примитивные методы производства, требующие вложения небольших капиталов: собственная земля, кирпич, изготовленный в хозяйстве, древесный уголь, нередко барщинные рабочие. Без правительственной организации этой отрасли экономики здесь долго бы не развился промышленный капитализм⁷⁴.

Положение в металлургии изменилось после 1825 г., когда Горный департамент был передан в ведение Правительственной комиссии финансов и казначейства. Еще в 1824 г. С. Сташиц разработал первый проект капиталовложений в горное дело. Его реализация планировалась примерно на 15 лет при использовании только собственных накоплений горнодобывающей промышленности или на 6 лет в случае получения государственной дотации. Сташиц не располагал необходимыми средствами, а Любецкий мог распоряжаться государственными финансами⁷⁵. Любецкий и его инспекторы высказались против частной аренды в горнодобывающей промышленности, применяющей грабительские методы эксплуатации природных богатств.

Сеймовые комиссии и сенат не поддержали в свое время Сташица, высказав мнение о том, что целесообразнее было бы отдать горные предприятия частным предпринимателям и отдельным компаниям⁷⁶. Любецкий при реализации своих планов также столкнулся со шляхетской оппозицией, которую не устраивало увеличение государственных расходов на расширение административного аппарата по управлению горными предприятиями. Т. Мостовский предлагал допустить в горное дело французский или английский капитал. Любецкий воспротивился и этому предложению, и передаче государственных предприятий в эксплуатацию частным лицам. Горнорудные предприятия остались в ведении государства. Государственные инвестиции в горное дело не распылялись и находились под контролем. Благодаря этому в 1826 г. началась реализация большого инвестиционного плана, разработанного

правительством. На развитие горного дела пошла часть большого заграничного займа правительства Королевства Польского⁷⁷. Всего в 1816—1832 гг. правительственные инвестиции в горное дело составили 27,5 млн. злотых⁷⁸.

В плане развития промышленности, реализуемом Любецким, стояла также поддержка текстильной промышленности. Кроме денежных дотаций молодым предпринимателям, помощь выражалась в том, что тариф 1822 г. открыл для многих ее отраслей восточный рынок, облегчал покупку сырья на западе и охранял от конкуренции дешевых и более качественных западных изделий. Большим подспорьем для усовершенствования существующих и основания новых предприятий явилась кампания по привлечению в Королевство Польское специалистов из-за границы, начатая еще в 1816 г. и интенсивно осуществлявшаяся по инициативе Любецкого.

Против основания государственных предприятий текстильной промышленности, так же как и горной, выступали представители шляхетской оппозиции. Так в октябре 1820 г. в записке объединенных сеймовых комиссий сената говорилось об успехах суконных предприятий в Озеркове и Александровске и на основании этих данных делался вывод о том, что наиболее дееспособными являются частные предприятия, а не государственные. В записке говорилось: «Суконные фабрики... подтверждают ту правду, уже признанную политической экономией, что рост и прогресс как ремесленного производства, так и фабрик, если не полностью, то по большей части можно ожидать только от частных предпринимателей и владельцев»⁷⁹.

Любецкий сумел добиться не только поддержки иммигрантов и отечественных предпринимателей при условии, чтобы вновь создаваемые ими либо усовершенствованные старые предприятия применяли новое оборудование и вводили новую технологию, но и отстоял право на сохранение и увеличение числа государственных предприятий. На местах государственные текстильные, особенно суконные предприятия были подспорьем для помещиков и крестьян, занимавшихся животноводством.

Упорядочение кредитных отношений. Основание Польского банка. Для субсидирования нарождающейся промышленности и оказания помощи помещикам необходимы были кредитные учреждения или государственный банк. Это хорошо понимали представители польского шляхетст-

ва, как входившие в состав административного аппарата, так и занимавшиеся только частным хозяйством. Проблема стала первоочередной после 1 января 1821 г. по истечении срока моратория и с началом экзекуций по взиманию долгов. Помещичьи имения продавались с молотка.

Формально дискуссия велась по следующим пунктам: какую организацию создавать — кредитное общество или банк; чьи средства будут положены в основу новой организации — государства или помещиков; какие цели должна преследовать кредитная организация, что поддерживать — сельское хозяйство или промышленность и торговлю; какие принципы преследовать — содействовать прогрессу земледелия или спасти задолжавших помещиков.

Дискуссия о кредите по существу была дискуссией внутри класса землевладельцев. Землевладельцы, заинтересованные в погашении потребительских долгов, противостояли той части землевладельцев, которые были связаны с торговым и промышленным капиталом и которые займы использовали не на непроизводительное потребление, а на капиталовложения в сельское хозяйство. В сущности это была дискуссия о развитии капитализма в Королевстве Польском.

Общественное мнение неприязненно относилось к идее организации кредитного общества для решения вопроса об уплате помещичьих долгов. Кредиторы в закладных листах видели только раскладку задолженности на ряд лет, а должники считали, что самое большее, на что они при этом смогут рассчитывать, это оплата обязательств. Выдвигались проекты основания помещичьего банка. Ф. Скарбек писал в 1821 г., критикуя кредитную систему, что кредитное общество будет объединением банкротов и повлечет за собой еще большую задолженность землевладельцев⁸⁰. С проектом образования кредитного общества выступил Любецкий. Исследователи полагают, что три аналогичных предложения в 1820 и 1821 гг., опубликованные в печати, были инспирированы Любецким⁸¹.

Подавляющее большинство участников обсуждения вопроса об организации кредитно-банковской системы связывали ее с финансовой помощью государства. Главный источник средств на оказание кредитной помощи помещики видели в продаже национальных имений (проекты

В. Ланге, Лентовского, Т. Матушевича, В. Немоевского, М. Потоцкого и др.). Правительство Королевства Польского не соглашалось перекладывать всю тяжесть расходов и ответственности на государство. Вопрос в конце концов был решен путем компромисса.

Помещики считали, что кредит надо было предоставить им прежде всего для уплаты долгов. Ф. Скарбек, исходя из своей теории о первостепенной роли земледелия в польской экономике, считал, что облегчать уплату долгов надо лишь в том случае, если есть уверенность, что одолженные деньги будут применены в земледелии. Улучшая методы хозяйствования, должник увеличит доходность имения и после этого сможет заплатить долги и выплачивать проценты без ущерба для своего хозяйства. Такой кредит не только поможет помещику, но будет способствовать развитию сельского хозяйства⁸². На тех же условиях предлагал предоставлять кредит помещикам и Ю. Марцишевский⁸³. Ю. Выбицкий считал, что никакого кредита помещикам предоставлять не следует, банк должен помочь им только выплатить долги⁸⁴.

Спасение помещиков, задолжавших свои имения, имело противников. Они утверждали, что в интересах национальной экономики сменить владельцев задолжавших имений и передать их в умелые руки (П. Малешевский). Кроме того, считалось, что спасти должников можно будет лишь с ущербом для финансовых интересов государства⁸⁵.

В ряде проектов предлагалось предоставлять ссуды для развития промышленности и торговли и кредит купцам. С оригинальным проектом выступил в 1820 г. депутат от Августовского воеводства (не указавший свою фамилию), опубликовавший статью о помещичьем банке в газете «Белый орел». Исходя из того, что на организацию банка пойдут доходы от продажи части национальных имений, он считал необходимым позаботиться о крестьянах, живущих на тех землях. Поэтому автор предлагал давать ссуды тем помещикам, которые очиняют крестьян, а также предусмотреть предоставление ссуд на оживление промышленности⁸⁶.

Таким образом, выработка проекта кредитно-банковской организации протекала в обстановке оживленной дискуссии. Сейм 1818 г. в петиции царю добивался основания национального помещичьего банка или кредитного

учреждения. Александр I поручил Государственному совету подготовить проект основания кредитного общества. Государственный совет высказался за основание банка. Сейм 1820 г. по требованию многих послов снова обратился к царю с петицией прежнего содержания. Для выработки проекта была выбрана Кредитная депутация. Ее члены поддержали мнение Государственного совета. В проекте Кредитной депутации, подготовленном в 1821 г., предусматривалось создание банка, капитал которого осповывался бы на суммах, полученных от продажи национальных имений и от эмиссии облигаций, обеспеченных доходами от распродажи. Доходы от реализации облигаций должны были пойти на погашение долгов, лежащих на шляхетских имениях. Предполагалось, что банк будет выдавать ссуды на развитие промышленности.

Правительство, и главным образом Любецкий, не считало нужным использовать средства от продажи национальных имений на спасение должников. Любецкий планировал осуществить выплату помещичьих долгов путем основания Земского кредитного общества и принудительной конверсии задолженности в закладные листы. Любецкому удалось получить от кредитной депутации одобрение своего проекта. В 1823 г. проект основания Земского кредитного общества был окончательно завершён. Но Любецкий оттягивал с созданием общества. Почти за четырехлетний после истечения срока моратория период по крайней мере часть кредиторов была удовлетворена, часть имений продана с аукциона. Это ослабило напор должников на кредитное общество, который в 1822—1823 гг. был бы гораздо сильнее⁸⁷.

С другой стороны, помещики, с нетерпением ожидавшие создания кредитной организации и оставшиеся без поддержки после отмены моратория, ослабили свою оппозицию проекту Любецкого. В результате, несмотря на сильное противодействие, проект «Закона об организации Земского кредитного общества» был одобрен Государственным советом и Посольской избой и в июне 1825 г. утвержден царем⁸⁸.

Земское кредитное общество имело своей целью путем понижения процента (с 5 до 4) и рассрочки погашения (до 28 лет) облегчить помещикам уплату их долгов и обеспечить интересы кредиторов⁸⁹. В Земское кредитное общество принимались землевладельцы, платившие офя-

ру сыше 100 злотых⁹⁰. Таким образом, мелкие земельные собственники были лишены возможности пользоваться выгодами кредитной системы. Это способствовало дальнейшему развитию процесса дифференциации внутри класса землевладельцев. Земское кредитное общество оказывало помощь тем землевладельцам, которые сумели наладить специализированное товарное производство.

По инициативе Любецкого в 1828 г. был открыт Польский банк. Идея его создания вынашивалась Любецким давно. Первое упоминание о нем встречается в письме Любецкого к наместнику Зайончеку из Вены от 22 июля 1820 г.⁹¹ Ю. Выбицкий, Т. Мостовский, некоторые члены Государственного совета и представители Кредитной депутации в сейме ставили вопрос о предоставлении кредита для развития промышленности и торговли. Они имели в виду ссуды для иммигрантов-«фабрикантов», которые намеревались основывать в Королевстве Польском свои предприятия.

С. Сташиц резко разграничивал кредит помещикам от кредита предпринимателям. Он считал, что банк должен давать ссуды исключительно промышленникам, которые поселятся в Королевстве Польском и на своих предприятиях будут изготавливать товары из отечественного сырья⁹². Польские экономисты в основном не видели различий между банком и казной. Для одних банк — просто отдел казны, для других — отдельный институт, но непосредственно зависимый от казны⁹³.

Любецкий рассматривал банк как орудие государственной экономической политики, как центральное финансовое учреждение государства. По мысли Любецкого, банк должен опекать Земское кредитное общество и осуществлять финансовые операции государства. Основная задача банка — расширение кредита для развития национальной торговли и промышленности путем финансирования вновь организуемых частных предприятий и непосредственное основание государственных⁹⁴. Любецкий наделил банк новой функцией — поручил ему осуществление всех банковских и финансовых операций государства: уплату государственных долгов и процентов по ним.

Капитал Польского банка в момент учреждения равнялся 20 млн. злотых. Его составили 10 млн. злотых в закладных листах, полученных казной Королевства Польского от продажи национальных имений; дотация в 4 млн.,

полученная от продажи части закладных листов, и суммы, образовавшиеся в результате передачи государством различных задолженностей⁹⁵. Таким образом, банковские фонды целиком опирались на внутренние средства без привлечения иностранных капиталов.

Правительство получило дополнительный источник средств для дальнейшего стимулирования промышленности. Банк поддерживал и частных предпринимателей, и государственные предприятия. Банк сразу же включился в широкую кампанию по финансированию сельского хозяйства, главным образом с целью внедрения передовых методов хозяйствования. Так, Польский банк вместе с казначейством поддержал «Общество хлебных изделий» — мельничную торгово-промышленную компанию братьев Любецких и кредитовал покупку пароходов, предназначенных главным образом для перевозки сельскохозяйственной продукции по Висле (пароходы купил Волицкий в Англии).

Второй вид деятельности банка в помощь сельскому хозяйству — выдача ссуд под заклад зерна, муки, леса и отечественного промышленного сырья: шерсти, льна и конопли. На 1831 г. намечалась постройка складов под Варшавой для хранения сельскохозяйственных товаров, но из-за восстания была отменена.

Третий, самый распространенный вид деятельности — выдача закладных ссуд⁹⁶. Она носила характер условной покупки банком товара с правом выкупа его владельцем в определенный срок по означенной цене. Досмотр за товаром вплоть до момента продажи и вытекающий отсюда риск лежали на владельце товара. Авансовая ссуда, кроме товара, гарантировалась еще и векселем владельца. Выдача векселя означала, что весь риск возлагался на хозяина товара, если бы сумма от продажи не покрыла размера выданной ссуды. Таким образом, банк гарантировал себе возврат выданной ссуды.

Еще одна форма операций банка на сельскохозяйственном рынке — комиссионная покупка зерна для экспорта за границу — в рассматриваемый срок широкого распространения не получила.

Финансово-кредитная политика Любецкого проводилась в интересах обуржуазивавшегося шляхетства (а вместе с ним и шляхетства в целом) и промышленного капитала. С классом землевладельцев Любецкий был связан

своими интересами как землевладелец. Кроме того, он зависел и от государственного шляхетского аппарата, и от шляхетского общественного мнения. Отсюда — консерватизм его кредитной политики. В создании финансово-кредитной системы Любецкий опирался на землевладельцев, на них тратил деньги, т. е. выступал объективно за развитие капитализма в сельском хозяйстве по наиболее консервативному, прусскому пути. Частично Любецкий давал деньги и на сохранение просто отсталых производственно-экономических структур.

Поддержка внутренней торговли. Внутренний рынок в Королевстве Польском в 1815—1830 гг. был крайне узок. Господство полунатуральных крестьянских хозяйств сводило их потребности в предметах широкого потребления до весьма незначительного уровня. В основном они удовлетворяли их за счет изделий местной кустарной промышленности. Отсутствие проезжих дорог зачастую почти полностью отрезало друг от друга разные районы одного и того же воеводства. Наиболее надежным средством сообщения служили реки, но и они во многих местах стали несудоходными. Поэтому самыми распространенными формами товарообмена были местные ярмарки, на которые окрестные крестьяне и ремесленники привозили свои товары.

Более широкий, региональный характер имели специализированные ярмарки, главным образом по продаже шерсти и скота. Их роль возросла во второй половине 20-х годов в связи с бурным развитием текстильной промышленности. Местные власти придавали им большое значение, всегда заранее оповещая все поветы о дне их открытия. С 1822 г. в Варшаве ежегодно организовывались центральные, так называемые Свентояньские (в день св. Яна, с 24 июня на 10 дней) ярмарки шерсти. Отсутствие необходимых средств не позволяло сукноделам делать большие запасы шерсти. Ее негде было хранить. Лишь помощь Польского банка устранила эту преграду.

С 1828 г. банк выдавал сукноделам кредит на покупку шерсти на Свентояньской ярмарке. Это немедленно вызвало оживление торговли. В 1828 г. на Свентояньской ярмарке было продано 7 тыс. ц шерсти⁹⁷, в 1829 г. товарооборот возрос до 12,5 тыс. ц⁹⁸. Оставшуюся непроданной шерсть покупал банк для организации запасов дешевой шерсти. Одновременно Польский банк организовал

оптовую покупку шерсти у производителей на местах. После рассортировки ее продавали непосредственно на фабрики. Такая форма оптовой закупки была выгодна поставщикам товарной продукции, особенно в отдаленных местностях, так как исключала частных посредников, взимающих в свою пользу более высокие комиссионные.

Торговля в основном сосредоточивалась в городах. В 1815—1830 гг. был предпринят ряд мер для упорядочения торгового дела в Королевстве Польском и особенно в главном торговом центре — Варшаве. Торговле для ее развития прежде всего нужен кредит, ссуды под обеспечение векселями и товарными документами. Первая товарная биржа была организована в Варшаве в 1817 г. На ней учитывались векселя купечества из различных городов и стран. Русские появились на варшавской бирже после 1828 г.⁹⁹ В Королевстве Польском в рассматриваемый период существовало более 20 вексельных контор, в Варшаве накануне восстания 1830 г. их было 11¹⁰⁰.

Поддержка внутренней торговли находилась в прямой связи с интересами крупного товарного производства в фольварках, т. е. с интересами той части крупных землевладельцев, которые вступали на капиталистический путь хозяйствования.

Купечество имело поддержку в лице министра внутренних дел Т. Мостовского, который заботился о наилучшей организации варшавских ярмарок и в связи с этим — о польских купцах. В 1817 г. одновременно с указом о варшавских ярмарках появился указ наместника об организации купечества. Местные купцы объединялись в купеческие организации. Во всех городах, имеющих не менее 10 купцов, были созданы особые объединения купцов, ведущих торговлю с заграницей. Купцы нескольких небольших городов объединялись в одно общество. С 1823 г. члены купеческих объединений получили исключительное право ввоза товаров из-за границы. Торговля польскими товарами была доступна всем¹⁰¹. Крупные («фирмовые», или «ремисовые») купцы были освобождены от уплаты патентного налога. В 1818 г. был основан так называемый торговый трибунал для разбора тяжб по торговым делам, судьи которого выбирались из варшавских купцов и промышленников¹⁰². Введение тогда же в Королевстве Польском унифицированных новопольских мер и весов облегчало заключение торговых сделок. В 20-х годах в Варша-

ве и Радоме были образованы купеческие клубы, так называемые ресурсы, которые стали местом встреч, деловых соглашений, центром своеобразной информации.

Правительственные комиссии финансов и внутренних дел и городские муниципальные власти занимались вопросами торговли, особенно во второй половине 20-х годов. На заседаниях рассматривались дела, связанные с положением купечества и деятельностью торгового трибунала. Были попытки организовать профессиональное обучение для представителей торгового мира. В 1825 г. были приняты шаги по организации в Варшаве высших экономико-торговых курсов и факультета торговых наук в университете¹⁰³. Намечалось создать торговый факультет в Политехническом институте для обучения «банкиров, торговцев и бухгалтеров», но попытка оказалась неудачной¹⁰⁴.

Выше перечислены мероприятия польского правительства, направленные на улучшение условий и расширение внутренней торговли. Но только ими дело не ограничивалось, потому что весь комплекс реформ, направленных на усиление интенсификации сельского хозяйства и развитие отечественной промышленности, неизбежно оказывал воздействие на расширение емкости внутреннего рынка.

Улучшение транспортной системы Королевства Польского. Состояние водных путей было предметом дискуссии еще в Княжестве Варшавском, а книга В. Суroveцкого о реках и сплавах нашла широкий отклик в печати. В Королевстве Польском проблема транспортных путей постоянно оставалась в центре внимания. В 1824 г. была произведена калькуляция стоимости доставки 1 тыс. корцев каменного угля из Домброва в Варшаву. Результаты оказались весьма впечатляющими. Добыча этого количества угля обошлась в 1 тыс. злотых, а его перевозка — в 3 тыс. злотых¹⁰⁵, т. е. в три раза дороже. Понятно, почему проблемой путей сообщения были обеспокоены и местные, и центральные власти.

Работы начались с улучшения водных путей сообщения. На землях Королевства Польского сплавыми считались реки: Висла, Пилица, Нида, Нарев, Буг, Бзура, Каменная и др. Все ранее судоходные реки были учтены; С. Сташиц возглавил работы по очищению рек: ликвидировались завалы и плотины, убирались мельницы. В обязанности воеводских комиссий входила организация этих

работ и ежегодный отчет Правительственной комиссии внутренних дел о состоянии дел по очистке русел судоходных рек. Особое внимание уделялось Висле с притоками. В 1825—1827 гг. начались работы по защите ее берегов, посадка бульваров.

Строительство новых мощных дорог началось в 30-х годах XIX в. В 1822 г. было закончено первое мощное шоссе в предместьях Варшавы. В 1823 г. — завершена постройка Брестско-Литовского шоссе, средства на постройку которого собирались по подписке.

С 1817 г. наладилась регулярная почтовая связь между крупными городами Королевства Польского. По мере восстановления старых и прокладки новых мощных дорог, которыми ведали местные власти, улучшалась почтово-пассажирская связь. Между городами совершали регулярные рейсы фургоны и дилижансы.

Основание Польского банка и переход к нему инициативы по улучшению транспортной системы коренным образом улучшили ситуацию. По постановлению комиссии внутренних дел от 23 июля 1829 г. Польский банк предоставил заем в 14 млн. злотых на постройку в пятилетний срок шести основных трактов¹⁰⁶: Краковско-Через Радом — Кельце; Люблинского через Пулавы — Люблин, Замостье и Томашов Люблинский; Волыньско-Силезского через Пулавы — Радом — Петркув; Фабричного из Варшавы через Лович — Згеж — Лодзь — Серадзь — Калиш; Гданьского через Модлин и Торунь и Устилуцкого.

Эти тракты шли в основном по старым дорогам, но по мере возможности при планировке учитывались интересы окрестных землевладельцев и фабричных поселений. Некоторые работы были отданы на откуп частным лицам. Сразу же началась интенсивная деятельность. В общей сложности к 1830 г. было построено 1030 км новых мощных дорог, не считая старых, постоянно обновляемых трактов¹⁰⁷.

Самые крупные государственные средства были вложены в постройку Августовского канала. С принятием Пруссией нового таможенного тарифа Королевство Польское фактически оказалось отрезанным от Балтийского моря. В качестве временного средства Любецкий организовал сравнительно дешевую и быструю сухопутную связь с балтийскими портами на территории России с помощью легких кибиток. 18 июля 1823 г. Любецкий написал Гра-

бовскому о проекте постройки нового канала Нарва — Неман — Ла¹⁰⁸. В конце 1823 — начале 1824 г. на заседании Административного совета было поддержано мнение Любецкого не уступать прусским требованиям на переговорах по таможенным вопросам. Александр I придерживался строгого курса и не шел на уступки. Мысль о постройке канала становилась более реальной. 29 июня 1824 г. на заседании Административного совета было сообщено, что царь уполномочил наместника открыть кредит в сумме 500 тыс. злотых из бюджета Королевства Польского на работы по постройке канала¹⁰⁹.

Хлопоты с организацией постройки Августовского канала в значительной мере имели характер дипломатического маневра. И он оказал свое действие. В июле 1824 г. русский представитель на переговорах в Берлине Моренгейм доносил в Петербург о состоявшейся у него конфиденциальной беседе с прусскими чиновниками. Чиновники говорили о возможности уступок; что прусское правительство может сделать более умеренными таможенные пошлины с транзитных польских товаров, сохранив высокие на ввоз польского зерна в Пруссию¹¹⁰.

Постройка канала была завершена в 1839 г. Хотя экономический эффект от постройки Августовского канала в то время был невелик, но в дальнейшем канал играл большую роль в экономической жизни польских земель и сохраняет свое значение в наши дни.

Итак, в 1815—1830 гг. были проведены значительные работы по улучшению и постройке новых сухопутных и водных коммуникаций. Основные промышленные и сельскохозяйственные центры были связаны между собой мощными дорогами. Была восстановлена судоходность многих рек и начата постройка Августовского канала, осуществившего связь с Балтикой через Неман. Новая транспортная сеть определялась интересами владельцев крупных товарных фольварков, продававших зерно и шерсть, и промышленных предпринимателей и купцов, торговавших изделиями польской промышленности.

Организация профессионального обучения. Промышленности и сельскому хозяйству нужны были квалифицированные кадры. У поляков был большой опыт в деле организации образования. В Королевстве Польском высшие технические учебные заведения создавались с учетом текущих запросов развивающейся экономики. Общество

друзей наук выступило инициатором организации Политехнического института с обязательным включением в его состав механического факультета с ориентацией на изучение паровых двигателей и машин разного типа. Первая политехника была создана в Варшаве в 1824 г. Вначале она была организована по типу Политехнического института в Вене и Политехнической школы в Париже.

После поездки в Лондон в 1825 г. адъюнкта В. Непокойчицкого от Комиссии просвещения, который осуществлял надзор за Политехническим институтом, программа обучения вобрала в себя и опыт английских технических высших учебных заведений. На трех факультетах — подготовительном, механическом и химическом вместо французского было введено изучение немецкого и английского языков. Преподавателем английского языка был широко образованный воспитанник Виленского университета, литератор и философ Л. Ширма. Изучение языка должно было подготовить студентов «...к свободному чтению технических трудов и ведению торговой корреспонденции»¹¹¹.

Технические кадры стремились обучать также путем организации различных курсов, школ и технических публикаций. В 1816 г. гидротехнический директор А. Ланге организовал курсы по обучению постройке дорог, мостов и каналов, а также устройству судоходности рек. Обучение на курсах продолжалось несколько месяцев. В 1817 г. при Правительственной комиссии внутренних дел был организован Общий совет по строительству, межевому делу, дорогам и сплавам, председателем которого был назначен Сташиц. Одновременно при Варшавском университете была открыта Школа межевого дела, строительства, дорог и сплавов.

В 1818 г. при факультете изобразительных искусств Варшавского университета был создан отдел строительства и межевого дела, на котором готовили специалистов в области архитектуры и межевого дела. В 1823 г. была открыта Школа гражданской инженерии дорог и мостов. Она была объединена с университетом¹¹². Профессор Варшавского университета Миль, автор одного из польских проектов паровой машины, знакомил студентов с устройством и принципами действия паровых машин. Учитывался опыт работы Краковского и Виленского университетов, где паровые машины являлись темами дипломных работ¹¹³.

Были предприняты менее удачные попытки организовать сельскохозяйственное обучение. Хорошо было поставлено преподавание в Специальной школе лесного хозяйства в Варшаве в 1818—1830 гг. В ней преподавался двухлетний теоретический курс, а затем учащиеся в течение нескольких лет проходили практику. Впоследствии обучение стало дифференцированным. Учеников в зависимости от степени подготовки распределяли по трем категориям: младших лесничих, старших лесничих и чиновников по лесному делу, и каждой группе преподавали отдельно. Число учеников в школе достигало 50 человек¹¹⁴.

В Маримонте под Варшавой в 1820 г. была открыта сельскохозяйственная школа. Она состояла из двух отделов: низшего и среднего. На низшем обучались овчары, работники винокурен и паробки. На среднем занимались управляющие имениями и эконоы. Преподавателей в школе было трое, и уровень обучения новысок. Сыновья крупных землевладельцев в эту школу не стремились, школа прозябала¹¹⁵.

Особое внимание уделялось профессиональному обучению горному делу. В Кельцах работала специальная горная школа.

С начала XIX в. делались попытки издавать специальные сельскохозяйственные и торгово-промышленные издания. В 1815—1826 гг. в Варшаве в общей сложности выходило 38 наименований периодических изданий, многие из которых в той или иной степени затрагивали хозяйственные вопросы¹¹⁶. Первое место среди них занимала «Изыс Польска» (1820—1828 гг.), занимавшаяся пропагандой технических достижений в области сельского хозяйства и промышленности. Много статей на сельскохозяйственные темы помещалось в «Библиотеке Варшавской». В 1830 г. в Варшаве в качестве приложения к «Газете Цодзенной» выходили «Торговые и промышленные ведомости».

В 1816 г. «Паментник Варшавский» помещал статьи по вопросам сельского хозяйства, переводы из работ европейских ученых по политэкономии. Статьи носили теоретический характер¹¹⁷. В 1817—1819 гг. вышли в свет три тома ежегодника «Сельская газета». Она была предназначена для мелких землевладельцев и содержала различные советы по ведению домашнего хозяйства. Тома продавались по низкой цене, но особой популярностью не пользо-

вались¹¹⁸. В 1816—1817 гг. статьи по земледелию, садоводству, лесному делу, сельскому строительству, животноводству и технологии публиковались в журнале «Достпегач экономичны любельски», издаваемом в Люблине по инициативе Земледельческого общества¹¹⁹.

Даже «Литературная газета» помещала информацию о важнейших технических открытиях¹²⁰. В 1821 г. в ней была напечатана статья «Краткое описание открытия Уильямом Конгреем нового и дешевого устройства паровых машин, а также экономии топлива при разогреве котлов с ликвидацией дыма». «Литературная газета» систематически помещала рецензии и сообщения о всех важнейших публикациях экономических трудов Мальтуса, Сэя, Сисмонди и др.¹²¹

В 1828 г. в Варшаве была опубликована работа преподавателя Института механики при Кременецком лицее Ф. Меховича «Теория машин». Он писал о необходимости механизации процессов производства. В работе, в частности, говорилось: «Чем больше мы будем использовать машины, тем все более они будут совершенствоваться, тем быстрее будет расти отечественная промышленность, которая является самым надежным богатством любой страны»¹²².

С 1829 г. начал издаваться журнал «Памятник физических, математических и статистических наук, пригодных для промышленности», в котором сосредоточился материал о всех новейших достижениях, направленных на переоборудование промышленных предприятий на современный лад.

Периодические издания в какой-то мере восполняли недостатки и пробелы в профессиональном образовании и пропагандировали передовые методы рационального ведения хозяйства.

Городское строительство. Урбанизация — неперемный спутник промышленного подъема. Бурный рост промышленности в 1815—1830 гг. сам по себе означал рост и развитие городов. Города в Королевстве Польском по выполняемым ими функциям делились на: 1) административные; 2) торговые; 3) промышленно-ремесленные; 4) города, сочетающие в себе все эти черты; 5) аграрные. На особом положении находился столичный город Варшава. Города различались по их правовому статусу. Были города государственные, частновладельческие и принадле-

жавшие различным институтам, жители которых пользовались неодинаковыми правами и льготами, в основном в области налогообложения.

Процессы урбанизации протекали в двух направлениях: путем развития старых городов и образования новых. По мере развития этого процесса происходили сдвиги в социальной структуре польского города.

Городская политика польских властей выражалась в том, что они активно содействовали развитию городской промышленности, проводили политику приглашения специалистов-иммигрантов, которые заселяли не только целые кварталы, но иногда и создавали новые поселения городского типа. Местные власти обязаны были следить за упорядочением строительства в воеводских центрах и крупных городах. Административные власти по инициативе жителей или местных органов переводили местечки в разряд осад или деревень и обратно.

Развитие городов на северо-западе и юго-востоке Королевства Польского происходило по-разному. На северо-западе шел бурный рост и отмечался расцвет городов, превращение их в промышленные центры. На юго-востоке этот процесс был слабее, города там сохраняли полусельский облик. Исключительное внимание уделялось Варшаве.

Нельзя сказать, что мнение о путях развития и судьбах городов было единодушным. И в этом вопросе, как и в других социально-экономических, высказывались две точки зрения. Передовые представители общественного мнения, выступавшие за путь быстрее развития промышленности и торговли, представлявшие интересы промышленного и торгового капитала, считали, что только превратив город в торгово-промышленный, можно сделать его центром окружающей территории. Так, председатель мазовецкой воеводской комиссии Р. Рембелинский в статье, озаглавленной «О городах» и опубликованной в 1816 г. «Паментником Варшавским», писал о том, что он представляет себе город как центр развитой промышленности и торговли. В статье говорилось: «...города не могут интересовать правительство и страну иначе, как места объединения важной в политической экономии производительной силы, т. е. промышленной силы, к которой относятся всякого рода ремесла, рукоделия, искусства и торговля»¹²³.

Представители крупного землевладения и обуржуазившегося шляхетства, защищая тезис о приоритете земледелия в экономике, упадок городов связывали прежде всего с упадком сельского хозяйства и не ставили оживление городской жизни в зависимость от индустриализации городов. Так, в 1820 г. Околов, хотя и писал, что хорошее состояние городов Бжезина и Ново Място зависит от работавших там суконных фабрик, предсказывал будущий расцвет Бреста Куявского несмотря на то, что в нем «нет никакой индустрии»¹²⁴. Для этого он предлагал сделать город центром обвода и перевести туда поветовую кассу. Низким жизненным уровнем окрестных помещиков обьяснил в 1821 г. комиссар Сандомирского воеводства плохое состояние городов¹²⁵.

Для 1815—1830 гг. характерны процессы перехода местечек в разряд деревень и обратно. Следует отметить, что в юго-восточных воеводствах процесс деурбанизации был интенсивнее. Там господствовала барщина, товарно-денежные отношения были развиты слабо, сельское хозяйство оставалось решающим в системе экономических отношений. Потребности шляхетского имения, не развивающегося по капиталистическому пути, играли по отношению к большей части частновладельческих городов решающую роль как основа их существования. Но по мере развития производительных сил фольварки уже не могли обеспечить возможности окрестных городов. Поэтому значительная часть таких частных местечек, главным образом в восточных воеводствах, превращалась в осады или деревни.

В 1823 г. комиссия Сандомирского воеводства сообщила: «Города здешнего воеводства, заселенные земледельцами и на 1/10 часть фабрикантами, имеют столько сельскохозяйственных плодов для собственного потребления, что у них нет нужды докупать их. Город, даже Радом, будучи столицей воеводства, помимо движения денег в связи с наличием судебных и административных магистратов либо расквартированием армии, по большей части населен жителями, имеющими землю, удовлетворяющую их первые потребности»¹²⁶. Таким образом, хозяйство городского жителя носило такой же полунатуральный характер, как и барщинного крестьянина.

Наибольшие изменения произошли в статусе городов юго-восточной части, в Люблинском и Подляском воевод-

ствах. В Люблинском воеводстве в 1820 г. было 68 городов (в том числе 1 город второго разряда и 40 городов пятого разряда)¹²⁷. В 1825 г. — 58 городов (в том числе 8 государственных, 48 частных, 2 — институтов)¹²⁸, а к 1829 г. их стало 59¹²⁹. Таким образом сначала число городов сократилось на 10, а потом 2 государственных перевели в разряд деревень, а 3 деревням дали статус города.

Ряд мелких местечек ликвидировало само правительство по просьбе жителей или владельцев, а также в случае, когда у местечка не было средств на содержание бургомистра, а жители отказывались складываться и набирать сумму не менее 600 злотых в год. Иногда государство, напротив, заставляло владельцев вернуть поселению права города. В этом случае, с одной стороны, преследовалась фискальная цель, так как владелец платил в казну налог. С другой стороны, горожанам возвращались прежние свободы, которых они лишались, став жителями сельской местности.

В Подляском воеводстве в 1821 г. было 47 городов (в том числе 12 государственных и 35 частных)¹³⁰. Подсчет был сделан после того, как один из городов — Войчешков — был переведен в разряд сельской осады. В 1824 г. в воеводстве осталось 44 города (в том числе 13 государственных и 31 частный)¹³¹. За сравнительно короткий срок 4 города прекратили свое существование. В Подляском воеводстве не было крупных промышленных городов. Местные власти еще в 1817 г. предсказывали хорошее будущее г. Влодава, поскольку в нем собирались еженедельные торги и несколько раз в год — ярмарки для торговли скотом¹³². Не имея промышленных центров, местные власти возлагали надежды на развитие торгового центра.

В северо-западном районе положение было иным. Там и промышленность развивалась быстрыми темпами, и в основном оседали ремесленники-иммигранты из-за границы, а иногда и из восточных воеводств, где возникали новые промышленные поселения. Кроме того, и соотношение между числом государственных и частных городов было иным, с перевесом в пользу государственных (так, в Мазовецком воеводстве в 1821 г. из 79 городов 43 было государственных и 36 частных, а в Подляском из 47 городов — 12 государственных и 35 частных). Помещичья

усадебная не довлела над городом. Во главе воеводств зачастую стояли прогрессивно мыслящие деятели, стремившиеся к насаждению в городах промышленности. Все это, несомненно, способствовало укреплению городов.

Особенно разительные перемены произошли в Мазовецком воеводстве. Процесс урбанизации левобережного Мазовья, особенно пограничья с Калицким воеводством, усилился в связи с размещением в этом районе значительных центров текстильной промышленности. В связи с основанием нового, Лодзинского района в Мазовецком воеводстве возникли новые города. К 1827 г. из деревень и осад в разряд городов были переведены семь деревень Мазовецкого воеводства¹³³. В 1824 г. осада Красносек Плоцкого воеводства была переведена в разряд городов на том основании, что ее население составляли исключительно ремесленники-сукноделы. В течение года ими было выработано 33,5 тыс. локтей среднего и 29 тыс. локтей грубошерстного сукна¹³⁴.

Развитию промышленных городов способствовали центральные власти, а в некоторых случаях — частные владельцы. Большую заботу проявили власти о создании лодзинского промышленного района. Еще в начале 1820 г. чиновник Околов писал о том, что Згеж, Лодзь, Казимеж и Гжегожево Мазовецкого воеводства «умеренных деревень не стоят»¹³⁵. В это время в Лодзи было 112 домов и 799 жителей¹³⁶. В 1821 г. Лодзь фактически стала городом. При активной колонизационной политике центральных и заботе местных властей к 1829 г. Лодзь стала уже настоящим городом с 4273 жителей¹³⁷. Фабричный тракт соединил Лодзь с Варшавой и другими городами. Также одновременно с развитием промышленности развивался г. Згеж. В 1825 г. он насчитывал 3 тыс. жителей, а в 1827 г. — уже 4,5 тыс.¹³⁸ Оформлялись в промышленные центры и другие города: Гостыния, Гомбин, Рава, Ченстохов, Унейов.

Среди частных городов в 1815—1830 гг. особенно быстро развивался Томашов, принадлежавший графу Островскому. Братошевский, Злотницкий, Стажиньский также содействовали росту своих городов: Александру, Константинову, Здуньской Воле, Домбе.

Одновременно с заметным сокращением общего числа городов шел процесс увеличения числа крупных городов с населением от 2 до 5 тыс. жителей. Их характерная

особенность состояла в том, что именно эти города проявляли наибольшую тенденцию роста. В 1827 г. в Королевстве Польском был 451 город, в том числе: 175 с населением менее 1 тыс. человек, 217 — от 1 до 3 тыс., 50 — от 3 до 5 тыс. и только 3 города — Варшава, Люблин и Калиш — более 10 тыс.; в Плоцке — более 7 тыс., в Ченстохове, Замостье, Грубешове, Озоркове, Кальварии — более 9 тыс. жителей¹³⁹.

Крупные города, как правило, являлись промышленными или торговыми центрами. В 1827 г. городское население составляло уже 21,5%¹⁴⁰, т. е. по сравнению с 1816 г. увеличилось на 2,1%.

Самым крупным городом, о застройке и украшении которого польские власти проявляли наибольшие заботы, была Варшава. Период оживления Варшавы начался после Первого раздела Речи Посполитой, где раньше и сильнее сказались результаты усилий по централизации власти и где особенно ускорился процесс концентрации торгово-ростовщического капитала¹⁴¹. Развитию Варшавы после образования Королевства Польского способствовало сосредоточение там административного, полицейского и военного аппарата.

На заседании Административного совета Королевства Польского 26 ноября 1816 г. было принято постановление об оказании с 1 января 1817 г. материальной помощи для восстановления и развития Варшавы. С этой целью казначейство предоставляло 5%-е займы на 23 года в сумме по 300 тыс. злотых ежегодно. Первые три года 300 тыс. злотых предоставлялись исключительно из казны. С 1820 г. начали поступать проценты по займу и суммы погашения, за счет которых и образовалась часть суммы в 300 тыс. злотых. В 1839 г. вся сумма в 300 тыс. злотых поступала уже исключительно от должников¹⁴².

Заем давался лишь на постройку каменных, не ниже трехэтажных, зданий в центре. «Шестой процент» (т. е. 1%) шел в пользу варшавского муниципалитета под названием «железный фонд». В 1820 г. он составлял 3 тыс. злотых, в последующие — соответственно 6, 9, 12 тыс. злотых и т. д.¹⁴³ Эти суммы шли на поддержку тех жителей, которые строили каменные дома не в центре, а на окраинных улицах. Новые дома, на постройку которых давалась дотация, должны были оцениваться не ниже, чем в 10 тыс. злотых. Первые ссуды на застройку из го-

родского фонда были даны уже в 1818 г. В 1823 г. эти фонды были увеличены за счет средств от продажи площадей.

Муниципальные средства часто шли не только на застройку окраин, но и центра. «Железный фонд» составляли общественные средства. С 1828 г. долгосрочный кредит на строительство домов стал предоставлять Польский банк. В общей сложности с помощью муниципальных ссуд и банка была ускорена (до 1843 г.) постройка 59 каменных домов¹⁴⁴.

Плановой застройкой и обновлением Варшавы руководил Строительный совет — специальный орган при Комиссии внутренних дел, созданный в 1817 г. Члены Строительного совета следили за противопожарной безопасностью, за тем, чтобы не открывали вредного производства, соблюдали нормы санитарной гигиены и эстетики, для чего даже определяли высоту окон, крыш, ворот и т. п. Строительный совет ведал мощением улиц и колодцами на общественных площадях. Члены совета решали вопрос об окраске наружных стен в определенный цвет и даже имели право снести дом, если его местоположение или архитектура нарушали установленные правила.

Варшавские домовладельцы платили налог на ремонт мостовых и тротуаров. Система взимания этого налога была архаической, так как его размер зависел от улицы и длины фронтона дома, а не от размера дохода хозяина. В пользу города взимали еще два типа налогов: 1) «канон» — с корчем, заезжих домов, ресторанов, трактиров, кафе, бильярдных и т. п.; 2) «городской» — с розничных торговцев и мелких скупщиков, живущих постоянно в Варшаве, а также с ремесленников-евреев, продающих свои изделия со складов¹⁴⁵. Налоги шли на удовлетворение городских нужд, а с 1828 г. — на покрытие долга банку.

Варшава была административным, культурным и одним из крупнейших промышленных центров. В 1825 г. в Варшаве насчитывалось 5808 фабрик и ремесленных мастерских¹⁴⁶. Градостроительская деятельность государства в 1815—1830 гг. дала богатые плоды.

Программа экономического развития, проводимая в жизнь в конституционный период истории Королевства Польского, была осуществлена в основном вопреки пля-

хетской оппозиции. Установление протекционизма, стимулирование развития городской и частной промышленности, урегулирование кредитно-денежных отношений, привлечение в Королевство Польское иммигрантов-ремесленников и предпринимателей, улучшение коммуникаций, развитие городов и превращение их в промышленные центры, развитие профессионального, технического и сельскохозяйственного обучения — все это способствовало ускорению процесса первоначального накопления в Королевстве Польском и отвечало интересам нарождающейся промышленности.

Но эта программа развития промышленности и торговли проводилась не вопреки интересам помещиков, а для их поддержки. Земское кредитное общество и Польский банк оказывали непосредственную помощь помещичьим усадьбам; текстильная промышленность базировалась на сельскохозяйственном сырье, приехавшие иммигранты увеличивали ряды потребителей сельскохозяйственных продуктов и т. п. Политика Любецкого не была антипомещичьей, несмотря на то, что в интересах государственной казны он ущемлял их, вводя монополии на винокурение, применяя экзекуции для взимания задолженностей с землевладельцев и некоторые другие меры. Это моменты второстепенные, не играющие решающей роли.

Свои социально-экономические мероприятия он проводил не за счет шляхетства, а за счет трудящихся масс, путем увеличения косвенных налогов, главным образом через систему откупов государственных монополий на предметы широкого потребления и такого необходимого продукта питания, как соль. На крестьянство пала вся тяжесть расходов по проведению экономических преобразований. Интересы крестьян, даже в национальных имениях, не учитывали ни Любецкий, ни государственные деятели, ни представители общественной мысли, в том числе члены Общества друзей наук.

Говоря о том, что Любецкий удовлетворял потребности землевладельцев, следует помнить о том, что помещичий класс во второй четверти XIX в. не был однородным. Любецкий в основном выражал интересы шляхетско-буржуазного крыла. Его программа была рассчитана на поддержку тех землевладельцев, которые уже вступили или проявляли тенденцию к переводу своих хозяйств на капиталистический путь развития.

- ¹ Jedlicki J. W sprawie automatycznego krachu feudalizmu.— In: Między feudalizmem a kapitalizmem. Wrocław — Warszawa — Kraków, Gdańsk, 1976, s. 232.
- ² Jedlicki J. W sprawie..., s. 233.
- ³ Jedlicki J. W sprawie..., s. 233.
- ⁴ Lipoński W. «Brytaniczny Handel» i «parne maszyny».— Kultura, 24.VII 1977.
- ⁵ AGAD, z. 1 RS, N 127, s. 85.
- ⁶ AGAD, z. 1 RS, N 127, s. 95.
- ⁷ Kołodziejczyk R. Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim (1815—1850). Warszawa, 1957, s. 108.
- ⁸ Archiwum Czartoryskich, N 5265 IV, s. 101.
- ⁹ AGAD, z. 1 RS, N 138, s. 61.
- ¹⁰ AGAD, z. 1 RS, N 138, s. 101.
- ¹¹ AGAD, z. 1 RS, N 138, s. 103.
- ¹² AGAD, z. 1 RS, N 138, s. 104.
- ¹³ AGAD, z. 1 RS, N 144, s. 120.
- ¹⁴ Archiwum Czartoryskich, N 5244 V, s. 21.
- ¹⁵ Archiwum Czartoryskich, N 5244 V, s. 199, 205.
- ¹⁶ Archiwum Czartoryskich, N 5253 IV, c. 148.
- ¹⁷ Górski J. Polska myśl ekonomiczna a rozwój gospodarczy 1807—1830: Studia nad początkami teorii zacofania gospodarczego. Warszawa, 1963, s. 50.
- ¹⁸ История Польши, т. I, с. 500.
- ¹⁹ Пезенгу А. Очерки политической экономии капитализма. М., 1976, т. 1, с. 685—686.
- ²⁰ Michalski J. Z dziejów Towarzystwa Przyjaciół Nauk. Warszawa, 1953, s. 89.
- ²¹ Kraushar A. Towarzystwo królewskie przyjaciół nauk 1800—1832, ks III, t. 6: Czasy Królestwa Kongresowego. Kraków — Warszawa, 1902, s. 265.
- ²² Kraushar A. Towarzystwo..., t. 6, s. 457.
- ²³ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 7, s. 70.
- ²⁴ Цит. по: Górski J. Polska myśl..., s. 181.
- ²⁵ Górski J. Polska myśl..., s. 196.
- ²⁶ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 4, s. 220.
- ²⁷ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 4, s. 223.
- ²⁸ Górski J. Warszawskie Towarzystwo przyjaciół nauk a polska ekonomia lat 1800—1830.— Zeszyty naukowe szko'y g'ównej planowania i statystyki, 1961, z. XXXIV, s. 70.
- ²⁹ Krzeczowski K. Zapomniany nauczyciel F. Skarbka.— Ekonomista, 1928, t. IV, s. 31.
- ³⁰ Górski J. Warszawskie Towarzystwo..., s. 71.
- ³¹ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 4, s. 265.
- ³² Kraushar A. Towarzystwo..., t. 5, s. 366—367.
- ³³ Górski J. Warszawskie Towarzystwo..., s. 84.
- ³⁴ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 6, s. 26.
- ³⁵ Górski J. Warszawskie Towarzystwo..., s. 71.
- ³⁶ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 6, s. 264.
- ³⁷ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 7, s. 84.
- ³⁸ Rozwój polskiej myśli statystycznej. Warszawa, 1968, s. 91.
- ³⁹ Górski J. Warszawskie Towarzystwo..., s. 87.

- ⁴⁰ Górski J. Polska myśl..., s. 234—261.
- ⁴¹ Górski J. Warszawskie Towarzystwo..., s. 60.
- ⁴² Kraushar A. Towarzystwo..., t. 6, s. 311.
- ⁴³ Górski J. Warszawskie Towarzystwo..., s. 57.
- ⁴⁴ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 6, s. 315.
- ⁴⁵ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 6, s. 316.
- ⁴⁶ Górski J. Warszawskie Towarzystwo..., s. 61.
- ⁴⁷ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 7, s. 300.
- ⁴⁸ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 4, s. 8.
- ⁴⁹ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 4, s. 21.
- ⁵⁰ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 5, s. 228.
- ⁵¹ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 5, s. 366.
- ⁵² Kraushar A. Towarzystwo..., t. 6, s. 3.
- ⁵³ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 6, s. 391.
- ⁵⁴ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 6, s. 100.
- ⁵⁵ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 7, s. 115.
- ⁵⁶ Pazdur J. Zakłady metalowe w Białogonie 1614—1914. Wroc'aw, 1957.
- ⁵⁷ Kraushar A. Towarzystwo..., t. 7, s. 151.
- ⁵⁸ Górski J. Warszawskie Towarzystwo..., s. 176.
- ⁵⁹ Pazdur J. Zakłady metalowe..., s. 92.
- ⁶⁰ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 17.
- ⁶¹ Smolka S. Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym. Kraków, 1907, t. I, s. 111.
- ⁶² О налогеобложении см.: Eisenbach A. Struktura spo'eczna Królestwa w świetle schematów fiskalnych.— In: Spo'eczeństwo Królestwa Polskiego. Warszawa, t. I, 1965, s. 26—62.
- ⁶³ Kołodziejczyk R., Gradowski R. Zarys dziejów kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1974, s. 70.
- ⁶⁴ Rożenowa E. Produkcja wódki i sprawa pijaństwa w Królestwie Polskim 1815—1863. Warszawa, 1961, s. 74.
- ⁶⁵ Kołodziejczyk R., Gradowski R. Zarys..., s. 69.
- ⁶⁶ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 91.
- ⁶⁷ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 72.
- ⁶⁸ Налог на соль, наиболее тяжелый для крестьян, с 5278 тыс. злотых в 1817 г. увеличился до 16 774 тыс. злотых в 1829 г. (Grabski W. Historia wsi w Polsce. Warszawa, 1929, s. 287).
- ⁶⁹ Smolka S. Polityka..., t. I, s. 114.
- ⁷⁰ Smolka S. Polityka..., t. II, s. 460.
- ⁷¹ Barzykowski S. Historia powstania listopadowego. Warszawa, t. 1, s. 113.
- ⁷² Ajzen M. Polityka gospodarcza Lubeckiego (1821—1830). Warszawa, 1932, s. 74.
- ⁷³ Ajzen M. Polityka..., s. 176.
- ⁷⁴ Jedlicki J. Nieudana próba kapitalistycznej industrializacji: Analiza państwowego gospodarstwa przemysłowego w Królestwie Polskim XIX wieku. Warszawa, 1964, s. 32.
- ⁷⁵ Jezierski A., Zawadzki S. M. Dwa wieki przemys'u w Polsce: Zarys dziejów. Warszawa, 1966, s. 71.
- ⁷⁶ Jedlicki J. Nieudana próba..., s. 36.
- ⁷⁷ Jedlicki J. Nieudana próba..., s. 36.
- ⁷⁸ Jedlicki J. Nieudana próba..., s. 52.
- ⁷⁹ Archiwum Czartoryskich, N 5270, IV, s. 27.
- ⁸⁰ Grodek A. Idea banku narodowego. Warszawa, 1936, s. 87.
- ⁸¹ Grodek A. Idea..., s. 55.
- ⁸² Grodek A. Idea..., s. 56.
- ⁸³ Grodek A. Idea..., s. 84.
- ⁸⁴ Grodek A. Idea..., s. 82.
- ⁸⁵ Grodek A. Idea..., s. 57.
- ⁸⁶ Grodek A. Idea..., s. 84.
- ⁸⁷ Rożenowa E. Produkcja..., s. 71.
- ⁸⁸ Czepulis R. Urzędnicy Towarzystwa Kredytowego Ziemskiego w Królestwie Polskim.— In: Spo'eczeństwo Królestwa Polskiego. Warszawa, 1966, t. II, s. 155—160.
- ⁸⁹ Костюшко И. И. Разложение феодальных отношений и развитие капитализма в сельском хозяйстве Царства Польского (30-е — начало 60-х годов XIX в.).— Уч. зап. Ин-та славяноведения, 1954, т. X, с. 177.
- ⁹⁰ Strzeszewski Cz. Kryzys rolniczy na ziemiach Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807—1830. Lublin, 1934, s. 177.
- ⁹¹ Grodek A. Idea..., s. 31.
- ⁹² Grodek A. Idea..., s. 60.
- ⁹³ Grodek A. Idea..., s. 44.
- ⁹⁴ Grodek A. Idea..., s. 60.
- ⁹⁵ Grodek A. Idea..., s. 45.
- ⁹⁶ Strzeszewski Cz. Kryzys..., s. 168.
- ⁹⁷ Rynkowska A. Działalność gospodarcza władz Królestwa Polskiego na terenie Łodzi przemysłowej w latach 1821—1831. Łódź, 1951, s. 198.
- ⁹⁸ Strzeszewski Cz. Kryzys..., s. 170.
- ⁹⁹ Rutkowski J. Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 1953, t. I, s. 144—145.
- ¹⁰⁰ Ihnatowicz I. Burżuazja warszawska. Warszawa, 1972, s. 55.
- ¹⁰¹ Rutkowski J. Historia..., s. 146.
- ¹⁰² Ihnatowicz I. Burżuazja..., s. 93.
- ¹⁰³ Ihnatowicz I. Burżuazja..., s. 93.
- ¹⁰⁴ Ihnatowicz I. Burżuazja..., s. 131.
- ¹⁰⁵ Jedlicki J. Nieudana próba..., s. 30.
- ¹⁰⁶ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 40.
- ¹⁰⁷ Kołodziejczyk R., Gradowski R. Zarys..., s. 155.
- ¹⁰⁸ Górewicz J., Orłowski B. Kanał augustowski: Jego dzieje i przyszłość. Warszawa, 1974, s. 14.
- ¹⁰⁹ Górewicz J., Orłowski B. Kanał..., s. 24.
- ¹¹⁰ Górewicz J., Orłowski B. Kanał..., s. 25—26.
- ¹¹¹ Lipoński W. «Brytaniczny Handel»...
- ¹¹² Górewicz J., Orłowski B. Kanał..., s. 37—38.
- ¹¹³ Pazdur J. Zak'ady metalowe..., s. 91.
- ¹¹⁴ Rutkowski J. Historia..., s. 59.
- ¹¹⁵ Rutkowski J. Historia..., s. 58.
- ¹¹⁶ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 175; Prasa polska 1661—1864. Warszawa, 1976.
- ¹¹⁷ Gąsiorowska N. Wolność druku w Królestwie Kongresowym. 1815—1830. Warszawa, 1916, s. 32.
- ¹¹⁸ Gąsiorowska N. Wolność..., s. 33.
- ¹¹⁹ Grabski W. Historia Towarzystwa Rolniczego (1858—1861). Warszawa, 1904, t. I, s. 197.

- ¹²⁰ Lipoński W. «Brytaniczny Handel»...
- ¹²¹ Lipoński W. «Brytaniczny Handel»...
- ¹²² Pazdur J. Zakłady metalowe..., s. 91.
- ¹²³ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 46.
- ¹²⁴ AGAD, z. KRSWiP, N 6253, s. 113.
- ¹²⁵ AGAD, z. KRSWiP, N 7024, s. 580.
- ¹²⁶ AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 203—204.
- ¹²⁷ AGAD, z. KRSWiP, N 7024, s. 288.
- ¹²⁸ AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 203.
- ¹²⁹ AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 159.
- ¹³⁰ AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 201.
- ¹³¹ AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 300.
- ¹³² AGAD, z. KRSWiP, N 7021, s. 119—120.
- ¹³³ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 50.
- ¹³⁴ AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 335.
- ¹³⁵ AGAD, z. KPSWiP, N 6253, s. 119.
- ¹³⁶ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 58.
- ¹³⁷ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 59.
- ¹³⁸ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 60.
- ¹³⁹ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 58.
- ¹⁴⁰ Rutkowski J. Historia..., s. 4.
- ¹⁴¹ Grochulska B. Warszawa jako środowisko demograficzne i gospodarcze (1770—1830).— In: Warszawa XIX wieku. 1795—1918. Warszawa, 1974, z. 3, s. 17—18.
- ¹⁴² Cegielski J. Polityka budowlano-mieszkaniowa w Warszawie w latach 1815—1864.— In: Warszawa XIX wieku. 1794—1918. Warszawa, 1971, z. 2, s. 9—10.
- ¹⁴³ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 56.
- ¹⁴⁴ Cegielski J. Polityka..., s. 12.
- ¹⁴⁵ Eisenbach A. Struktura..., s. 30, 53.
- ¹⁴⁶ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 56.

Экономическое развитие Королевства Польского

Первоначальное накопление

Стержнем социально-экономической жизни Королевства Польского в 1815—1830 гг. являлось развитие капиталистических производственных и общественных отношений в рамках феодальной формации. Несколько первых лет замедленного, неуверенного развития после 1815 г. сменяются динамичным периодом, который наложил свою печать на все области жизни общества.

Наибольшее значение для последующего развития страны имели бурное развитие горной и текстильной промышленности, формирование производственных форм капиталистического типа в промышленности, определявшаяся, хотя и очень медленная, эволюция помещичьего хозяйства в направлении товарного предпринимательского хозяйства капиталистического типа, увеличение емкости внутреннего рынка, государственное стимулирование процессов экономического роста, начавшийся процесс формирования социальной структуры, типичной для ранних стадий развития буржуазного общества.

Все это проблемы переходного от феодализма к капитализму периода, в котором преобладали отношения и структуры старого феодального общества, но структуры уже позднего феодализма, которые постепенно модифицировались. Одновременно определялись национально-специфические пути и формы капиталистического развития.

Экономический рост, появление новых форм производства (фабрика), производственных отношений (наемный труд), новых социальных групп (наемные рабочие, буржуазия) так же характерны для этого периода, как и трансформация старых производственных отношений и классов в отношения капиталистического типа.

Процесс первоначального накопления, образующий предысторию капитала и капиталистического способа производства, в Королевстве Польском обладал чертами, характерными для этого процесса в странах с так называемым вторичным закрепощением крестьянства.

Специфические черты первоначального накопления в Королевстве Польском заключались в большей, чем в других европейских странах, роли помещиков в накоплении, в значительной роли государства, способствовавшего накоплению капиталов у крупных землевладельцев и у различных групп нарождающейся буржуазии, в практическом отсутствии внешних источников. В рассматриваемый период решающее значение имело накопление помещиками и государством, меньшее — торговцами и ростовщиками.

Накопление капитала в сельском хозяйстве означало главным образом накопление помещиков, но таких помещиков, чьи хозяйства начали постепенно эволюционировать по капиталистическому пути. После реформы 1807 г. земля осталась в руках помещиков. Доминирующая позиция помещичьего класса в экономической и политической жизни обусловила особую роль фольварка в процессе первоначального накопления. Помещичий фольварк все более становился центром крупнотоварного производства, рассчитанного на рынок, и в этой эволюции были заложены возможности его превращения в полукapиталистическое, полуфеодалное предпринимательское хозяйство, которое к тому же применяло наемный труд, опутанный феодальными путями. Наиболее деятельная часть помещиков оказывалась втянутой в длительный процесс превращения в особый слой буржуазии — землевладельческую буржуазию.

В принципе накопление капитала в Королевстве Польском не отличалось от аналогичного процесса в других странах. К. Маркс писал: «Экспроприация земли у сельскохозяйственного производителя, крестьянина, составляет основу всего процесса. Ее история в различных странах имеет различную окраску, проходит различные фазы в различном порядке и в различные исторические эпохи»¹. Главным источником накопления капитала в деревне была концентрация земель помещиками на основе права капиталистической земельной собственности. Осуществлялась она двумя путями: посредством сгона

крестьян с земель и распродажи национальных имений. Распродажа национальных имений, а их к началу 1830 г. было продано около 150, приводила к созданию новых помещичьих хозяйств.

Отдельные случаи сгона крестьян с земли имели место еще в конце XVIII в., но начало массового процесса относится к первой трети XIX в., в основном к началу 20-х годов. Процессы сгона крестьян с земли описаны в разделе, посвященном развитию сельского хозяйства. Наиболее распространенной формой этого процесса было одностороннее прекращение крестьянского держания и включение крестьянских участков в состав помещичьего хозяйства. К обезземеливанию крестьян приводили также переделы-регуляции, в ходе которых помещик заново формировал помещичье хозяйство (запанку), отбирая для фольварка лучшие земли, оставляя крестьянам худшие, а нередко и меняя соотношение между помещичьим и крестьянским хозяйством внутри имения. Поэтому регуляции также нужно рассматривать как источник первоначального накопления.

Правительство способствовало этому во всех его аспектах: и в округлении имений, и в увеличении их числа, и в улучшении их финансово-экономического положения, и в повышении их доходности, т. е. росту внутренних накоплений в имениях, необходимых для капиталистической эволюции помещичьих хозяйств.

Обезземеливание крестьянства проводилось в интересах крупных землевладельцев, которые социально-психологически предпочитали эксплуатировать не свободный наемный труд обезземеленных крестьян, а труд зависимых. Поэтому процесс первоначального накопления в деревне сопровождался развитием различных форм притягивания крестьян к фольварку, сохранением массы обезземеленного крестьянства в орбите фольварочного хозяйства. Поэтому эта армия обезземеленного крестьянства несла на себе отпечаток социальных отношений как уходящего, так и наступающего способа производства. Основой существования этой категории крестьян был наемный, т. е. формально свободный труд по договору. Но сами они были привязаны к земле системой полуфеодалных отношений (халупники, коморники и проч.).

В Королевстве Польском в результате первоначального накопления возник обширный слой людей, положе-

ние которых определялось сразу и капиталистической свободой, и добровольностью найма, и полуфеодальными формами прикрепленности к земле, и заработной платой. Этот слой сохранялся в течение десятилетий.

При такой специфике первоначального накопления обезземеленное крестьянство удерживалось землевладельцами в деревне и только в ограниченной мере выполняло функции резервной армии труда для города. Не получая денежных доходов за свой труд, они не могли способствовать и развитию внутреннего рынка как потребители товаров.

И еще в одном проявлялись последствия этих специфических форм первоначального накопления. Укрепление фольварка означало и усиление политических позиций землевладельцев. Фольварк становился оплотом консерватизма в политической жизни.

Сила экономических и политических позиций польского помещичьего класса в XVIII в. являлась одной из причин слабости польского города. В развитии капиталистических отношений на польских землях в XVIII в. особую роль играл внешний рынок, главным образом рынок зерна. Поэтому развитие торговли, а следовательно, торгового и ростовщического капитала, опять-таки было связано с интересами фольварка. Торговый капитал занимал подчиненное положение по отношению к аграрному. В первой трети XIX в. первоначальное накопление в промышленности отставало от накопления торгового капитала, а последнее уступало место накоплению помещиков.

Источники и факторы накопления капитала в городе, также внутреннего порядка, находились в непосредственной связи с финансово-экономической политикой правительства Королевства Польского. Аккумуляция капиталов в Королевстве Польском в 20-х годах XIX в. происходила в условиях государственного стимулирования и финансирования развития отечественной промышленности и торговли. Налоговая и таможенная политика польского правительства активизировали процесс накопления капитала в промышленности и в сельском хозяйстве.

Несколько слов об особой роли государства в процессе первоначального накопления капитала. Роль государства сводилась прежде всего к концентрации средств в руках государственного аппарата с помощью налоговой и таможенной систем, к перераспределению средств, полученных

в форме государственных доходов в пользу основателей новых мануфактур и фабрик, главным образом в шерстяной промышленности, к созданию таким образом новых, внутренних рынков сбыта для крупных землевладельцев взамен утерянных внешних рынков зерна.

Государство укрепляло позиции зарождающейся национальной промышленности и обуржуазивающихся помещиков, проводя политику протекционизма. «Система протекционизма,— писал К. Маркс,— была искусственным средством фабриковать фабрикантов, экспроприировать независимых работников, капитализировать национальные средства производства и жизненные средства, насильственно ускорять переход от старого способа производства к современному»².

Ускорению процесса первоначального накопления содействовало также законодательство, освобождающее ремесленное производство от цехового принуждения. Реализация этого законодательства ускоряла процесс формирования рабочего класса, с одной стороны, и накопления капитала в промышленности, с другой.

Одним из основных источников было накопление купеческого и ростовщического капитала и превращение его в промышленный капитал, причем в первые годы существования Королевства Польского на развитии процесса первоначального накопления сказалась слабость городов и отечественного купеческого капитала. Крупные купцы сосредоточились в основном в Варшаве, в других городах преобладали мелкие купцы, ростовщики и перекупщики. Финансовые возможности банкиров, проживавших в Королевстве Польском, были невелики. В первые годы государство не могло получить от них заем для уплаты государственного долга.

Вначале источником обогащения купцов служили варшавские международные ярмарки. Однако они, во-первых, не могли компенсировать потерь, связанных с утратой прежних оживленных контактов на лейпцигских ярмарках. Во-вторых, они были выгодны только варшавским и иностранным купцам и проводились в ущерб провинциальным. Купеческий и ростовщический капитал в Королевстве Польском получил поддержку от государства после перехода правительства к протекционистской системе. Начавшийся в 20-х годах бурный рост шерстяной и хлопчатобумажной промышленности означал накопление

промышленного капитала и способствовал расширению и накоплению торгового капитала. И, что особенно важно, накопление торгового капитала в это время сопровождалось процессом постепенного превращения торгового польского капитала в промышленный. Значительные суммы вкладывали в промышленность переселявшиеся в Королевство Польское иностранные купцы и промышленники.

Так, трое поселившихся в Згеже в 1821 г. иммигрантов — Ниртель, Сенгер и Текль — обладали капиталом по 100 тыс. злотых. Я. К. Грен в 1828 г. вложил в суконное предприятие капитал в 550 тыс. злотых. Капитал Копиша, приехавшего в Лодзь, равнялся 30 тыс. талеров³. Капитал иностранных купцов, банкиров и предпринимателей-иммигрантов в Королевство Польское, вложенный в промышленные предприятия, служил делу развития польской экономики; он оставался и приумножался в стране и обеспечивал дальнейшее развитие польской промышленности и торговли.

Финансовые возможности польских банкиров за десятилетие сильно возросли. Если в начале 20-х годов польское правительство не могло получить у них заем в 2 млн. злотых, то в 1829 г. Польский банк смог заключить соглашение с самой богатой в стране банковской фирмой Френкеля о займе в сумме 42 млн. злотых⁴. Френкель одновременно был и промышленником, ему принадлежала крупная тонкосуконная мануфактура в Варшаве. Еще в 1821 г. Любецкий предлагал представить Френкеля к ордену св. Станислава III степени, а его сына — к ордену св. Станислава IV степени, чтобы вдохновить их на дальнейшие дела «на благо страны».

Налоговая система концентрировала значительные финансовые средства в руках государства. Как было показано выше, эти средства стали важнейшим источником финансирования вновь создаваемой промышленности. Податная система государства являлась важным фактором перераспределения доходов и средств в 20-е годы. Значительную долю налогов государственная администрация собирала непосредственно, а часть передавала на откуп.

Откупная система являлась, во-первых, источником субсидирования промышленного капитала и, во-вторых, источником роста торгового и ростовщического капитала, поскольку ростовщики получали значительные доходы от откупов. Откуп государственной монополии на предметы

первой необходимости, а также права на сбор ряда пошлин и податей позволяли отдельным купцам и предпринимателям сосредоточивать в своих руках существенные суммы⁵. На откуп отдавались: сбор налогов, прокладка мощеных дорог, мостов, каналов, мощение улиц, строительство общественных зданий.

Важнейшее значение в процессе накопления в 1815—1830 гг. имели поставки для армии, право на которые получали зажиточные круги варшавского купечества и финансисты. Военное министерство покупало сукно и полотно, продукты питания, фураж и лес. В 1815 г. был организован специальный комиссариат по обеспечению армии всем необходимым. Его агенты располагались в крупных центрах текстильного производства.

Среди 156 поставщиков армии на территории Варшавы периода Княжества Варшавского и конституционного Королевства преобладающее большинство составляли представители торгового и ростовщического (вексельного) капитала; только спорадически поставщиками выступали наиболее зажиточные представители ремесленного производства, в основном из Варшавы⁶. Варшавские порные мастера В. Кухажевский, В. Перуновский, Л. Гонсеровский и другие принимали заказы на кожаные изделия и сами давали заказы отдельным ремесленникам. Они же организовывали транспорт для перевозки военного инвентаря. Поставщиками на армию были и такие наиболее зажиточные среди ремесленников, как варшавские мельники и владельцы пекарен⁷. Самым крупным военным поставщиком была фирма Неймарков. За поставки сукна и полотна в 1816 г. она получила 232 тыс. злотых⁸, в 1820 г. — 354 тыс. злотых⁹. Свои капиталы представители этой фирмы вкладывали в промышленные предприятия и в землю.

Таким образом, поставки для государственных учреждений, особенно для армии, различного вида товаров служили источником обогащения и накопления частного капитала, расширяли возможности для капиталовложений в промышленность.

Для первоначального накопления в Королевстве Польском особое значение имела политика протекционизма. Она обеспечивала лучшие условия для сбыта товаров отечественного производства на внутреннем рынке, поддерживала устойчивый уровень цен. Политика протекцио-

низма обеспечивала постоянные доходы непосредственно промышленному капиталу. Сколь велики были прибыли, полученные польскими купцами и промышленниками от снижения таможенного тарифа на товары, вывозимые в Россию, свидетельствует такой факт: в 1828—1830 гг. за провоз сукна в Россию они по льготному тарифу заплатили пошлину в размере 1 млн. 400 тыс. руб. В случае применения обычного, не льготного, действовавшего в тот период внешнеторгового тарифа они должны были бы заплатить 74 млн. 541 тыс. руб.¹⁰ Льгота составила 73,5 млн. руб.

Стабилизация платежного баланса обеспечила концентрацию в казне значительных денежных средств, часть которых шла на государственное субсидирование промышленности. Государственное финансирование отечественной промышленности являлось важнейшим источником накопления капиталов в промышленности. Капиталисты, получавшие финансовую помощь на основе нового предприятия, могли рассчитывать на нее только при условии создания крупного современного предприятия, оборудованного с учетом новейших технических достижений. Организация труда на таких предприятиях была выше, чем на старых или мелких, и доходы капиталиста от этих предприятий были выше, и раньше появлялась возможность для самофинансирования промышленности.

Развитие промышленности, находящееся в непосредственной связи с ростом первоначального накопления, в свою очередь создавало новые источники накопления. Одной из форм накопления торгового капитала стала организация снабжения производства сырьем и сбыта готовых товаров на сравнительно далеких рынках. Такие посредники обслуживали и мелкое ремесленное производство, и крупные мануфактуры. Для шерстяной промышленности капиталист-купец организовывал доставку сырья, скупал полуфабрикаты, а готовые изделия отправлял на рынок.

Еще легче было купцу-предпринимателю подчинить себе мелких производителей в хлопчатобумажном производстве. Он снабжал их импортным сырьем, которое было недоступно отдельным ремесленникам, и продавал готовые изделия. Позиции владельцев складов сырья и оптовых торговцев текстильными товарами укреплялись по мере роста специализации и расширения рынков сбы-

та. Особенно велики были доходы, достигавшие 100%, у владельцев складов хлопчатобумажной пряжи.

Благоприятные условия для накопления были созданы значительной и влиятельной категории ремисовых купцов, обладавших правом на проведение внешнеторговых операций и освобожденных от выкупа торгового патента. Ремисовые купцы выступали в качестве посредников для других купцов, не имевших права заказывать и получать товары на свое имя. За такое посредничество ремисовый купец взимал комиссионные в размере от 0,5 до 1% от стоимости товара.

Процесс первоначального накопления в Королевстве Польском, стимулируемый правительством, испытывал на себе воздействие тормозящих факторов. Основная масса прибавочной стоимости создавалась в сельском хозяйстве и присваивалась помещиками. Накопления помещиков от эксплуатации крестьян являлись важнейшей формой накопления в этот период. Но поскольку на расширение сельского хозяйства или промышленного производства в деревне и на производительное потребление использовалась только незначительная часть доходов шляхты, первоначальное накопление в деревне ограничивалось главным образом концентрацией земли и в значительно меньшей степени было представлено концентрацией производительного капитала (скота, техники) и т. п.

На характере процессов первоначального накопления сказывалась слабость городов и отечественного купеческого капитала. Главным источником формирования промышленного капитала были купеческий капитал и государственные дотации. Такой источник, как самофинансирование промышленности, играл еще весьма незначительную роль. Особенности процесса первоначального накопления наложили свой отпечаток на структуру польского капитала. На первом месте стоял земельный капитал (земля и недвижимость), затем торговый и ростовщический, и, наконец, промышленный. Банковский капитал как источник кредита для расширения промышленного, земельного и торгового, появляется в самом конце 20-х годов.

Первоначальное накопление — это и социальный процесс, но его воздействие на формирование новой социальной структуры было слабее, чем в развитых странах. Правда, в деревне образовался довольно многочисленный

слоем безземельных крестьян, близких по своему социально-экономическому статусу к капиталистическому классу наемных рабочих. Но «избыточное» сельскохозяйственное население, согнанное с земли, мигрировавшее в города, не сформировало там достаточно внушительного слоя наемных промышленных рабочих из-за общей слабости и города, и промышленности. Оно составляло массу городских низов, которые только в будущем стали основным источником формирования промышленного пролетариата. Процесс первоначального накопления, несомненно, способствовал превращению помещика в обуржуазивающегося помещика, а кулака — в промышленного предпринимателя, т. е. ускорял процесс формирования различных групп польской буржуазии.

Первоначальное накопление происходило за счет эксплуатации трудящихся торговым, ростовщическим и промышленным капиталом, за счет массового обезземеливания крестьян, усиления налоговой эксплуатации со стороны государства. Особенно благоприятные условия были созданы для накопления капитала помещиками. Это определило относительно большую роль феодала в формирующемся новом господствующем классе¹¹.

Развитие промышленности

1815—1830 гг. в истории промышленности Королевства Польского ознаменовались качественными переменами в организации производства, а также значительным количественным ростом производства и улучшением качества продукции.

Текстильная промышленность. Текстильная промышленность имела не только экономическое, но и социальное значение. Ее развитие было выгодно как владельцам многочисленных предприятий, так и крупным землевладельцам. Текстильная промышленность — это внутренний рынок, в какой-то степени компенсировавший польским помещикам потерю внешних зерновых рынков. Поэтому в развитии текстильной промышленности в наибольшей мере были заинтересованы владельцы крупных фольварков и в особенности те, которые интенсифицировали свои хозяйства путем развития животноводства.

Поддержка развития текстильной промышленности, проводимая польскими властями, была поддержкой такого

экономического развития страны, которое было в классовых интересах крупных землевладельцев, владельцев мануфактур и фабрик, а также банкиров, для которых текстильная промышленность стала важной сферой приложения капитала. Таким образом, в текстильной промышленности, как в фокусе, сходились интересы различных классов и социальных групп польского общества. Правительство содействовало, таким образом, развитию капитализма в Польше.

В рассматриваемый период во всех отраслях текстильной промышленности наблюдался переход от мелкотоварного производства — через рассеянную мануфактуру — к централизованной мануфактуре и первым фабрикам. Все эти виды производства сосуществовали. Наряду с численно преобладающим кустарным производством появились крупные мануфактуры, оснащенные новейшим оборудованием и использующие только наемный труд. Характерной особенностью процесса развития текстильной промышленности была активная планомерная поддержка, оказываемая государством, которая в значительной степени предопределила достигнутый успех. Помощь государства воздействовала как на увеличение продукции, расширение ассортимента и улучшение качества, так и на распространение передовых форм организации производства. Оказывая финансовую помощь предпринимателям, правительство оговаривало размеры и техническую оснащенность предприятия, всегда отдавая предпочтение крупным мануфактурам и фабрикам¹².

Курс на государственное стимулирование развития промышленности, принятый Любецким, включал в себя целый комплекс мероприятий, и прежде всего освобождение промышленного производства от остатков феодальных цеховых регламентаций, государственное финансирование и помощь с организацией сбыта.

Вопросами промышленности занимались: председатель Правительственной комиссии внутренних дел и полиции Т. Мостовский, руководитель Отдела промышленности и ремесел С. Сташиц и его преемник на этом посту, бывший председатель Калишской воеводской комиссии Радошевский, председатель Правительственной комиссии финансов и казначейства Ф. К. Друцкий-Любецкий, председатель Мазовецкой воеводской комиссии Р. Рембелинский, председатель Калишской воеводской комиссии

Пивницкий. Кроме того, непосредственно промышленными вопросами ведали: комиссар фабричной секции Правительственной комиссии внутренних дел А. Лелевский и председатель фабричной секции Мазовецкой воеводской комиссии Б. Тыкля.

В конце 1821 г. Отдел промышленности и ремесел Правительственной комиссии внутренних дел издал постановление, чтобы никому из лиц, не входящих в цехи, не запрещалось заниматься своим ремеслом. Правительственные меры по борьбе с остатками цеховой системы, т. е. меры, прокладывавшие путь капиталистическому развитию промышленности, встречали отпор ремесленников, заинтересованных в сохранении старых порядков. За сохранение цеховых объединений были бедные мастера и осадники, жившие в городах и занимавшиеся ремеслами. Под влиянием этих тенденций городские объединения ткачей активно боролись против сельских ткачей, стараясь не допускать их на городские ярмарки и торги, а также вообще против свободных ремесленников, выступали против разрешения мануфактуристам не подчиняться общим правилам.

Притеснение сельских ткачей городскими цехами было столь серьезным, что в 1826 и 1827 гг. комиссары обводов напоминали цехам о том, что сельские мастера могут свободно продавать свои изделия в неярмарочные дни. Бывали случаи, когда цеховым челядникам (подмастерьям) запрещалось работать на мануфактуре. В 1822 г. такое постановление приняло многочисленное и влиятельное объединение ткачей в Озоркове. Правительственная комиссия внутренних дел осудила это решение¹³. Отношение местных властей к цеховым объединениям не было однозначным. Председатель Мазовецкой воеводской комиссии часто принимал сторону мелких производителей. Комиссия Калишского воеводства с самого начала придерживалась принципа протектирования крупным предпринимателям, богатым ремесленникам, имеющим несколько станков¹⁴.

Деятельность ремесленных объединений оживилась в связи с переменой правительственного курса в экономической политике и переходом к покровительственной системе. В течение 1823 г. по всем воеводствам проводился учет ремесленных цеховых организаций. Там, где раньше не было претворено в жизнь постановление наместника

о порядке организации ремесленников, соответствующие положения выполнялись. Так, например, из Подлясского воеводства сообщали, что там были оформлены 134 объединения ремесленников¹⁵.

Правительственная поддержка текстильной промышленности была многоплановой. Она выражалась в финансовой помощи крупным предпринимателям для постройки мануфактуры или фабрики, в планомерной поддержке различных отраслей текстильной промышленности путем основания государственных мануфактур и финансовой поддержки специалистов разных отраслей, в организации широкой акции по привлечению в Королевство Польское специалистов, в разработке плана создания нового текстильного района, в учете интересов отечественной текстильной промышленности при определении размера таможенных пошлин, в заботе об обеспечении внешних рынков сбыта, предоставлении государственных заказов и т. п.

Самым ранним мероприятием по развитию промышленности были меры по привлечению в Королевство Польское квалифицированных специалистов. 2 марта 1816 г. наместником было издано постановление о переселенцах, согласно которому каждый иностранный ремесленник или крестьянин, переселившийся в Королевство Польское, на шесть лет освобождался от всех налогов, воинской повинности и не платил таможенной пошлины за провоз имущества. Иммигранты в любой момент могли получить паспорт для возвращения на родину. В том же году Правительственной комиссией внутренних дел было выдано 30 тыс. злотых на прием иммигрантов и покупку правительством акций у владельцев вновь созданных предприятий¹⁶.

Законы для иммигрантов не касались русских подданных. Освобожденные от крепостной зависимости крестьяне, сезонные рабочие, беглецы, бродяги и дезертиры, прибывшие из Литвы, Белоруссии и Латвии, особенно многочисленные в 20-е годы, подлежали контролю и ограничениям, принятым в Королевстве Польском. По рескрипту Правительственной комиссии внутренних дел от 2 июня 1825 г. все прибывшие после 20 июня 1815 г. без специальных паспортов должны были вернуться в Россию¹⁷.

Для привлечения иностранных специалистов была развернута вербовочная кампания. Стали прибывать ремес-

ленники из Саксонии, Силезии, Чехии и Познани. В течение трех лет (1818—1820) правительство выделило около 1 млн. злотых на помощь ремесленникам для основания ремесленных мастерских¹⁸. От бессистемного финансирования постепенно перешли к плановому. Впервые эту мысль высказал председатель Мазовецкой воеводской комиссии Рембелинский. От имени воеводской комиссии он предложил планово насаждать суконное производство в определенных городах воеводства.

В сентябре 1820 г. это предложение было в принципе принято, издано постановление наместника о льготах для фабрикантов сукна в тех государственных городах, которые Комиссия внутренних дел сочтет подходящими для развития в них сукноделия¹⁹. Одновременно наместник издал распоряжение о причислении к разряду промышленных городов нескольких государственных городов и поселений, главным образом в Мазовецком и Калишском воеводствах²⁰. Кроме различных материальных льгот для иммигрантов (выделение площадок для желающих строиться, передача в вечное пользование специальных домов для иммигрантов, денежные субсидии и пр.), в постановлении наместника гарантировалась организация просвещения и религиозно-культурной жизни. Правительство и частные владельцы городов обязывались строить школы и церкви, поддерживать религиозные, певческие и стрелецкие общества.

Колонизация ремесленников приобрела широкий размах с 1823 г., особенно в Мазовецком и Калишском воеводствах. Воеводским комиссиям вменялось в обязанность предоставлять в распоряжение прибывающих специалистов казенные дома или приобретать их у частных лиц. О том, сколь серьезно правительство было заинтересовано в организованном проведении переселенческой кампании, свидетельствует тот факт, что в течение 1824 г. Мазовецкая и Калишская воеводские комиссии обязаны были ежеквартально отчитываться перед Правительственной комиссией внутренних дел о том, как обстоит дело с жильем для переселенцев²¹.

В 1823 г. в распоряжение Комиссии внутренних дел (для нужд текстильной промышленности) был передан так называемый фабрично-железный фонд на постройку домов для рабочих. Из него комиссия выделила «железный» строительный фонд для Мазовецкого и Калишского

воеводств по 60 тыс. злотых для поддержки переселенцев, занятых в текстильной промышленности. Эти суммы в последующем выделялись ежегодно, причем предоставлялись и другим воеводствам. Суммы, составлявшие фабричный фонд, постоянно возрастали. С 1823 по 1830 г. из бюджета ежегодно на стимулирование развития ремесел и промышленности отчислялось по 250 тыс. злотых плюс по 600 тыс. злотых, выделенных царем²².

Государственный промышленный фонд, предназначенный для финансирования текстильных предприятий, составил: в 1821 г.— 370 тыс. злотых; в 1822—1830 гг.— по 850 тыс. злотых. Из бюджета на 1831 г. на промышленное развитие планировалась субсидия в размере 700 тыс. злотых²³.

Вот как выглядело распределение промышленного фонда в 1827 г.²⁴:

Административные расходы фабричной секции при воеводских комиссиях	63 400 злотых	
Покупка серадзской фабрики	180 000	»
Помощь предпринимателям воеводства:		
Мазовецкого	100 000	»
Калишского	50 000	»
Плоцкого и Августовского	50 000	»
Сандомирского	15 000	»
Покупка машин в Англии	140 268	»
Помощь предприятиям, находившимся под непосредственным надзором Правительственной комиссии внутренних дел	11 956	»
Комиссии финансов на уплату таможенного сбора	236 813	»
Комиссии финансов на материалы для соляного склада в Ченстохове	2 562	»
	<i>Всего</i>	<i>849 999 злотых</i>

Подавляющая часть (850 тыс. злотых) действительно шла на производство, административные расходы составляли меньше 10%. Они включали в себя оплату чиновников и технического персонала, разрабатывавших проекты по развитию текстильной промышленности и контролировавших их осуществление, а также ведавших экспортом промышленных изделий. Административные расходы в 1824 г. составляли 33 533 злотых, в 1825 г.— 45 200, в 1826 г.— 56 700, в 1828 г.— 62 800 злотых²⁵. В целом

суммы, выделяемые в Королевстве Польском на развитие текстильной промышленности, составляли около 19% от общего фонда Правительственной комиссии внутренних дел²⁶.

Помимо воеводских комиссий, местные нужды ремесленников и предпринимателей учитывали торговые и ремесленные палаты, открытые в 1817 г. в Варшаве, Калише, Плоцке и Люблине. В их функции входило сообщать правительству о помехах развитию торговли, промышленности и ремесла, изыскивать средства для их устранения, давать советы по развитию отдельных отраслей промышленности. В качестве примера можно привести деятельность Мазовецкой палаты. Из протокола ее первого заседания видно, как палата регулировала соотношение между развитием различных отраслей текстильной промышленности в воеводстве, заботилась об устройстве крупных предприятий.

В частности, в рекоме́ндациях Мазовецкой палаты говорилось о том, что воеводство уже имеет достаточное число суконщиков и надо обратить внимание на привлечение специалистов по изготовлению других тканей, что необходимо заботиться об основании крупных предприятий. Уже в 1817 г. члены торгово-ремесленной палаты высказывались за полное запрещение ввоза заграничных шерстяных изделий и пряжи²⁷.

Большую роль в пропаганде технических достижений и в материальном поощрении предпринимателей и ремесленников за лучшее качество промышленных изделий играли художественно-промышленные выставки. Решение об их учреждении было опубликовано в указе от 3 мая 1818 г. Выставки устраивались каждые два года, начиная с 1821 г.

С 1821 г. началась планомерная колонизация городов Мазовецкого и Калишского воеводств. Создавался новый текстильный район с двумя главными центрами в Калише и Згеже с преимущественным развитием сукноделия. Первое соглашение было заключено с поселенцами Згежа, для которых воеводской комиссией было выделено 230 участков для мастерских и построено 20 домов для поселенцев. В 1815 г. в Згеже было несколько десятков деревянных домов с 558 жителями, а в 1828 г. — около 20 каменных домов, население Згежа составляли 6331 постоянный житель и 2740 временных (подмастерьев и

учеников)²⁸. Рембелинский намечал сделать центром суконной промышленности г. Ленчицу. С 1815 по 1828 г. население Ленчицкого обвода увеличилось в четыре раза²⁹. В это же время началось заселение Лодзи, ставшей впоследствии центром текстильного округа (Ленчица—Серадзь—Томашов).

Второй промышленный центр намечалось создать в Августовском и Плоцком воеводствах, в Ломже и Остроленке. Попытки привлечь ремесленников в Ломжу в 1823—1831 гг. не дали значительных результатов. В Остроленке даже построили 10 больших домов, но приехало лишь 12 ткачей. В Пултуске поселились 38 бедных ремесленников. Все же в этом районе намечалось некоторое промышленное оживление. В Ломжинском, Остроленском и Плоцком обводах, в местечках Стависки, Красносельце, Насельск, Плоньск, Серпц стихийно возникли промышленные пункты³⁰.

Трудно определить общую численность иммигрантов в Королевстве Польском в 1815—1830 гг. Немецкий экономист Шмоллер приводит данные о том, что прибыло около 250 тыс. человек³¹. Я. Рутковский приводит цифру 35 тыс., причем четверть прибывших — сельские колонисты³². У Ч. Стшешевского говорится о 300 тыс.³³ К. Любецкий в мае 1824 г. отмечал, что в стране работает 150 тыс. прибывших из немецких земель³⁴. Р. Колдзейчик данные Любецкого считает завышенными³⁵ — он пишет о 50 тыс. иммигрантов. С. Кеневич также указывает значительно меньшую цифру. Он пишет, что в течение 10 лет в Королевство Польское прибыло 20—30 тыс. иммигрантов вместе с семьями³⁶.

Также невыясненным остается вопрос о численном соотношении прибывших иммигрантов по национальности. Следует помнить, что наряду с чехами и немцами приезжали поляки из польских земель, отошедших к Пруссии и Австрии. Прибывшие ремесленники часто, как видно на примере Лодзи или Згежа, становились костяком населения некоторых текстильных пунктов, а иногда влиялись в среду местных ремесленников. Иммигранты, особенно квалифицированные специалисты, во многом способствовали ускорению темпов развития текстильной промышленности в Королевстве Польском и повышению качества ее продукции, но ни в коей мере нельзя утверждать, что иностранные рабочие, особенно немцы и чехи,

явились создателями современного ткачества в Польше, как это делает Жулташек³⁷. Точка зрения Жулташека опровергнута исследованиями современных историков.

Среди иммигрантов преобладали квалифицированные специалисты: сукноделы, прядильщики и особенно ткачи. В гораздо меньшем числе приезжали представители наиболее дефицитных профессий: красильщики, стригальщики и сукновалы. Одновременно со специалистами, мастерами и челядью прибывали и неквалифицированные výrobники, преимущественно с бывших польских земель³⁸. Из Саксонии и Чехии чаще приезжали квалифицированные текстильщики. Из стран Западной Европы спорадически прибывали высоко-квалифицированные механики (из Англии), красильщики (из Франции и Швейцарии) и стригальщики.

Наиболее многочисленную группу среди иммигрантов всех специальностей составляли мелкие производители — самостоятельные сукноделы и ткачи, иногда нанимавшие одного или нескольких работников. Приехало много подмастерьев, лишенных средств и орудий производства, предпринимателей, испытывавших у себя на родине финансовые затруднения, а также купцов, вкладывавших свой капитал в промышленность.

Прибывшие в массе составляли экономически слабый элемент, связанный с отсталыми формами производства³⁹. Калишская фабричная секция в апреле 1824 г. обратилась к властям с ходатайством о предоставлении денежной помощи иммигрантам-ткачам в Ченстохове. Сообщалось, что в Ченстохове поселились 15 ткачей льняных и хлопчатобумажных тканей, имеющих в общей сложности 45 станков, «но, — писал председатель секции, — эти фабриканты настолько бедны, что зависят от богатых евреев, которые обеспечивают им столь низкие заработки, что они едва могут выжить...»⁴⁰, и просил выделить для оказания им помощи 4 тыс. злотых.

В 1826 г. председатель Мазовецкой воеводской комиссии писал об иммигрантах-прядильщиках, что они относятся к категории наиболее бедных ремесленников: «...класс заграничных прядильщиков, находясь как обычно в состоянии полного убожества, по своем прибытии в здешнюю страну, и особенно до начала заработков, не в состоянии удовлетворить даже самых необходимых потребностей»⁴¹. После 1828 г. многие предприниматели не

могли получить ссуды из Польского банка, так как были совершенно некредитоспособны. Тем не менее переезд ремесленников поощрялся, ибо насаждение ремесленного производства по переработке шерсти было в интересах владельцев фольварков.

Польские власти организовали оптовую закупку оборудования для текстильных предприятий. В 1826 г. в Англию ездил Ф. Жирард с правительственным поручением изучить возможности закупки машин. В ноябре 1829 г. Польский банк заключил с купцом П. Штейнкеллером соглашение о доставке машин из Англии⁴². Одновременно велись переговоры с известным бельгийским промышленником Коккерилем о доставке оборудования с его производства. В 1828 г. из бюджета Королевства Польского было выделено 80 тыс. злотых на провоз машин из Англии⁴³. Воеводская администрация, главным образом в Калишском воеводстве, поощряла предпринимателей, закупающих иностранное оборудование. В 1821 г., когда в Бжеге умер механик В. Майер, организовавший в своей мастерской прядение шерсти на английских станках, Калишская воеводская комиссия взяла под контроль его мастерскую и проследила за тем, чтобы станки В. Майера попали в руки опытного специалиста⁴⁴.

Шерстяная промышленность, главным образом сукноделие, лидировала в развитии текстильной промышленности. Ее рост был обеспечен внутренними потребностями (местного населения и армии) в грубошерстном сукне и в расширении экспортных возможностей (восточные рынки — Россия и Китай). В развитии сукноделия были заинтересованы польские помещики, занимавшиеся животноводством, ибо шерстяная промышленность — это устойчивый внутренний рынок сбыта для крупных землевладельцев. Именно поэтому Любецкий оказывал ей преимущественную поддержку.

Рынком сбыта для шерстяного производства являлись государственные заказы для обмундирования армии, ежегодные потребности которой составляли 450 тыс. локтей сукна⁴⁵. В 1818 г. Правительственная комиссия военных дел закупила 146 460 локтей польского сукна⁴⁶. Председатель комиссии генерал М. Гауке обещал Административному совету, что и впредь будет поддерживать польское ремесло. Правительственные агенты покупали сукно непосредственно у производителей по твердым ценам.

За изготовлением заказанного сукна наблюдали специальные чиновники. В первое время армия приобретала отечественное сукно только низшего сорта, грубошерстное. В 1825 г. Правительственная комиссия военных дел объявила о своем намерении впредь снабжать армию отечественным сукном всех сортов, а в 1830 г. уже было заявлено о том, что польское сукно нареканий не вызывает⁴⁷.

В начале 1826 г. в Варшаве, Калише и Ленчице были организованы правительственные склады шерсти. Производители могли оставлять ее там до полной продажи и под залог получать у правительства определенные суммы. Правительственный фонд, предназначенный на эти цели, так называемый железный фонд ссуд на шерсть, с 1826 г. равнялся 300 тыс. злотых (по 100 тыс. злотых складам в Варшаве, Калише и Ленчице)⁴⁸. Эта мера оказалась не очень эффективной. Положение улучшилось после 1828 г., когда это дело перешло к Польскому банку.

Польское сукно беспопытно вывозилось в русские губернии и в Китай. Таможенный тариф 1822 г. обеспечил большие возможности прежде всего крупным предпринимателям, которые обладали средствами для дальнего экспорта собственными силами и через купеческие конторы. Принятие нового таможенного тарифа ускорило наплыв ткачей из-за границы и способствовало тому, что в пределы Королевства Польского перебрались несколько крупных предпринимателей. В апреле 1824 г. царь распорядился гарантировать крупным предпринимателям на 20-летний срок возможность свободного экспорта в Россию.

Распоряжение было передано наместнику статс-секретарем со следующей мотивировкой: царь «... желая более всего облегчить распространение фабрик шерстяных изделий в своем Королевстве Польском, уполномачивает своего наместника, чтобы обеспечил фабрикантам, предпринимающим большие сего роду фабрики, вознаграждение с казны на случай, если бы в продолжение лет двадцати запрещение ввозу сукон заграничных в Королевство подвергалось каким переменам.

Вследствие сего наместник будет выдавать распоряжения Правительствующей комиссии внутренних дел и полиции, дабы снабжала подобными сему обеспечениями тех фабрикантов, которых он узнает достойными, наблю-

дая в рассуждении вознаграждения, способу, министру финансов представленного.

Его императорско-королевское величество не сомневается, что сие новоизобретенное средство при свободном ввозе в Россию польских шерстяных изделий на существующем теперь основании будет способствовать успешному возвышению и распространению сей отрасли промысла, к коему Королевство по положению своему более всего есть свойственно»⁴⁹.

Благодаря правительственной поддержке суконное производство развивалось быстрыми темпами. За период 1815—1830 гг. выпуск суконных изделий увеличился в 12 раз⁵⁰. В рассматриваемый период преобладающими оставались мелкие суконные предприятия, но их продукция играла решающую роль в обеспечении внутреннего рынка и составляла значительную долю экспорта сукна. Одновременно с мелкими возникают крупные мануфактуры и первые фабрики. Первая мануфактура была заложена Б. Реппаном в Калише в 1816 г. На ней прядильные машины приводились в движение механической силой. В 1828 г. на мануфактуре Реппана (которую можно уже считать фабрикой) работало 800 постоянных рабочих и около 300 временных⁵¹.

Основывая мануфактуру, Реппан вложил свой капитал и получил большую дотацию от государства, причем помощь государства (в том числе строительный фонд в 245 тыс. злотых)⁵² не была единовременной; после 1828 г. Реппан пользовался услугами Польского банка. При значительной финансовой поддержке государства возникли и другие крупные шерстяные мануфактуры и фабрики: в Калише — мануфактура В. Мая, на которой было занято 120 рабочих; Поля и К^о — 290 рабочих; В. Пшехадзского — 70 рабочих. В 1822—1823 гг. вступила в строй в Серадзе шерстяная фабрика Харрера, которому также была выдана денежная субсидия.

Фабрика была оснащена английским оборудованием, на ней выполнялся весь производственный цикл по изготовлению тонкого сукна, от пряжи до отделки. Вначале на ней использовались конный и водный приводы, а в 1830 г. была установлена паровая машина. В 1825 г. у Харрера в две смены работало около тысячи рабочих⁵³. Кроме того, использовался и надомный труд. В 1826 г. фабрика перешла к другому владельцу. К числу фабрик

по производству шерстяных изделий в Калишском воеводстве относится фабрика Фидлера в Опатувке — одна из первых, где начали применять механический привод. В 1830 г. на ней были установлены две паровые машины и работало 450 рабочих.

Все перечисленные наиболее крупные мануфактуры и первые фабрики сосредоточились в Калишском воеводстве, но по объему производства шерстяных изделий оно стояло на втором месте. Центром шерстяной промышленности по объему выпускаемой продукции стало Мазовецкое воеводство, в котором преобладающим было мелкое товарное производство. Одним из крупных текстильных пунктов была Варшава. Первой суконной мануфактурой в Варшаве была заложенная правительством в 1817 г. «ковровая фабрика» на Сольце. В 1828 г. она насчитывала 320 рабочих⁵⁴. Мануфактура Френкеля в Варшаве по изготовлению сукна высокого качества, на которой было занято 600 рабочих, в 1830 г. приобрела паровую машину⁵⁵. Среди других промышленных пунктов Мазовецкого воеводства выделялся Згеж, поставлявший 1/3 часть экспорта сукна, вывозимого за пределы воеводства⁵⁶. В Згеже находились большая шерстяная мануфактура В. Захерта (поменьше — Мейснера) и хорошая красильня. Вторым по значимости пунктом сосредоточения суконной промышленности был Озоркув. Лодзь только еще начинала формироваться как промышленный поселок.

В 1815—1830 гг. в связи с появлением первых суконных мануфактур и фабрик началась механизация отдельных процессов суконного производства. В первые годы административные власти особое внимание обращали на прядение, стремясь улучшить техническое оснащение предприятий текстильной промышленности современным оборудованием, главным образом английского образца. В традиционной мелкой суконной промышленности расчесывание шерсти было делом женщин и неквалифицированной молодежи. Ручное прядение и расчесывание определяли низкое качество сырья. Прялки приводились в движение с помощью колеса или кривошипа вручную.

Первые прядильные машины, приводимые в движение механической силой, были применены Реппаном в 1816 г. В 1823 г. в Королевстве Польском было уже много механизированных прядильных станков. По отчету Калиш-

ской воеводской комиссии от 15 января 1824 г., в Калише, Белхатове и в д. Почесна было 17 станков для очистки шерсти, 29 — для чесания, 76 — для прядения и 32 — для мотания, приводимых в движение водными или конными двигателями⁵⁷. Все процессы по выделке пряжи были объединены. В целом в основных центрах суконного производства, в Калишском и Мазовецком воеводствах в 1819—1830 гг. на 11-ти крупнейших суконных фабриках был большой ассортимент прядильных машин с моторами (паровым, гидравлическим, водным)⁵⁸. Оборудование суконных предприятий постепенно совершенствовалось одновременно с расширением производства, показателем чего может служить увеличение количества веретен в эти годы⁵⁹.

Территория	1826 г.		1828 г.		1829 г.	
	количество веретен	%	количество веретен	%	количество веретен	%
Королевство Польское в целом	149 152	100	147 804	100	153 855	100
Мазовецкое воеводство	82 643	55	85 693	58	95 072	62
Калишское воеводство	39 641	22	33 202	22	36 030	23

Доля ассортиментных веретен для производства более тонких типов пряжи в Мазовецком воеводстве в 1828 г. составляла 1/4 часть всех имеющихся веретен, а ассортиментных машин — 1/5⁶⁰. В Мазовецком воеводстве по степени оснащённости суконных предприятий на первом месте стоял Згеж, затем Томашов и Татар под Равой. Лодзь еще отставала от основных промышленных пунктов Мазовецкого воеводства, хотя в 1829 г. там уже было много станков и веретен.

Шерстопрядильни по мере улучшения технического оборудования вырабатывали пряжу лучшего качества. В связи с этим правительство постепенно ограничивало лицензии на привилегированный импорт заграничной пряжи, к 1828 г. он был сведен к минимуму.

Различные процессы аппретуры были механизированы слабо и неравномерно. Красильное производство, например, не претерпело изменений технологического процесса вплоть до второй половины XIX в. Качество окраски определялось квалификацией мастера⁶¹. Самым отсталым процессом по уровню механизации было ткачество. Употреблялся деревянный, слегка улучшенный станок, на котором работу выполняли вручную. На европейском континенте механический станок, изобретенный в 1822 г., получил распространение позднее. Преобладание в ткачестве ручного труда обусловило рост кадров квалифицированных ткачей-суконщиков и челядников.

Лучшая техническая оснащенность мануфактур, организованное на них разделение труда, появление первых фабрик, привлечение квалифицированных специалистов — все это сказывалось на увеличении роста производительности труда, объема и ассортимента продукции, улучшении ее качества. На фабрике Реппана, например, производство сукна с 1819 по 1827 г. увеличилось в пять раз⁶². Если в 1823 г. в Калишском воеводстве три фабрики — Реппана, Пшехадзского и Харрера производили 27% общей суконной продукции воеводства⁶³, то к 1830 г. доля их продукции возросла до 80%⁶⁴. Сукно, вырабатываемое на мануфактурах и фабриках, отличалось лучшим качеством.

В Мазовецком воеводстве, где в 1828 г. вырабатывалось 52% сукна, преобладающим осталось мелкое производство с рутинной техникой.

Льняная промышленность. Изготовлением льняных тканей издавна занимались деревенские ремесленники. Особенно были распространены льняные промыслы в Люблинском, Августовском, Мазовецком и Калишском воеводствах. Правительство Королевства Польского стремилось наладить отечественное производство тонкого полотна высшего качества, чтобы ограничить импорт и обеспечить использование местного сырья. С этой целью оно поддерживало устройство крупных предприятий, использующих новую технику, стремилось привлечь иностранных предпринимателей. Об этом в 1826 г. было заявлено директором Отдела промышленности и ремесел Радошевским. Иностранец предприниматель Шольц с одобрения властей в компании с Любенским и Любовицким заложил первую механическую льнопрядильню в

Маримонте. Пресса, особенно «Изыс Польска», поддерживала усилия властей, активно высказываясь за развитие новых форм этой традиционной отрасли польской промышленности.

Административные власти предполагали превратить Лодзь в новый центр льняного производства. Иммигрантам в Лодзи, занимающимся прядением льна, выдавали больше земли, чем суконщикам. Но в этих местах льняная промышленность не опиралась на традиционные промыслы, и попытка внедрить их не имела успеха. Не удалось организовать пряжу тонкой льняной нити (была основана одна льнопрядильня Рундцигером), а также механическое прядение льна⁶⁵. Правительство заключило договор с Т. Копишем из Силезии о том, что он организует в Лодзи (с 1828 г.) усовершенствованное предприятие, оснащенное новейшей техникой. Затея оказалась неудачной, производительность труда на льняном предприятии Копиша была крайне низкой.

Второй пункт по производству льняных тканей предполагалось организовать в Здуньской Воле. Туда направляли специалистов-иммигрантов из Силезии. Государством была оказана поддержка шляхтичу С. Злотницкому при организации льняной мануфактуры. Но его мануфактура была оборудована по старинке, пряжу поставляли барщинные крестьяне. Производительность труда на мануфактуре была низкой, полотно грубое. Льняная промышленность в Лодзи и Здуньской Воле постепенно была свернута, так как не выдержала конкуренции хлопчатобумажных изделий.

Административные власти Королевства Польского не смогли наладить снабжение армии полотном отечественного производства так, как снабжали сукном. Вначале дело было поставлено на широкую ногу. В 1824 г. в Люблинское, Калишское, Августовское и Мазовецкое воеводства, где льняные промыслы были наиболее развиты, разослали комиссаров для выяснения возможности оптовых закупок льняного полотна для нужд армии. Но когда закупили большую партию полотна, выяснилось, что только 1/10 часть приобретенного материала была польского происхождения. Под видом польского, более дорогого, продавалось иностранное полотно. Поэтому в 1825—1827 гг. польская армия снабжалась только заграничным материалом.

Необходимое количество заграничного полотна вместе с таможенными расходами ежегодно обходилось в 441 тыс. злотых, а на приобретение такого же количества польского полотна пришлось бы затратить 614 тыс. злотых⁶⁶. Несмотря на это, Комиссии внутренних дел удалось добиться в 1828 г. покупки на местах 1/4 части льняного полотна для армии. Но в 1829—1830 гг. ремесленники не смогли выполнить условия договора и продать требуемое количество полотна. Льняная промышленность, несмотря на усилия властей, постепенно сокращалась.

Хлопчатобумажная промышленность была самой молодой отраслью польской текстильной промышленности. Как и льняные, хлопчатобумажные ткани реализовывались только на внутреннем рынке. Вывоз хлопчатобумажных тканей в Россию был запрещен. Первая ситцевая фабрика была построена правительством в 1820 г. в Маримонте под Варшавой. С 1824 г. в Мазовецком воеводстве начали оформляться центры хлопчатобумажного ткачества в Лодзи, Здуньской Воле, Зелове, Старой Гуте, Гожове, Пшедече, Ленчице, Гостынине, Озоркове, Згеже, Константинове, Пабыяницах и Александрове. Хлопчатобумажная промышленность развивалась очень быстрыми темпами. За 1825—1830 гг. производство хлопчатобумажных тканей увеличилось с 0,8 млн. до 3,8 млн. локтей⁶⁷. (А ввозили в 1825 г. 3,4 млн. локтей хлопчатобумажных изделий)⁶⁸. Пряжу сначала только импортировали, потом были основаны две крупные хлопкопрядильни: Вендиша в Лодзи и Пасхалиса в Липкове.

Государство долго не могло оказывать помощи ткачам по обеспечению их пряжей из-за отсутствия средств на организацию государственного кредита. После основания Польского банка Правительственная комиссия финансов предоставляла ссуды на покупку сырья для хлопчатобумажной промышленности, но только тем, кто был в состоянии обеспечить своим имуществом сумму, в четыре раза превышающую размер ссуды⁶⁹. Власти Калишского воеводства пытались решить проблему, организовав в 1824 г. в Калише склад пряжи для бедных ткачей, но это предприятие было не слишком эффективным из-за отсутствия государственного кредита. Прибыли владельцев складов хлопчатобумажной пряжи в 1826 г. достигали 100%⁷⁰.

Из-за трудностей с приобретением импортной хлопчатобумажной пряжи ткачи часто работали по заказу владельца склада, и в хлопчатобумажной промышленности чаще возникала рассеянная мануфактура, чем в других отраслях текстильной промышленности.

В 1828 г. граф В. Островский начал с правительством переговоры о субсидии на оборудование в своем имении под Любартовом большой хлопкопрядильни с 37 тыс. веретен⁷¹. Проблема обеспечения пряжей быстро растущей хлопчатобумажной промышленности оставалась актуальной. В 1828 г. за границей было закуплено около 237 тыс. фунтов пряжи⁷². Ввозили преимущественно английскую пряжу, которую покупали при посредничестве прусских торговых домов. Хлопок привозили из Азии через Одессу или из Америки через Гданьск. Чтобы облегчить ввоз хлопчатобумажной пряжи, Административный совет в 1829 г. издал распоряжение, по которому пряжа при ввозе из-за границы не подлежала предписаниям казны об обороте заграничных товаров внутри страны, и ее использование никто не контролировал⁷³.

Развитию хлопчатобумажной промышленности, обусловленному ростом потребностей внутреннего рынка в дешевых тканях, не мешало отсутствие государственной поддержки. В начале 1826 г. на чрезвычайной сессии у наместника решался вопрос о перспективах развития различных отраслей текстильной промышленности. Было принято решение о преимущественном поощрении производства шелковых и полотняных изделий, а хлопчатобумажное производство пустить на самотек⁷⁴. Оно было продиктовано соображениями политического порядка, так как в России покровительственный тариф защищал именно эту отрасль. Тем не менее хлопчатобумажная промышленность продолжала развиваться, а правительство и впредь оказывало ей поддержку. Дешевые хлопчатобумажные изделия начали вытеснять не только льняные, но и шерстяные ткани. Во второй половине 20-х годов сокращается производство льняных тканей в Мазовецком воеводстве, из Калишского ткачи льняных полотен переселяются в другие воеводства либо переключаются на изготовление хлопчатобумажных тканей. В конце 20-х годов стало сокращаться производство сукна. Одной из причин этого сокращения был рост хлопчатобумажной промышленности.

Шелковая промышленность в Королевстве Польском в 1815—1830 гг. находилась в зачаточном состоянии. Инициатором основания отечественной фабрики по производству шелковых изделий был Волицкий. В конце 20-х годов он начал постройку фабрики шелковых изделий в Чешлине, близ Олькуша, закупив ткацкие станки и другое оборудование в Англии и наняв английский технический персонал. Волицкий получил ссуду от правительства с освобождением от выплаты процентов в течение первых шести лет. 2 февраля 1830 г. он заключил с комиссаром фабричной секции Лелевским нотариальное соглашение о том, что в начале октября введет в действие полный комплект предприятия по производству шелковых и полушелковых изделий⁷⁵.

Развитие текстильной промышленности достигло наибольших успехов в 1828—1829 гг. Производство шерстяных тканей, главным образом сукна — основы отечественного текстильного производства того периода — с 1820 г. выросло в 2,26 раза⁷⁶. Быстрыми темпами развивалась вновь созданная отрасль — хлопчатобумажная промышленность, частично удовлетворявшая потребности внутреннего рынка и постепенно вытеснявшая более дорогие льняные ткани.

Однако в канун восстания, к 1830 г., наступил период затишья, стало ощущаться снижение темпов развития шерстяной промышленности. Больше всего приближение стагнации почувствовала Лодзь — новый текстильный район, где особенно бурно развивалось хлопчатобумажное производство.

В 1829 г. число ткацких станков по выделке суконных тканей сократилось на 20%, а продукция сукна — на 13%⁷⁷.

Но сокращение производства шерстяных тканей не было повсеместным. В Калишском воеводстве, например, продолжала расширяться бурная предпринимательская деятельность. Однако наметившаяся тенденция увеличения спроса на хлопчатобумажные ткани и быстрые темпы роста их производства должна была усиливаться по мере развития капиталистических отношений. Определяющим фактором в регулировании соотношения между различными отраслями текстильной промышленности все в большей мере становится внутренний рынок, расширение емкости которого было непосредственно связано с

эволюцией социально-экономических отношений, с ростом элементов капитализма.

Создавая условия для обогащения той части землевладельцев, которая встала на путь товарного производства, содействуя их эволюции, польские власти, особенно Любецкий, заложили основы текстильной промышленности и тем самым положили начало развитию капиталистического фабричного производства в Королевстве Польском. Текстильная промышленность стала потребителем не только импортных машин и оборудования, но на ее потребности и спрос стало ориентироваться и внутреннее производство машин.

Развитие хлопчатобумажной промышленности имело особое значение с точки зрения развития капиталистических отношений на польских землях. Если развитие шерстяной промышленности опиралось или на государственный рынок (сукно для армии), или на внешние рынки и способствовало поэтому в наибольшей степени капиталистической эволюции фольварочного хозяйства, то хлопчатобумажное производство опиралось на внутренний рынок, на потребности широких масс и способствовало таким образом втягиванию в систему товарно-денежных отношений значительной части населения Королевства Польского. Разумеется, и та, и другая отрасль расширяли масштабы капиталистического мануфактурно-фабричного производства и сферу применения наемного труда.

*

Размещение промышленности. Текстильная промышленность была сконцентрирована в нескольких очагах. В 1815—1830 гг. были созданы ее основные центры — в *Мазовецком* и *Калишском* воеводствах. Правда, контуры и масштабы собственно промышленных центров менялись, но общие черты новых текстильных районов, возмещивших потерю Великой Польши и Познани, обрисовались именно в этот период. В канун восстания Варшава утратила характер центра текстильной промышленности, так как основную продукцию стали давать новые текстильные районы. В 1827 г. 55,8% сукна было выработано в Мазовецком воеводстве и 29% — в Калишском; в 1828 г. — соответственно 52% и 23%⁷⁸. В 1827 г. на

варшавских предприятиях изготавливалось 2,7% сукна, производимого в Королевстве Польском, и 14,4% тонкого сукна высшего качества⁷⁹. В 1829 г. 91% населения, занятого в текстильной промышленности в Мазовецком воеводстве, сосредоточился в Ленчицком и Равском обводах⁸⁰, т. е. во вновь созданных текстильных районах. Таким образом оформились крупные текстильные центры в Мазовецком и Калишском воеводствах, определилась специализация районов.

Сосредоточение старых и вновь созданных текстильных центров в двух воеводствах было закономерным явлением. Именно там после разделов сохранилась текстильная промышленность, ибо ранее земли Калишского и Мазовецкого воеводств составляли один хозяйственный организм с великопольскими и познанскими. В пограничные воеводства облегчена была иммиграция с запада. Эти два воеводства исторически были более развиты в экономическом отношении. Именно это обеспечило успех там правительственным мерам по развитию текстильной промышленности.

Но Мазовецкое и Калишское воеводства не обладали монополией на производство текстильной продукции. И в других частях Королевства Польского существовали кустарные текстильные промыслы и возникали новые текстильные предприятия. Распространение льняных промыслов было связано с некоторым улучшением возделывания льна и повышением его урожайности. По мере накопления капиталов и появления посредников льняные и шерстяные домашние промыслы приобретали форму рассеянной мануфактуры. В условиях преобладания феодального способа производства товарообмен между соседними воеводствами был ограничен и полунатуральным характером крестьянских хозяйств, и отсутствием необходимых средств связи, и природными условиями. Поэтому потребности узкого внутреннего рынка должны были удовлетворяться местным производством.

С другой стороны, зарождение капиталистических отношений, проявлявшееся в замене барщины чиншем и барщинного работника вольнонаемным рабочим, расширяло емкость внутреннего рынка. Потребность населения, живущего за счет платы по найму и оторванного от земли, создавала стимул для развития местной промышленности. Промышленное оживление было связано и с вве-

дением новой таможенной системы, что особенно заметно на примере восточных воеводств.

В Люблинском воеводстве, пограничном с Россией, текстильная промышленность развивалась сравнительно быстро. Резкое улучшение в суконной промышленности наблюдалось там в 1823 г. Ежегодная выработка сукна на суконных предприятиях воеводства в 1821 г. составляла 9562 постова (или 312 990 локтей)⁸¹, а в 1823 г. она достигла 13 868 поставов⁸² (около 420 тыс. локтей). Из них 1550 (около 47 тыс. локтей) были проданы в Россию⁸³. В годовом отчете воеводской комиссии за 1823 г. указывалось на непосредственную связь расширения суконного производства с запрещением импорта иностранного сукна и разрешением свободной продажи польского сукна в Россию. В последующие годы объем производства сукна в Люблинском воеводстве неуклонно увеличивался.

В 1825 г. прибыли переселенцы-ремесленники. Значительное число их осело в г. Конска Воля. Всего в этом городе изготовлением сукна занимались 47 мастеров⁸⁴. Крупные суконные предприятия в 10 городах воеводства в 1825 г. изготовили 489 тыс. локтей сукна, из которых 43 тыс. локтей пошло на экспорт в Россию⁸⁵. Наиболее крупные суконные предприятия возникли в Конской Воле и Янове. На мануфактуре А. Чарторыского в Конской Воле работал 61 мастер⁸⁶. В 1828 г. предприятия в Янове и Конской Воле отправили в Россию 105 тыс. локтей сукна⁸⁷. Близость русского рынка облегчала и мелким производителям сбыт своей продукции. Так, например, разобщенные ремесленники г. Пунова в 1826 г. экспортировали в Россию 78 тыс. локтей сукна⁸⁸.

Развивалось и традиционное для Люблинского воеводства льняное ткачество, функционировали и крупные полотняные предприятия. В 1826 г. на полотняном предприятии в Ополе работали 25 мастеров, 7 челядников и 4 ученика. На нем было выработано 70 тыс. локтей льняных изделий⁸⁹. В гмине Переспе Грубешовского обвода было начато производство столового белья и тонкого полотна.

В Подлясском воеводстве впервые потребности крестьян в грубошерстном сукне были удовлетворены местным производством в 1823 г. Кроме того, в Россию было продано около 4,7 тыс. локтей сукна среднего сорта⁹⁰.

На следующий год экспорт сукна в Россию увеличился вдвое⁹¹. Потребности населения в льняных тканях обеспечивало домашнее производство. В 1825 г. сукно из воеводства экспортировали в Россию и продавали в соседних воеводствах (во все возрастающих масштабах — 10 тыс. локтей)⁹². В 1826 г. из Подляского воеводства в Россию было продано 10 тыс. локтей сукна⁹³. И хотя в Подляском воеводстве крупных текстильных мануфактур не было, мелкотоварное производство удовлетворяло и местные потребности, и экспорт шерстяных изделий.

Текстильное производство развивалось в *Сандомирском* воеводстве. Издавна в Магнушове и Сташове существовали суконные мастерские, которые продолжали работать и в первые годы Королевства Польского. Оживление наступило с 1823 г., когда суконными предприятиями было выработано 3 тыс. поставов сукна⁹⁴. Воеводская комиссия сообщала в отчете за 1823 г.: «... принятая правительством покровительственная система ... представляется самой верной гарантией роста отечественных фабрик, убедительные свидетельства чего проявились уже в минувшем году»⁹⁵.

Самым крупным предприятием в воеводстве стала мануфактура Ланге в Пшедбоже, основанная в 1822 г. при финансовой поддержке правительства. На централизованной мануфактуре были установлены иностранная машина и 20 станков. Ее ответвлением стала рассеянная мануфактура, объединяющая 18 человек. В 1825 г. на основной мануфактуре было изготовлено 300 поставов сукна, а отдельными мастерами — 500 поставов. Тонкое сукно изготавливалось на централизованной мануфактуре⁹⁶. В 1826 г. 248 поставов тонкого сукна из Пшедбожа было продано в Россию⁹⁷.

Вторым крупным суконным предприятием была рассеянная мануфактура в Сташове. На ней работали 80 отдельных мастеров, изготавливавших более 3 тыс. поставов сукна в год⁹⁸. Всего в воеводстве в 1826 г. было изготовлено 4,5 тыс. поставов сукна⁹⁹. В конце 20-х годов рост суконного производства затормозился¹⁰⁰. Крупных льняных предприятий в Сандомирском воеводстве не было, несмотря на то, что почти в каждой избе пряли лен и коноплю и ткали полотно¹⁰¹.

В *Августовском* воеводстве существовало преимущественно мелкотоварное производство, оживление которого

отмечается с 1824 г., когда государство стало субсидировать новые текстильные предприятия. Две полотняных мануфактуры во Владиславове (44 станка) и Серехах (34 станка и 18 коловоротов)¹⁰² были самыми крупными предприятиями. Льняное производство было очень широко распространено в деревнях, где полотно изготовляли не только для себя, но и на продажу¹⁰³. Суконная мануфактура была основана Хаберманом в Смолянах в 1826 г. На ней вырабатывалось 10,6 тыс. локтей сукна¹⁰⁴.

В *Плоцком* воеводстве текстильная промышленность была развита слабо. Местные власти объясняли это тем, что иммигранты не доходили до воеводства, оседая в Калишском и Мазовецком. В 1817 г. в Вышегороде была основана суконная мануфактура Маштвица, который получил государственную субсидию в размере 60 тыс. злотых¹⁰⁵. Но его производство очень скоро было свернуто. До 1823 г. в воеводстве вообще сукно не вырабатывали. В 1823 г. Ю. Красиньский в имении Красносельцы начал расширять свое старое предприятие, а Познер в д. Кухары — строить большую суконную мануфактуру. Настолько бедно ремесленниками-текстильщиками было воеводство, что в годовом отчете воеводские власти отметили факт приобретения в Остроленском обводе одного ткацкого станка¹⁰⁶.

Иммигранты стали прибывать в Плоцкое воеводство с 1824 г. При их активном участии в воеводстве возникла суконная промышленность, появились мастера по изготовлению хлопчатобумажных тканей. Но широкого распространения текстильное производство не получило. Основным текстильным предприятием в воеводстве была суконная мануфактура Познера, значительная часть продукции которой с 1825 г. продавалась в Россию. К 1829 г. число веретен в воеводстве сократилось почти вдвое¹⁰⁷.

Текстильное производство в *Краковском* воеводстве оживилось с 1824 г. В Кроматове, Вольброме и Далешницах были основаны предприятия по изготовлению шерстяных и хлопчатобумажных тканей. Т. Карвиньский в Далешницах оборудовал свою мануфактуру иностранными станками¹⁰⁸. Несмотря на дешевизну хлопчатобумажных тканей и обусловленный этим спрос на них на внутреннем рынке, суконное производство признавалось более выгодным, так как сукно шло на восточные рынки¹⁰⁹.

Итак, в 1815—1830 гг. оформился район развитой текстильной промышленности в Мазовецком и Калишском воеводствах, в которых были представлены шерстяная, льняная и хлопчатобумажная промышленность. В конце 20-х годов в связи с созданием нового, Лодзинского промышленного района быстрыми темпами стала развиваться молодая хлопчатобумажная промышленность. Текстильная продукция мазовецко-калишских предприятий была рассчитана как на внутренний, так и на внешний рынки. Выделение мазовецко-калишского района еще не означало резкой специализации воеводств. Текстильное производство на удовлетворение потребностей внутреннего рынка существовало во всех воеводствах.

В пограничных с Россией воеводствах небольшой процент шерстяных тканей шел на экспорт в Россию. В этих воеводствах развивались традиционные отрасли текстильной промышленности — сукноделие и полотняное производство. Новая отрасль — хлопчатобумажное производство — начала проникать в те воеводства, куда доходила волна иммигрантов: в Плоцкое, Краковское, Сандомирское, но развития не получила. Характерной особенностью текстильного производства в большинстве воеводств (кроме Калишского и Мазовецкого) была его техническая отсталость и слабая организация.

*

Подведем краткие итоги. Текстильная промышленность в 1815—1830 гг. была основной отраслью промышленности в Королевстве Польском. Быстрые темпы ее развития были обусловлены имеющейся традицией развития сукноделия и льняного производства на польских землях и целенаправленной деятельностью правительства. Необходимость развития текстильного производства в Королевстве Польском была вызвана также таким политическим моментом, как переделы границ польского государства и отторжение от Королевства Польского основных центров текстильного производства.

Стимулирование развития текстильной промышленности польскими властями заключалось в планомерном проведении в жизнь ряда мероприятий, а именно: 1) В организации широкой переселенческой кампании, благодаря которой в Королевство Польское переселились десятки

тысяч специалистов польского и иностранного происхождения. Таким образом текстильная промышленность получила значительную долю рабочих; 2) В финансировании и разработке планов создания нового текстильного района на территории Мазовецкого и Калишского воеводств. Переселенческие потоки не пускались на самотек, а организовано направлялись в определенные пункты, специально предназначенные для превращения их в промышленные поселения; 3) В содействии техническому прогрессу текстильной промышленности. Польское правительство субсидировало покупку за границей современного оборудования, предоставляло ссуды преимущественно тем предпринимателям, которые основывали крупные мануфактуры и фабрики. Промышленный переворот в передовых европейских странах облегчал переход от мануфактуры к фабрике; 4) В определении пропорций между различными отраслями текстильной промышленности; 5) В урегулировании внутри- и межцеховых отношений. Формальное сохранение цехов не мешало фактической свободе необъединенных ремесленников и предпринимателей; 6) В государственном рынке сбыта путем организации закупок для армии; 7) В оказании помощи с обеспечением сырьем, в частности в устройстве складов шерсти, системе выдачи субсидий для организации продажи шерсти, в централизованной покупке хлопчатобумажного сырья; 8) В использовании рычагов таможенно-тарифной политики для поддержки отечественной текстильной промышленности; 9) В заботе об улучшении коммуникаций. Новые шоссейные дороги проходили через молодые текстильные центры, связывая их с крупными городами.

1815—1830 гг. характеризуются как скачок в истории развития промышленности. Была создана отечественная шерстяная промышленность (100 ткацких станков в 1812 г.¹¹⁰ и более 5 тыс. станков — в 1830 г.)¹¹¹. Образование крупных мануфактур создавало почву для перехода к фабричному производству, к повсеместной механизации процессов труда. К концу 20-х годов появились и первые фабрики. Распространение рассеянных мануфактур, подчинение узловых этапов производственного процесса крупным предпринимателям свидетельствовали о разложении ремесленного производства. Мелкотоварное ремесленное производство оставалось важнейшей формой производства параллельно с мануфактурой.

*

Горнорудная и металлургическая промышленность. Уже на первом заседании общего собрания Государственного совета 3 января 1816 г. наместник поручил Горыдскому подготовить доклад на тему: «Об организации горной промышленности», который был зачитан на заседании 12 февраля. Было решено занятых в горнорудной промышленности освободить от воинской повинности. В феврале же был утвержден проект образования в Кельцах Главной горной дирекции, которая являлась частью Отдела промышленности и ремесел в составе Правительственной комиссии внутренних дел и полиции. Директором отдела был Сташиц, осуществлявший общее руководство деятельностью дирекции, а генеральным директором горной промышленности был назначен Ульман.

Было решено начать кампанию по приглашению иностранных мастеров и подмастерьев. Владельцы земли получили права и на ее недра. В марте 1817 г. царь подписал указ об организации Горного корпуса по французский манер. В его состав вошли чиновники, официалисты и рабочие, освобожденные от воинской повинности и уплаты налогов. Все члены Горного корпуса должны были уметь читать, писать и считать, многие его члены были объединены в Общество вспомоществования¹¹². С 1816 по 1826 г. в Кельцах функционировала 3-летняя Горная школа, занятия в которой велись в основном на немецком языке. Выпуски были немногочисленными. На каникулы часть стипендиатов направляли за границу.

Польское правительство предприняло ряд мер, направленных на защиту и развитие отечественной горнорудной промышленности. В марте 1816 г. был издан указ о запрещении экспорта любых руд, так как продажа сырья за границу поддерживала конкурирующую промышленность, особенно саксонскую. В том же году была достигнута договоренность о беспощинном провозе изделий польских металлургических предприятий в Россию¹¹³.

В горнорудной промышленности наибольшее значение придавалось железу. Сташицу принадлежит концепция развития железоделательной промышленности в Старо-

польском бассейне, который он называл «непрерывным предприятием железных фабрик на реке Каменной»¹¹⁴. Опираясь на местные руды, древесный уголь и энергетическую базу р. Каменной, предполагалось создать комбинат железоделательных предприятий, взаимосвязанных благодаря их расположению. Предприятия, расположенные в верхнем течении реки, должны были изготавливать полуфабрикаты, обрабатываемые затем на предприятиях в нижнем течении.

Предусматривалась перестройка и расширение предприятий Старопольского бассейна, перевод их на современное оборудование. Имеющиеся предприятия были организованы как мануфактуры, базирующиеся в значительной степени на барщинном труде крестьян национальных имений, расположенных поблизости. Для осуществления своих планов Сташиц не располагал средствами, а постановка вопроса о предоставлении государственных дотаций встретила серьезный отпор со стороны помещичьего большинства в правительственных органах. На сейме 1820 г. выразители интересов крупных землевладельцев решительно выступили против указа о запрещении экспорта руд, видя в нем ущемление интересов владельцев земель, в которых имеются залежи¹¹⁵.

Общественное мнение по поводу правительственных забот о горной промышленности отразилось в замечаниях Посольской избы на правительственный отчет в 1820 г. Послы считали, что в такой сельскохозяйственной и бедной стране, как Королевство Польское, слишком много предприятий и расходов на них. В замечаниях указывалось, что горная администрация обходится слишком дорого, школа в Кельцах преждевременна, а затраты на новое строительство чересчур велики¹¹⁶. Члены Посольской избы предпочитали тратить государственные средства на поддержку сельского хозяйства.

Сенат в своих замечаниях на отчет Государственного совета также встал на защиту сельского хозяйства в ущерб горному делу и скептически оценивал усилия правительства. Более перспективным признавалось развитие частной железоделательной промышленности. Государственные предприятия предлагалось передать частным лицам или компаниям. Резюме замечания было следующим: «Остальные руды могут остаться навсегда в недрах земли»¹¹⁷.

Любецкий сумел отстоять свою точку зрения. Горнорудная промышленность получила в распоряжение определенную часть национальных имений и лесов. Леса были измерены и поделены на участки для вырубki на топливо. Национальные имения специально заселяли крестьянами, чтобы обеспечить горнорудную промышленность рабочей силой. Главный объект для найма составляли коморники, которые определенное число дней в году отработывали барщину. Поэтому плата за их труд была ниже, чем при вольном найме. За более высокую плату нанимали вырубщиков, живущих в осадах и местечках. В наем шли также халупники, которые частично отработывали барщину и дорабатывали по принудительному найму.

В государственных имениях, где обезземеливание крестьян происходило быстрее, чем в частных, и крестьян чаще переводили на чинш, наемных рабочих было больше. Правительство подготавливало проект реформы о положении крестьян в горных деревнях. Предполагалось заключать с крестьянами контракты о добровольном найме на рабочизны при сохранении прежнего числа повинностей и данин¹¹⁸, т. е. правительство стремилось к расширению сферы применения наемного труда, но основой его оставалась феодальная барщина.

Больше всего усилий прилагалось для развития железоделательной промышленности. Узловым пунктом в цепи предприятий Старопольского бассейна были Староховицы, где кончался предыдущий цикл и начинался прокат (вальцовка) железа. Оборудование на местных предприятиях было обновлено. В 1824 г. в Королевстве Польском было уже 37 железных рудников, 9 больших домен, 6 литейных заводов, 32 фришерки, 2 листопрокатных цеха по изготовлению кос и более ста мелких предприятий¹¹⁹.

Второе место среди старых отраслей горнорудной и металлургической промышленности занимала медная. Эксплуатация медных рудников была начата в Медной горе (в районе Кельц). Их оборудование оставалось примитивным, но положение рабочих было лучше, чем на других предприятиях. Государство выплачивало рабочим жалованье. В отдельные годы общая численность занятых на медногорских государственных предприятиях достигала 190 человек¹²⁰. Но эти предприятия приносили казне убыток.

В начале XIX в. во всей Европе широкое применение получил кремнистый цинк, поэтому в Королевстве Польском большое внимание уделяли добыче цинковой руды. Велась большая поисковая работа. В первые годы в юго-западной части страны были введены в действие шесть цинковых рудников и пять государственных цинковых предприятий¹²¹.

Велись активные поиски залежей соли. Соляные источники были найдены в Чехочинке, Буске и Сольце, но качественной соль оказалась только в Чехочинке.

Стараниями Сташица в Бялогоне (Краковское воеводство) была построена фабрика «Гута Александра», на которой в 1817 г. была получена первая серебряная продукция, из которой изготовили несколько медалей. Серебряное предприятие очень интересовало польские власти, ему старались придать как можно большую огласку¹²², но предприятие было нерентабельным.

Горнорудная и металлургическая промышленность в 1816—1824 гг. достигли определенных результатов. В 1823 г. имелось около 300 действующих государственных предприятий¹²³. В 1824 г. в горнорудной промышленности и металлургии было занято 1567 горняков и 1636 металлургов¹²⁴. Доходы от горнорудной и металлургической промышленности были невелики. В 1820—1824 гг. ежегодный доход равнялся примерно 600 тыс. злотых¹²⁵. В этих отраслях сохранялись консервативные методы организации добычи и переработки металлов (древесный уголь, водная энергия, преобладание барщинного труда).

В декабре 1824 г. горное дело и металлургия были переданы в ведение Правительственной комиссии финансов и казначейства во главе с Любецким. Еще в сентябре 1824 г. Любецкий предпринял инспекционную поездку по рудникам и предприятиям и смог на месте оценить богатство недр. В 1826 г. состоялась его вторая поездка. Любецкому удалось получить от царя разрешение на то, чтобы взять в долг 4% от тех сумм, которые были накоплены пенсионным фондом. Фонд составляли взносы чиновников и официалистов на пенсии (ранее эти свободно лежавшие средства планировалось использовать на очистку р. Каменной и на покупку соли в 1825 г.).

Расходы горного отдела были сокращены благодаря изъятию из его ведения администрации имений и лесов,

принадлежащих горной промышленности. Все расходы по содержанию служащих были поручены другому ведомству, а сами имения и леса по-прежнему остались за горной промышленностью. В 1825 г. царь согласился на выделение второго миллиона золотых на развитие горной и металлургической промышленности¹²⁶.

Приняв в ведение комиссии финансов горное ведомство, Любецкий утвердил генеральный план развития горного дела. В центре внимания оставалась железорудная промышленность, на втором месте — цинковая, затем добыча соли и разработка других рудников. Претворение в жизнь выработанного плана началось с организационной перестройки. Горнорудная промышленность была отделена от металлургии. Было решено, что при упразднении старых и организации новых металлообрабатывающих предприятий будут придерживаться принципа: открывать новое предприятие только при условии, что его продукции обеспечен сбыт.

Административные единицы управления рудниками и металлургическими предприятиями (дозорства) создавались по территориальному признаку. Для управления рудниками были созданы два дозорства: Олькушско-Северское и Медногорское. В 1825 г. в Олькушско-Северском дозорстве действующими были 4 каменноугольных копи, 9 рудников кремнистого цинка, 1 железорудный, 6 цинковых и 3 кирпичных карьера. В Медногорском дозорстве — 1 медный рудник и 4 железорудных. Кроме этих двух дозорств, было создано специальное управление, заведовавшее рудниками по р. Каменной, которые поставляли железную руду на предприятия Сухедневского дозорства. На р. Каменной действующими оказались только 5 рудников, а 13 бездействовали¹²⁷.

Отдел металлургических предприятий состоял из четырех дозорств: Сухедневского, Панковского и Бялогоньского (в 1829 г. в отдельную административную единицу были выделены металлургические предприятия Олькушско-Северского дозорства).

По предложению Любецкого было решено отказаться от создания мелких мастерских, вырабатывающих предметы домашнего обихода, и сконцентрировать усилия на развитии рудников и металлургических предприятий с металлообрабатывающим производством. В развитие проекта Сташица была намечена перестройка Старопольско-

го бассейна и создание крупных комплексов железорудных предприятий по рекам Каменной, Черной и Бобжице, которые должны были снабжать их водной энергией. В течение 1825 г. производились замеры рек и планировка мест для постройки кочей, валков и т. п. в непосредственной близости от источника водной энергии. Освобожденные для сплава реки должны были облегчить транспортировку руд и промышленных изделий. Была начата постройка новых железоделательных предприятий в окрестностях Кельц и Шидловца. По качеству польское железо стало превосходить английское и русское и приближаться к шведскому¹²⁸.

Комиссия финансов намеревалась возродить Олькушские рудники по добыче оловянных руд и серебра. В этом деле правительственная инициатива нашла встречное предложение частного предпринимателя, шляхтича К. Волицкого. Он предложил создать компанию или горнопромышленное товарищество для восстановления олькушских шахт на следующих условиях: 1) Правительство разрешает создать компанию или горнопромышленное товарищество для восстановления олькушских шахт с оборотным капиталом не менее 2 млн. золотых; 2) Вошедший в компанию с 50 тыс. золотых становится гражданином Королевства Польского, даже если он иностранец. С уступкой акций другому лицу права гражданства переходят к тому, кто их приобрел; 3) Общество получает исключительное право на открытие шахт на всей территории г. Олькуша. Правительству передается бесплатно 10% от всех руд, добытых в земле; 4) Если остальные 90% руды общество не сможет переработать, а правительству для его фабрик она не пужна по торговой цене, то общество может вывезти ее за границу без пошлины; 5) Разрешение на открытие каменноугольной шахты на государственной земле в Славкове; 6) Горняки на рудниках компании получают те же права, что и на государственных; 7) Каждый из компаньонов может беспошлинно вывезти за границу свои деньги; 8) Правительство предоставит компании все карты и документы по олькушским рудникам; 9) Дома, мельницы и участки вокруг Олькуша, принадлежащие государству, но потребные компании, должны быть ей уступлены и т. д.¹²⁹

Проект интересен не только сам по себе. Он замечателен еще и тем, что исходил от первого польского

шляхтича-предпринимателя. Предложение Волицкого не было принято. Проблемой Олькушских рудников занялась Правительственная комиссия финансов. В непосредственной связи с проектом разработки Олькушских рудников находятся перемены в Бялогоне. В 1827 г. бялогонская фабрика «Гута Александра» по выплавке серебра как нерентабельная была закрыта. На ее месте было решено основать машиностроительную фабрику, первой задачей которой было изготовление 10 паровых машин для олькушских предприятий¹³⁰.

Уголь в небольших количествах добывали на польских землях и до разделов. Прусское правительство организовано три шахты: «Хоим», «Реден» в Домброве и «Феликс» в Немцах. В 1825 г. была сдана в эксплуатацию четвертая каменноугольная шахта — «Ксаверы»¹³¹. В результате правительственных усилий добыча каменного угля с 40 тыс. корец в 1816 г. возросла до 282 тыс. корец в 1823 г. и достигла 842 тыс. корец в 1828 г.¹³²

Каменный уголь вместо древесного раньше всего стали применять в цинковой металлургии. Среди новых предприятий цинковой и железоделательной промышленности были цинковая мануфактура под Бендзином, а также железолитейня и вальцовня листового железа под Славковом. В 1817—1828 гг. производство цинка возросло с 5 тыс. до 70 тыс. квинтадов¹³³. С 1827 г. в связи с изменившейся ситуацией на европейском рынке резко сократился спрос на цинк, и это вызвало кризис цинкового производства.

Горнорудная и металлургическая промышленность достигли больших успехов. Прибыль от горной промышленности в 1824—1828 гг. составляла более 3 млн. злотых¹³⁴. Усилия польского правительства по развитию этих отраслей промышленности не пропали даром, а они были немалые: всего до 1832 г. в государственную тяжелую промышленность было вложено более 15 млн. злотых¹³⁵. Прогресс в горнорудном деле выражался в разработке новых рудников. Было положено начало новой, весьма перспективной отрасли промышленности — каменноугольной, началась перестройка предприятий Старопольского бассейна, создание металлообрабатывающего комбината с внедрением новых методов производства. Но наиболее значительным шагом вперед было начало пере-

хода от производства полуфабрикатов к производству готовых изделий и даже к производству средств производства¹³⁶.

Рынком для металлургии, как правило, является металлообрабатывающее производство. В 20-е годы XIX в. оно часто было продолжением металлургического производства, но существовало и в качестве самостоятельного (например, по производству сельскохозяйственного инвентаря и винокурных аппаратов). Развитие металлообработки означало большой шаг в совершенствовании системы орудий труда в сельском хозяйстве, ремесле и промышленности, в развитии капиталистического производства. Но качественный сдвиг происходит только с появлением первых машиностроительных предприятий.

Машиностроение имеет особое значение для развития капиталистических производственных отношений. Оно создает для капиталистической промышленности адекватную ей производственную базу и предпосылки для промышленной революции. Первые фабрики по производству машин, на которых создавали оборудование для машиностроительной отрасли, были основаны в Королевстве Польском в 20-е годы.

Кроме упоминавшегося Бялогоня под Кельцами, машиностроительной фабрикой была государственная фабрика машин на Сольце в Варшаве, основанная в 1825 г. На ней изготавливались молотилки, соломорезки, приводы, паровые машины для приводов. На фабрике в качестве тяги использовался конный привод. В 1839 г. на ней было занято 670 человек¹³⁷. Среди частных предприятий тоже были машиностроительные фабрики. С 1805 г. в Звежинце работала механическая фабрика С. Замойского (с конным приводом). В 1822 г. братья Эванс основали в Варшаве фабрику «для производства литого железа и изготовления машин»¹³⁸, на которой в 1827 г. было занято 150 человек¹³⁹. На фабрике изготавливались различные сельскохозяйственные машины и оборудование для промышленных предприятий. На фабрике братьев Эванс использовалась паровая машина.

С 1825 г. в имении Штабин Августовского воеводства, принадлежавшем К. Бжостовскому, работала фабрика с двухконным приводом, производившая и сельскохозяйственные орудия, в том числе железные приводы, железные молотилки и ручные соломорезки. На фабрике были ме-

ханическая и литейная мастерские. С 1826 г. сельскохозяйственные машины и оборудование для винокурен производило фабричное предприятие В. Олеховского в Новосильце. Крупной была машиностроительная фабрика Лильпопа в Варшаве.

К концу 20-х годов продукция польских металлообрабатывающих фабрик могла конкурировать на внешних рынках, особенно в России. Фабрика братьев Эванс продавала свои изделия в Галицию, на Украину и Центральную Россию. Ее изделия на венской выставке получали ценные награды¹⁴⁰. Государственная фабрика на Солице экспортировала в Россию паровые машины, а фабрика в Бялогоне — сельскохозяйственные машины. Сельскохозяйственные машины и инвентарь из Звезжинца продавали на Украине.

Источником энергии для металлургии по-прежнему оставался древесный уголь, для производства железа использовалась водная энергия, наряду с вольнонаемным применялся барщинный труд. Но 1816—1830 гг. и особенно 1825—1830 гг. были периодом переоборудования горнорудной и металлургической промышленности на капиталистический лад: начали применять паровые машины, появились первые фабрики, вводилась механизация отдельных процессов производства, зарождалась каменноугольная промышленность.

Другие отрасли промышленности. В пищевой промышленности ведущая роль принадлежала спирто-водочной (винокурению). Правительство всячески поощряло винокурение: поддерживались изобретатели новых винокурных аппаратов; специалистов по винокурению не брали в армию. Была основана отечественная фабрика винокурных аппаратов. Аппарат можно было купить в рассрочку, проценты взимались небольшие¹⁴¹. Винокурением занимались помещики, в основном перегоняя на водку рожь. Перерабатывать в винокурнях картофель в первые годы Королевства Польского начали только в некоторых крупных имениях. Экономически более эффективным являлось использование в качестве сырья картофеля, так как картофель, собранный с 1 морга земли, давал в 7 раз больше барды, чем зерно, собранное с той же площади¹⁴². Однако крайне ограниченные возможности сбыта зерна на внутреннем рынке и сложная внешне-торговая ситуация заставляли землевладельцев использо-

вать в качестве сырья рожь. Когда Комиссия Краковского воеводства в октябре 1817 г. обратилась в Правительственную комиссию внутренних дел с предложением запретить перегонку водки из ржи в связи с неурожаем последней, министр внутренних дел Т. Мостовский потребовал объяснения: «...действительно ли в воеводстве так высоко развито разведение картофеля, что перегонка из него водки будет отвечать местным потребностям...»¹⁴³.

Сахарная промышленность только зарождалась, сахароваренные предприятия возникли в конце 20-х годов.

В рассматриваемый период было положено начало химической промышленности. В 1822 г. в Варшаве Гиршманом и Киевским была основана первая химическая фабрика. Предпринимателям помогало правительство. Благодаря этой помощи, а также возросшему спросу на ее изделия растущей текстильной промышленностью стоимость ежегодной продукции этого химического предприятия со 120 тыс. злотых в 1822 г. возросла до 448 тыс. злотых в 1829 г.¹⁴⁴ В 1828 г. для удовлетворения нужд текстильной промышленности была основана вторая, небольшая химическая фабрика¹⁴⁵.

Продолжало развиваться традиционное кожевенное производство. В 1820 г. в Люблинском воеводстве было 5 кожевенных предприятий, на которых была выделана 2021 штука воловьих кож, 3135 — коровьих и 11565 — телячьих¹⁴⁶. Кожевенные предприятия Краковского воеводства в 1819 г. обработали 1720 воловьих кож, 3280 коровьих и 4530 телячьих¹⁴⁷. Кожевенное производство было развито в Сандомирском воеводстве (в Радоме и ряде других городов). Выделкой кож занимались и мелкие ремесленники во всех воеводствах.

Традиционными были фабрики по изготовлению бумаги и бумажных изделий, было налажено производство фаянсовой и стеклянной посуды, зеркал, астрономических инструментов.

За пределами Королевства Польского пользовалась спросом продукция предприятия по производству сит в Билгорае Люблинского воеводства, стамбульских трубок в Сташове Сандомирского воеводства, по изготовлению фортепиано в Августовском воеводстве. Имелись предприятия по изготовлению огнестрельного оружия, бричек и экипажей, маслобойни и др. В Варшаве была основана фабрика бижутерии.

Сельскохозяйственное производство. В 1815—1830 гг. в Королевстве Польском больших изменений в методах ведения сельского хозяйства не произошло, но определенный технический прогресс имел место. Прежде всего произошли сдвиги в отраслевой структуре сельского хозяйства. Заметно расширилось животноводство — отрасль, более интенсивная по сравнению с растениеводством. В рассматриваемый период отмечался рост поголовья скота, участились случаи разведения племенных стад, ускорилось развитие такой отрасли животноводства, дающей товарную продукцию, как овцеводство. Поголовье тонкорунных овец с 1527 тыс. в 1822 г. увеличилось до 2477 тыс. в 1827 г.¹⁴⁸

В 1817 г. в Королевстве Польском было четыре племенных овчарни: Трембицкого в Ломной Мазовецкого воеводства, Бернацкого в Сулиславицах Калишского воеводства, Богуцкого в Поличной Сандомирского воеводства и в национальном имении Кельце того же воеводства¹⁴⁹; в 1819 г. образовалось такое же хозяйство в Бранице, в 1827 г. — в Малюшине, в 1828 г. в Гавартовой Воле¹⁵⁰. Пресса стала проявлять особый интерес к вопросам современной организации овцеводства. Сначала появились переводные брошюры об опыте разведения овец в Англии, а затем и первые оригинальные работы.

Однако животноводство находилось на весьма низком уровне. Летом скот выводился на пастбища, зимой кормили соломой. Сено давали лошадям и волам только в период наиболее тяжелых полевых работ. Посевы кормовых трав еще не получили широкого распространения. На одну голову скота приходилось 0,31 морга лугов и 0,3 пароконной фуры сена¹⁵¹. В 1822—1827 гг. на душу сельскохозяйственного населения приходилось 0,129 коней и 0,463 рогатого скота¹⁵². Крупный рогатый скот и свиней в основном держали крестьяне-рольники. В поместьях обычно было несколько коров и лошадей для нужд усадьбы, а земли помещики предпочитали обрабатывать с помощью тяглой крестьянской барщины.

Разведением овец занимались крупные землевладельцы. Растениеводство в целом не претерпело серьезных изменений. Урожай 1827 г. свидетельствует о застое в культуре обработки земли. Урожай озимых (в самах)

колебался от 2,3 до 3,6, а яровых — от 1,8 до 3,8¹⁵³, т. е. не наблюдалось никакого повышения урожайности¹⁵⁴.

Одним из важных факторов развития сельскохозяйственного производства стало выращивание картофеля на полях. Толчком к этому послужили голодные 1816—1817 гг. и трудности с вывозом зерна. Правительство поддерживало картофелеводство. В 1824 г., когда урожай сильно пострадал от ливней и градов, Комиссия внутренних дел издала распоряжение, чтобы каждый крестьянин, владеющий 15 моргами земли, по крайней мере 1 морг засадил картофелем¹⁵⁵.

Распространение культуры картофеля в определенной степени нарушало традиционное трехполье. В этом же направлении действовало и развитие производства кормов. Переход к севообороту оказался длительным процессом и в рассматриваемые годы коснулся немногих помещичьих хозяйств. Включение в севообороты картофеля и кормовых культур сопровождалось использованием новой сельскохозяйственной техники.

Проблемам механизации сельского хозяйства стали уделять внимание с начала 20-х годов. Во многих периодических изданиях существовали отделы информации о новинках сельскохозяйственных культур, о технических усовершенствованиях сельскохозяйственного инвентаря, отчеты о посещении образцовых имений, о состоянии земледелия и животноводства в Познани и в Галиции, а также в европейских странах. Усовершенствованию сельскохозяйственной техники было посвящено несколько научных публикаций¹⁵⁶. Особое внимание изучению сельскохозяйственных машин отводилось в Институте сельского хозяйства в Маримонте. С 1825 г. в одном из опытных фольварков Института действовала крупная молотилка системы Мейкла.

Пропаганде сельскохозяйственных новинок содействовали агрономические общества¹⁵⁷. Основанное в 1810 г. Королевское сельскохозяйственное общество имело специальный отдел сельскохозяйственных орудий и машин. Им была организована выставка моделей машин, привезенных из Англии и из орднатской мастерской С. Замойского в Звежинце. Благодаря финансовой помощи общества в 1819 г. возродилась мастерская А. Трембицкого в Ломной. Образцом для нее послужили модели с вы-

ставки в Звезинце. По инициативе членов общества, главным образом А. П. Бернацкого и Б. Немоевского, в 1821 г. в Мархваче под Калишем было организовано «агрономическое заседание» с демонстрацией работы английских сеялок, молотилок и орудий по обработке земли.

Польскими мастерами были внесены усовершенствования в существующие модели сельскохозяйственных орудий, ими были изобретены и новые виды¹⁵⁸. Варшавский часовых дел мастер Л. Кухаевский в 1820 г. спроектировал молотилку, которая приводилась в движение силой одного человека и за час могла выполнить норму четырех человек¹⁵⁹. В 1821 г. на первой выставке в Варшаве появилась модель отечественной соломорезки, представленная Кромхемским.

Первые шесть приводов для конных молотилок К. Друцкого-Любецкого были изготовлены на фабрике Эванса в 1822—1824 гг. В 1826 г. конные молотилки с железным и деревянным приводом изготавливала фабрика Олехновского в Новосильце. В 1819 г. Т. Лубеньским была сконструирована барабанная молотилка и издано ее описание. А. П. Бернацкий в 1819—1821 гг. сконструировал, описал и изготовил сеялку для клевера. Друцкий-Любецкий в 1816 г. сконструировал, описал и опробовал цеповую молотилку. В 1830 г. началось промышленное изготовление обычных деревянных борон с железными зубьями на фабрике в Звезинце.

Среди лиц, занимавшихся проектированием и изготовлением сельскохозяйственных машин и приспособлений к ним, наряду с техниками по специальности, были крупные землевладельцы, общественные и государственные деятели, направлявшие экономическую жизнь страны в целом. К их числу относятся А. П. Бернацкий — министр финансов в революционном правительстве, генерал Л. Пац — видный участник восстания 1830—1831 гг., К. Ф. Друцкий-Любецкий — министр финансов в правительстве Королевства Польского, Г. Лубеньский — вице-президент Польского банка.

Динамика фольварка. Помещичьи фольварки по-прежнему оставались важнейшим типом сельскохозяйственного производства, но в начале XIX в. наметилась их постепенная эволюция по капиталистическому пути, выражающаяся в переходе на наемный труд, т. е. к новой общественной системе труда, и в использовании новых,

более современных методов ведения хозяйства. В рассматриваемый период этот процесс находился в зачаточной стадии. Техника обработки земли оставалась в большинстве хозяйств низкой. Еще в 50-е годы XIX в. 60% пахотной земли в фольварках обрабатывалось по трехпольной системе, а коса только начала вытеснять серп¹⁶⁰. Сгон крестьян с земли приводил к увеличению безземельного населения. Но лишённые земли крестьяне переходили в разряд халушников или коморников, оставаясь в деревне и отрабатывая помещику полученные от него участки земли. Преобразования вызывались потребностями эволюции полуфеодального фольварка.

В развитии фольварочного хозяйства в данный период можно отметить следующие тенденции: расширение фольварочного хозяйства (запашки), расширение дополнительных производств (рост производства картофеля, расширение занятий овцеводством, винокурением), участвовавший сгон крестьян с земли при сохранении полуфеодальных форм их прикрепления к земле, развитие процесса очиншевания крестьян.

Число чиншевиков с 1827 г. по 1828 г. возросло с 46 473 глав семей¹⁶¹ до 50 430 глав семей¹⁶². Таким образом, часть фольварков переходила на наемный труд и изыскивали средства для его оплаты и на инвестиции с целью усовершенствования методов ведения хозяйства.

Часть помещиков расширяла свои фольварки путем присоединения старых улучшенных пустошей, которые прежде служили крестьянам пастбищами, путем перемеров и т. п. Причем часто тот или иной путь, которым помещик добивался повышения доходности своего фольварка, зависел от географических условий, наличия или отсутствия залежных земель, близости к крупным городам или торговым путям.

Проведение регуляций и сгон крестьян с земли создавали условия для механизации некоторых процессов обработки земли и сбора урожая. Этому в значительной степени способствовала помощь государства, а также развитие горной и металлургической промышленности.

Класс землевладельцев претерпел определенные изменения. Во-первых, в его состав начинают проникать новые элементы¹⁶³. Имена покупают мещане для основания фабрик. Земля становится товаром. Владельцами

земли, хотя и нечасто, становятся крестьяне-колонисты, жители местечек, чиншевики, выкупившие чинш.

Во-вторых, для развития фольварка уже недостаточно было простой финансовой помощи кредитного учреждения или принудительного моратория. Прогресс был возможен лишь в случае капиталистических преобразований помещичьего имения. Простая экстенсификация земледелия не могла обеспечить расширенного воспроизводства при сокращении внешних хлебных рынков. Лишь интенсивные методы ведения сельского хозяйства, вывоз не только зерна, но и шерсти отвечали современным условиям.

Новым элементом в способе ведения хозяйства стала обработка земли с помощью фольварковой дворни и рабочего скота, принадлежащего имению. Об этом писала «Газета Вейска» в 1818 г.: «В окрестностях столицы распространение мало известный в нашем хозяйстве обычай обработки земли дворовыми и наемными работниками. Это является новостью, которую стоит изучить, поскольку ее широкое распространение повлечет за собой серьезные последствия»¹⁶⁴.

На современный лад были организованы некоторые фольварочные хозяйства, получившие названия образцовых. До 1831 г. возникло несколько таких хозяйств. Самое раннее из них было создано в 1815 г. Л. Пацом в имении Довспуд под Белостоком в Августовском воеводстве под названием «Новая Шотландия». Л. Пац организовал в нем колонию английских и шотландских фермеров, которые поставили хозяйство на английский лад. В хозяйстве помещика была устроена мастерская по производству сельскохозяйственного инвентаря по английским моделям. Мастерская выполняла и внешние заказы¹⁶⁵.

К этой же группе передовых по тому времени хозяйств следует отнести четыре крупных хозяйства под Варшавой: Трембицкого в Ломной, Мостовского во Влохах, Гейзмара в Пассах и Вильгельма в Беневцах, и, кроме того, имения Райовец Т. Лубеньского, Мархвач и Хутки Б. Немоевского.

Одной из самых доходных отраслей пищевой промышленности, облегчавшей феодалам превращение в земельных капиталистов, было винокурение, поддержанное протекционистской политикой правительства. Производство

водки в основном было основано на переработке ржи. Зерна и лесов у помещиков было достаточно, а труд барщинных крестьян — даровым. Более того, право пропинации позволяло помещикам увеличивать капиталовложения в винокурение. Отходы винокурения шли на корм скоту. Поэтому развитие винокурения влекло за собой увеличение поголовья овец и крупного рогатого скота. Перегоняя зерно на водку, помещики получали большие доходы. Так, депутаты революционного сейма 1831 г. говорили о том, что наибольший доход приносило не земледелие, а право пропинации, ибо если корец ржи стоил на рынке 7 злотых, то водка, полученная из одного корца ржи, стоила 15 злотых¹⁶⁶. Производство водки из зерна увеличивало доходы шляхты в два раза.

До восстания 1830 г. редко прибегали к использованию картофеля в качестве сырья для винокурения. Автор специальной работы о винокурении Г. Роженова сообщает интересный факт. В 1819 г. в национальное имение Вилянов под Варшавой привезли приспособления для переработки картофеля, но на следующий год управляющий виляновскими имениями заявил, что для казны будет выгодней переработать на водку 240 корец пшеницы, чем продать зерно натурой по 22 злотых за корец. В случае продажи зерна государство потеряет на каждом лаште 312 злотых. Поэтому было принято решение и впредь водку перегонять из зерна¹⁶⁷. Приведенный факт не только отражает ситуацию, сложившуюся на хлебном рынке, но показывает, каким доступным для помещиков источником накопления капитала являлось крестьянское население.

Другой отраслью промышленности, перерабатывающей продукты сельского хозяйства, было сахароварение, но оно получило распространение позднее. Сахар, фрукты в сахаре и сахарный сироп ввозили из Пруссии, Австрии, России и Кракова. Х. Лубеньскому в 1826 г. не удалось наладить сахарную фабрику в Ченстоцице. Первая сахарная фабрика была построена П. Гали в 1829 г. в Издебне под Елоном (Мазовецкое воеводство). Летом 1830 г. он получил правительственный заем в размере 18 тыс. злотых на усовершенствование фабрики¹⁶⁸.

Помещики и правительство стремились закрепить за фольварками наемную рабочую силу и с этой целью пытались ограничить свободу передвижения крестьян. В

1824—1827 гг. этот вопрос рассматривался на заседаниях гражданских советов и на общем заседании Государственного совета. Государственный совет признал эту меру полезной для экономического развития страны, но только в форме добровольных соглашений между фольварком и крестьянами¹⁶⁹. Фактически в Государственном и в гражданских советах обсуждались планы нового закрепощения крестьян. В развитие этой идеи рескриптом Правительственной комиссии финансов в 1828 г. кутники и коморники обязывались обрабатывать землю фольварков независимо от их обязанностей перед давшим им угол¹⁷⁰. Следовательно, Любецкий в данном случае поддержал наиболее консервативные землевладельческие круги.

Независимо от действующих постановлений местные власти могли принудительно задерживать крестьян. На практике крестьянин находился в полной зависимости от войтов, так как крестьянин, который хотел уехать из гмины, должен был получить от войта свидетельство о том, что его переезд целесообразен. Контролировать войтов было трудно, они злоупотребляли своим правом и часто отказывали в выдаче свидетельств.

Обезземеливание крестьян и рост наемного труда. Одним из показателей развития капиталистических элементов в сельском хозяйстве был процесс обезземеливания крестьян, что вело к образованию сельскохозяйственного пролетариата, к использованию наемного труда в фольварках и крестьянских хозяйствах.

Процесс обезземеливания крестьян продолжался, рольники переходили в разряд коморников и вырбников. Коморники и вырбники были главными поставщиками наемного сезонного труда. Различия между этими двумя категориями крестьян, особенно после того, как крестьяне получили право перехода, стирались. Одновременно с применением наемного труда в фольварках растет и число крестьянской дворни. Наемный крестьянский труд использовали рольники, окупники, колонисты и чиншевики; чаще это происходило тогда, когда крестьяне-наниматели не имели возможности использовать труд взрослых или подрастающих детей.

С другой стороны, сгон крестьян с земли также поддерживал процесс пролетаризации. К. Козмян в 1822 г. объяснял сгон крестьян интересами помещиков, тем, что работа паробков «больше приносит дохода»¹⁷¹.

378

Степень свободы и вообще положение крестьян не во всех имениях было одинаковым. Легче всего оно было в подушных, затем — в национальных имениях, самым тяжелым — в горных. Бывшие монастырские и государственные земли крестьянам сдавали в аренду¹⁷². В конце 20-х годов было несколько случаев продажи национальных имений крестьянам. В таком случае они получали землю в полную собственность. Крестьянская собственность в национальных имениях составляла 25% от их бывшей площади.

Больше всего крестьянской земли было в Августовском воеводстве, входившем ранее в состав Пруссии — 36% от площади бывших национальных имений; меньше всего — в Сандомирском и Подляском воеводствах, ранее находившихся под властью Австрии — 13,2%¹⁷³. Очипшевание, довольно широко проводимое в национальных имениях, усиливало процесс пролетаризации крестьян. Чиншевые выплаты в связи с падением цен на хлеб и тяжелой податной системой были слишком высокими для крестьян. В канун восстания 1830 г. 56% очипшованных крестьян в государственных имениях не имели достаточного количества земли для обеспечения своего существования¹⁷⁴.

Сеймовые комиссии отмечали, что к моменту издания декрета о продаже национальных имений в 1828 г. у большей части проживающих в имениях не было земли¹⁷⁵. Обезземеливание крестьянского населения в национальных имениях было большим, чем в частных. Многие чиншевики и барщинные крестьяне переходили в разряд кутников и коморников.

Обезземеливание крестьянства в первой трети XIX в. проходило сравнительно быстрыми темпами. По подсчетам З. Киркор-Кедроневой ежегодный прирост безземельного населения с 1810 по 1827 г. составлял около 1% и к 1827 г. безземельное крестьянство составляло около 30% всего крестьянского населения страны. Если же учитывать не только полностью, но и частично безземельных, которых не могли прокормить сохранившиеся у них участки земли, а также халупников, по условиям быта ближе стоящих к безземельным, то эта цифра возрастает до 50%¹⁷⁶.

Та же тенденция к обезземеливанию крестьян прослеживается даже по годам. Например, число халупников в

Королевстве Польском с 1827¹⁷⁷ по 1828 г.¹⁷⁸ увеличилось с 70 446 до 76 472 глав семей, огородников — с 2886 до 4004 глав семей.

В результате обезземеливания крестьян и различных полуфеодальных форм закрепления их за фольварком в качестве дешевой, сравнительно малоподвижной наемной рабочей силы создавался новый социальный слой сельскохозяйственных полупролетариев — фольварковой дворни и пр., опутанный полуфеодальными отношениями. По сути дела это был зародыш наемного сельскохозяйственного пролетариата.

Арендные отношения и очиншевание. В результате реформы 1807 г. формально отношения между крупным землевладельцем и крестьянином приобрели новую форму. Крестьянин вел свое хозяйство не на условиях феодального держания, а на условиях аренды. В экономической природе этих отношений мало что изменилось: формой арендной платы по-прежнему служила барщина, реже — денежный чинш. Но тенденция развития достаточно четко определилась в рассматриваемый период. Постепенный переход от барщины к денежному чиншу означал движение к капиталистической денежной земельной ренте. Следовательно, процессы очиншевания крестьян-рольников объективно были не только проявлением разложения феодальных отношений, но и проявлением генезиса капиталистических арендных отношений.

Совершенно особое место занимают два хозяйства, в которых владельцами были проведены преобразования, не имевшие себе подобных в истории Королевства Польского. Одно из них было основано С. Сташицем в 1816 г.¹⁷⁹ Из восьми деревень и прилегавшей к ним части г. Грубешова была образована единая гмина — общество. Его члены были освобождены от барщины и получили в собственность обрабатываемые ими земли и постройки. Они получили также часть земель фольварка. На остальной, разделенной на участки земле фольварка поселились колонисты с других территорий.

В общее пользование члены гмины получили леса, пруды, корчмы, мельницы, часть пахотных земель и право пропинации. Общая территория, занимаемая Грубешовским обществом, равнялась 12 тыс. моргов¹⁸⁰. Площадь земель общества составляла около 6 тыс. га, из них собственная — около 2700 га. В 1822 г. после утверждения

устава царем у нотариуса было записано 329 владельцев, получивших наследственные права на землю¹⁸¹.

Жители общества вели общественные дела. У них были собственные школы, больница, зерновые склады, ссудный банк, пенсии для стариков и инвалидов, постоянная опека над сиротами, стипендиальный фонд для учащейся молодежи. Все дела общества решали делегаты и хозяйственный совет. В гмине были свои кузнецы и ремесленники, удовлетворявшие местные запросы. Грубешовское общество просуществовало до второй мировой войны.

Реформу в имении Штабин около Августова в 1819 г. провел К. Бжостовский. Он ликвидировал барщину и заменил ее денежным чиншем, обратившись к крестьянам со следующим воззванием: «Освобождаю вас от всякой принудительной работы, так как любая принудительная работа унижает человека, превращает его в скотину, подвергает тысячам обид, задерживает его моральное развитие»¹⁸².

Сначала Бжостовский дал крестьянам землю в краткосрочную аренду, заменив ее в 1852 г. долгосрочной. Наконец, в завещании он передал им обрабатываемые земли и постройки в полную собственность. Но за это они должны были платить в казну подать с помещичьих земель¹⁸³. Фольварк, владелец которого занимался разведением волов и содержал стеклянную мануфактуру, затронут не был. Бжостовский ввел севооборот в крестьянских хозяйствах, сделал обязательной посадку картофеля. Часть чинша крестьяне должны были платить картофелем.

Оба передовых хозяйства представляли собой наметки программ решения аграрного вопроса, указывали направление поисков выхода из застойного состояния сельского хозяйства. Причем принципы организации Грубешовского общества были программой более демократического решения аграрного вопроса.

Очиншевание крестьян и особенно реформа по очиншеванию в национальных имениях вели к расширению товарно-денежных отношений, к увеличению использования наемного труда в полном смысле этого слова.

В современной литературе идет дискуссия по вопросу о характере преобразований в сельском хозяйстве Королевства Польского в первой половине XIX в.¹⁸⁴ С нашей точки зрения, рассматриваемый период — время разложения феодальных и постепенного развития элементов ка-

питалистических отношений. При анализе конкретного материала необходимо учитывать специфику развития различных территорий Королевства Польского, так как в одних воеводствах процесс разложения феодального строя протекал быстрее, в других медленнее.

*

Развитие сельского хозяйства по воеводствам. Королевство Польское, как и Речь Посполитая, было сельскохозяйственной страной, поэтому в основе географического разделения труда лежали особенности развития сельского хозяйства. Еще в XVIII в. хозяйственное положение фольварка определялось географическим расположением, близостью или удаленностью от Балтийского моря и рек, впадающих в него, а также от границ стран-импортеров, поскольку уровень развития фольварка в значительной степени зависел от внешнего рынка. Большую роль играло соседство крупных городов, главным образом Варшавы. С этой точки зрения более выгодное положение имели фольварки северных и западных районов с более высокой культурой обработки земли. На западе сильный в экономическом отношении фольварк уже к началу XIX в. вытеснил хозяйства мелкой шляхты. На востоке и на юге фольварки были более слабыми и, следовательно, там более высокий процент населения составляла мелкая шляхта.

Крестьянские хозяйства, от состояния которых также зависела степень реализации продуктов земледелия и которые влияли на формирование облика фольварка, распределялись неравномерно. В северо-западном районе больше было чиншевых хозяйств. Немалую роль в этом играла колонизация с запада. На юго-востоке преобладали барщинные крестьяне, их хозяйства были более бедными, с низкой производительностью труда.

По уровню и тенденции развития сельского хозяйства территория Королевства Польского делилась на две исторически сложившиеся части: северо-западную, в которую входили Калишское, Мазовецкое и Плоцкое воеводства, и юго-восточную с воеводствами: Августовским, Подляским, Сандомирским, Люблинским и Краковским. Остановимся на краткой характеристике каждого из воеводств.

Калишское воеводство (площадь 29 719 миль, пахотных земель в 1819 г. — 40,4%)¹⁸⁵. По уровню развития сельского хозяйства занимало первое место почти по всем показателям. В 1815—1830 гг. посевы зерновых увеличились намного больше, чем в других воеводствах, урожайность была самой высокой. К 1827 г. посевы пшеницы увеличились на 329%, ржи — на 166, яровых — на 321, картофеля — на 526% по сравнению с 1810 г.¹⁸⁶ (В первые годы существования Королевства Польского там были самые низкие показатели по количеству зерна, высеваемого на волоку.)

Переломным стал 1819 г. В годовом отчете Калишского воеводства говорилось: «Пятый год мирной жизни, которой наслаждается Королевство Польское... отличается той особенностью, что разрушенное в годы войны хозяйство все заметнее улучшается и исчезают следы опустошений. Уже мало где можно увидеть пустые поселения, так как их по большей части заселили крестьяне из Королевства Польского и в меньшей степени — прибывшие из-за границы колонисты»¹⁸⁷. Интересная деталь: в этом же отчете говорится о том, что подъему сельского хозяйства в воеводстве способствовал свободный ввоз из России лошадей и крупного рогатого скота.

В годовом отчете за 1821 г. уже нет речи о последствиях войны и неурожаев. Основные достижения землевладельцы видят в улучшении техники обработки земли. «Самые хозяйственные и зажиточные граждане используют наиболее удачные открытия для хозяйства, приобретают сельскохозяйственные машины, облегчающие труд»¹⁸⁸. Воеводский совет заказал за границей на собственные средства машину Христиана для обработки льна без предварительного замачивания. На следующий год — изготовление железной молотилки по английской модели. Кроме того, воеводская комиссия изыскивает способы достать модель лесопилки, описанной в «Изиде Польской», чтобы повысить доходы лесовладельцев. «Модели должны служить образцом для граждан, желающих и имеющих возможность использовать данные достижения»¹⁸⁹. С этого времени повышение культуры земледелия, применение новой техники становятся основной тенденцией передовых помещиков воеводства. Здесь развиваются садоводство и пчеловодство, за посадку сортовых плодовых деревьев крестьяне получали награды. В 1828 г.

из воеводства было продано за границу 120 фруктовых деревьев¹⁹⁰.

В 1823 г. севооборот применялся в наиболее передовых фольварках, например Бернацкого в Сулиславицах. По итогам 1828 г. воеводская комиссия сообщала, что «введение плодосеменного хозяйства в здешнем воеводстве достигло значительного прогресса, и, право, можно предсказывать, что еще через несколько лет такое хозяйство станет почти повсеместным»¹⁹¹. Производительность труда в зерноводстве в Калишском воеводстве была в 4,5 раза выше, чем в Августовском¹⁹².

Помещики Калишского воеводства развивали и совершенствовали винокурение. Сведения об этом поступали начиная с 1820 г. В винокурнях устанавливали новые усовершенствованные аппараты, начали использовать картофель как сырье для винокурения. В годовом отчете за 1828 г. говорилось, что из-за неурожая картофеля пострадали хозяева винокурен¹⁹³.

Введение севооборота, развитие винокурения и текстильной промышленности способствовали развитию животноводства, особенно разведению племенного скота. Калишское воеводство в 1827 г. занимало первое место по сбору сена, значительно опережая другие воеводства (366 тыс. пароконных фур в Калишском и 213 тыс. в Мазовецком, которое стояло на втором месте)¹⁹⁴. В 1827 г. поголовье коней в два раза превышало поголовье рабочих лошадей. В некоторых фольварках были конюшни производителей и цуговых лошадей¹⁹⁵.

В отчетах из воеводства сведения о разведении улучшенных пород рогатого скота и овец начинают поступать с 1820 г. В 1823 г. помещики уже продают мериносов за границу¹⁹⁶. Во второй половине 20-х годов торговля шерстью становится источником дохода землевладельцев, но неустойчивым, так как текстильная промышленность была еще молодой отраслью. Поэтому снижение цен на шерсть на 2/5 в 1826 г. по сравнению с предыдущим «болезненно сказалось» на положении владельцев овец, особенно тех, кто вложил средства в приобретение новых пород¹⁹⁷. В 1827 г. воеводство занимало первое место по поголовью тонкорунных овец и второе — по поголовью крупного рогатого скота.

Прогресс затронул прежде всего крупные фольварки. На более высоком уровне стояла культура земледелия

и в крестьянских хозяйствах Калишского воеводства. Колонисты, а их на землях воеводства в 1827 г. было 2351 глава семьи¹⁹⁸, принесли с собой более высокую культуру. Прогресс коснулся и хозяйств чиншевиков. В целом наличие сравнительно развитых крупных фольварков, ведущих хозяйство по-новому и оказывающих воздействие на окрестности, в значительной степени определяло облик воеводства.

Итак, Калишское воеводство было самым передовым по уровню развития земледелия и животноводства. Помещики, переходя к интенсификации своих хозяйств и использованию новой техники, были заинтересованы в наемном труде крестьян.

Мазовецкое воеводство (площадь 34 631 миля, пахотных земель в 1819 г. 46,2%)¹⁹⁹ по уровню развития сельскохозяйственной культуры занимало второе место. На развитие сельского хозяйства в воеводстве оказывали влияние два фактора: быстрый рост промышленности и близость Варшавы. Варшава была потребителем зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Цены на зерно в Мазовецком воеводстве благодаря Варшаве были выше, чем в других воеводствах. Так, в 1824 г. самая высокая цена за корец пшеницы — 12 злотых 4 гроша — была в Подляском воеводстве, самая низкая — в Люблинском — 7 злотых 15 грошей, по Мазовецкому воеводству в среднем — 11 злотых, в Варшаве — 13 злотых 18 грошей. В 1828 г. самой низкой была цена на пшеницу в Краковском воеводстве — 15 злотых 2 гроша, самой высокой — в Мазовецком — 19 злотых 5 грошей, в Варшаве — 22 злотых 15 грошей²⁰⁰.

Вокруг Варшавы было несколько крупных образцовых помещичьих имений. Как и в Калишском, в Мазовецком воеводстве жило много колонистов — 3492 главы семей. Там же было намного больше эмфитевтов — 1580 и сравнительно много чиншевиков — 10 048 человек²⁰¹. Преобладание первых двух категорий крестьян — собственников земли объясняется близостью воеводства к западным границам.

В первые послевоенные годы посевы на землях воеводства были весьма незначительны, но к 1827 г. они выросли по сравнению с 1810 г.: пшеницы — на 14%, ржи — на 29, ячменя, овса, гороха, гречихи, проса — на 56%. Посадка картофеля увеличилась на 145%²⁰².

В воеводстве относительно хорошо было развито животноводство. По сбору сена оно стояло на втором месте²⁰³, занимало также второе место по овцеводству и третье — по коневодству²⁰⁴.

Плоцкое воеводство (площадь 30 171 миля, пахотных земель в 1819 г. 38,7%)²⁰⁵. Сельское хозяйство сильно пострадало во время войны, особенно это ощущалось в Плоцком обводе, где была расположена крепость Модлин, а также в Пултусском и Остроленском обводах, через которые проходила военная дорога. Воеводство обезлюдело. В 1817 г. одна треть земли представляла пустоши²⁰⁶. Крестьяне не в состоянии были обрабатывать прежние пахотные земли. «С 1806 г., — говорилось в отчете воеводской комиссии за 1817 г., — крестьянин, замученный сплошными военными тяготами и неисчислимыми трудностями, утратил желание и стремление к обработке той земли, на которой он испытал столько несчастий»²⁰⁷.

Из воеводства поступали сведения о массовом переходе рольников на положение вырбников. В том же отчете говорилось, что там, где до начала военных действий в 1806 г. было 20 оседлых рольников, теперь осталось 2-3. Воеводская комиссия предлагала выдавать премии по 300 злотых помещикам, которые на собственный счет поселят в своей деревне крестьянина с хозяйством на одной волоке земли, равно как и крестьянину, который сам сможет организовать такое хозяйство²⁰⁸.

Процент засеваемых земель в первые годы был невысок²⁰⁹. Некоторое улучшение началось с 1819 г. Он был переломным для большинства воеводств. За неурожайными 1816—1817 гг. наступили годы со сравнительно нормальными погодными условиями, стали сказываться последствия экономической политики правительства (массовый наплыв колонистов). Сократился объем пустошей, улучшилась техника обработки земли, особенно в национальных имениях, куда главным образом направлялись колонисты²¹⁰.

Для Плоцкого воеводства была характерна наметившаяся в первые годы тенденция к сокращению численности хозяйств крестьян-землевладельцев и увеличению числа коморников, халупников и колонистов. По числу колонистов в 1827 г. Плоцкое воеводство занимало первое место. На его территории проживало 10 615 семей колонистов²¹¹. Также на первом месте стояло воевод-

ство по числу халупников. Здесь наблюдался и самый высокий прирост этой категории крестьян. Число халупников с 1810 г. по 1827 г. увеличилось на 80%²¹².

Условия для поднятия крестьянского хозяйства были плохими. Торговля зерном сокращена до минимума. Сообщения о тяжелом положении крестьян из года в год учащались. В январе 1821 г. воеводский комиссар писал: «...невозможность денежной реализации продуктов, и в результате полное отсутствие наличных денег, которое чем далее, тем сильнее ощущается, приводят к тому, что земледелец пренебрегает мерами, которые он привык предпринимать в ту пору, когда плоды его хозяйственного труда обильно вознаграждались...»²¹³.

В январе 1824 г. сообщалось о том, что доходы земледельца продолжают сокращаться и не могут идти ни в какое сравнение с доходами в прусские времена, расходы же намного больше, особенно на челядь и наемных рабочих²¹⁴. Помещичьи хозяйства по-прежнему испытывали нехватку рабочей силы, так как множились случаи отказа крестьян от обрабатываемой земли и перехода их в разряд вырбников. Эти же проблемы заботили и рольников, которые не могли выполнять барщину без помощи дворовых. Судя по отчету воеводской комиссии, в самом тяжелом положении оказались крестьяне национальных имений, переведенные на чинш. К чиншу были присоединены подати и поборы, которые раньше не практиковались. Поскольку у чиншевых крестьян национальных имений не хватало средств на уплату налогов и чинша, они начинали продавать запасы семенного зерна. Поэтому воеводская комиссия опасалась за то, что, несмотря на хороший урожай, у них не останется зерна на посевы²¹⁵.

Из отчета воеводской комиссии за 1825 г.: «В целом критическое состояние земледелия в течение 1825 г. не изменилось»²¹⁶. К 1826 г. несколько повысилась культура земледелия, в некоторых помещичьих хозяйствах, где поля были засеяны привозными семенами, собрали неплохой урожай, но, по мнению воеводской комиссии, «понесенные расходы не приносят ожидаемых выгод и вообще истощают граждан, уменьшая запасы, которые они могли сделать в благоприятные годы»²¹⁷. К 1829 г. становятся заметны положительные результаты развития сельского хозяйства, вызванные некоторым повышением качества семян в помещичьих хозяйствах, распространением коло-

низации и некоторым оживлением торговли²¹⁸. Посевы в 1827 г., по сравнению с 1810 г., увеличились следующим образом: пшеницы — на 59%, ржи — на 24, ячменя, овса, гороха, гречихи и проса — на 36, картофеля — на 153%²¹⁹.

В первые годы крестьяне страдали от конкуренции русских скототорговцев²²⁰. По мере увеличения спроса на шерсть для развивающейся промышленности и сохранения кризисного положения со сбытом зерна число животноводческих хозяйств увеличивалось за счет растениеводческих. «Не один, видя в настоящем хозяйстве очевидное превышение издержек над доходами, предпочитает запустить поля под пастбища для скота или овец, причем он может иметь меньше дохода, но по крайней мере никаких либо небольшие убытки»²²¹, — говорилось в отчете за 1823 г. К 1827 г. поголовье волов почти вдвое превышало поголовье рабочих волов²²², т. е. скот разводили преимущественно на продажу, но породы скота не улучшались. «Крупного рогатого скота достаточно, но качество его обычное, об его улучшении никто не заботится...»²²³, — говорилось в отчете за 1821 г. Увеличивались также стада меринсов, но улучшение породы овец приходится на вторую половину 20-х годов²²⁴.

Итак, в 1815—1830 гг. по уровню развития сельского хозяйства Плоцкое воеводство приближалось к двум другим, бывшим ранее под властью Пруссии — Калишскому и Мазовецкому, но уступало им по всем показателям. В Плоцком воеводстве слабее был фольварк, за исключением его западной части, граничившей с Мазовецким воеводством и Пруссией. На его территории почти не было образцовых помещичьих хозяйств с интенсивными способами обработки земли. Но по структуре крестьянского населения Плоцкое воеводство приближалось к другим западным. Там также было много колонистов, особенно в национальных имениях, и чиншевиков. Процесс обезземливания крестьянства, переход крестьян-рольников в разряд халупников и вырбников был даже более ускоренным.

Вкратце особенности развития сельского хозяйства северо-западных областей можно суммировать следующим образом. В этом районе был сравнительно развит фольварк, в котором раньше всего наметился экономический прогресс. Лучше всего это видно на примере передовых

поместий Калишского и Мазовецкого воеводств. Прогресс затрагивает в основном помещичье хозяйство. Культура земледелия несколько выше в хозяйствах крестьян-колонистов, которые селились в основном в национальных имениях. Помещики в этой части страны весьма активно использовали существующую барщинную систему, но все чаще прибегали к регуляциям и сгону крестьян с земли, труд барщинных крестьян заменяли трудом халупников, коморников, паробков. Процедура сгона была следующей: помещик переставал оказывать крестьянину помощь, необходимую в послевоенные годы, крестьяне становились должниками, и их сгоняли с земли²²⁵. Следует, однако, учитывать, что в западных воеводствах процесс сгона крестьян и расширения фольварковой земли не приобрел массовых масштабов.

Помещики Плоцкого воеводства, поместья которых в меньшей степени были затронуты преобразованиями, выступали особенно яркими защитниками сохранения барщины и, более того, возвращения к барщине чиншевых крестьян²²⁶. Они требовали ввести строгие ограничения прав свободного ухода крестьянина с земли и вообще переселения его в другое место²²⁷.

Еще в 1814 г., отвечая на правительственную анкету в связи с выяснением мнения помещиков о характере урегулирования их отношений с крестьянами, шляхта Калишского и Мазовецкого воеводств следующим образом сформулировала свои пожелания: 1) Земля должна быть собственностью помещика; 2) Регуляция имений должна проводиться на принципах как можно более далекого идущего превращения рольников и полрольников в заградников и коморников при частичном проведении сгонов; 3) Следует ввести ограничение личной свободы крестьянина путем административных мер, системы обязательного разрешения войта на уход крестьянина из деревни; 4) Все споры между крестьянином и помещиком следует решать путем так называемых свободных договоров, без вмешательства правительства²²⁸.

Несколько иными были условия и тенденции развития юго-восточных областей.

Августовское воеводство (площадь 32 521 миля, пахотных земель в 1819 г. 29,7%)²²⁹ отличалось наибольшим числом чиншевиков (в 1827 г. — 12 045 глав семей)²³⁰. Это объяснялось тем, что 36,9% пахотных земель воевод-

ства принадлежали национальным именьям²³¹, в которых преобладали чиншевые крестьяне. У крестьян этого воеводства в пользовании было больше земли, чем в других. Фольварочные хозяйства не имели там такого преобладания, как в Калишском или Мазовецком.

Издавна это был чисто сельскохозяйственный район. Военные годы наложили отпечаток на условия развития сельского хозяйства. В первые годы посевы на волоку земли были очень низкими, как и в западных воеводствах. К 1827 г. посевы пшеницы увеличились на 72%, ржи — на 37, ячменя, овса, гороха, гречихи и проса — на 30%. Крестьяне воеводства постоянно страдали от неурожаев, и единственным спасением для них был картофель. Его посадки с 1810 по 1827 г. увеличились на 251%.

Культура обработки земли в воеводстве, за исключением образцовых помещичьих имений, была отсталой, урожайность — самой низкой в Королевстве Польском. В 1827 г. озимые давали урожай (в самах) 2,7, а яровые — 1,8²³². Крестьяне постоянно страдали от нехватки продуктов питания, и, с другой стороны, почти полной невозможности их денежной реализации. Воеводская комиссия жаловалась на то, что жители лишены даже такой поддержки, как постои войска²³³.

Воеводская комиссия ежегодно сообщала о бедственном положении крестьян. Любые неблагоприятные погодные условия немедленно ставили их на грань катастрофы. Уже в январе 1822 г., когда до нового урожая оставалось несколько месяцев, воеводская комиссия писала о том, что в прошлом году дожди помешали убрать урожай и «это несчастье уже сейчас явно ощущается крестьянами; значительная часть их в Августовском воеводстве в течение последних трех недель не имела ни куска хлеба. Целые семьи питаются только картофелем, да к тому же и тот продукт не обильно в этом году уродился»²³⁴. На специальный запрос Комиссии внутренних дел Августовской комиссии ответила, что и «арендаторы государственных имений не имеют больших запасов, но без их помощи и помощи помещиков крестьянам не продержаться, тем более, что общественные склады давно уже не существуют: зерно роздано беднейшим, а помещения пришли в негодность»²³⁵.

В отчете воеводской комиссии за 1823 г. говорилось о том, что крестьяне дошли до положения «крайней нуж-

ды и голода»²³⁶, притом, что картофеля сажали уже так много, что большая часть жителей не только полностью удовлетворяет свои потребности, но частично кормит и скот. В отчете за 1824 г. говорилось: несмотря на богатый урожай, «положение земледельца находится в наикритическом состоянии»²³⁷, причем в трудном положении оказались не только крестьяне, но и мелкая шляхта. В 1825 г. участились случаи ухода крестьян и мелкой шляхты с земли и даже из деревни. Крестьяне-рольники переходят в разряд кутников, огородников и выробников. «В национальных именьях чаще и в большем числе имеют место подобные случаи»²³⁸. В сообщениях за 1826—1828 гг. даются все новые факты о переходе крестьян и мелкой шляхты в разряд халупников, а крестьян национальных имений — в разряд выробников²³⁹, хотя комиссия финансов запрещала крестьянам брать себе выробников.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в первые годы в национальных именьях шел обратный процесс: увеличивалось число чиншевиков и колонистов (с 1819 по 1821 г. соответственно с 8360 до 8402 человек; и с 627 до 657 в 33 экономиях) и сокращалось число барщинных крестьян и халупников (с 8273 до 8193 барщинных крестьян и с 4269 до 4265) и с 411 до 376 колонистов-халупников²⁴⁰. Но в канун восстания в Августовском воеводстве у помещиков по-прежнему не хватало сил для обработки всех покинутых крестьянами земель²⁴¹. Прирост пахотных земель с 1819 по 1827 г. составлял ничтожный процент — 0,07%²⁴². К концу февраля 1830 г. воеводская комиссия констатировала: «Положение сельского хозяйства, ведущегося крестьянами, особенно обрабатывающими барщину, можно считать нищенским, за исключением многих чиншевиков... хорошо справляющихся»²⁴³.

В конце 20-х годов крестьяне стали увеличивать посеы льна и конопли. Появилась возможность продавать льняное семя в Пруссию, а полотно — в Россию²⁴⁴.

Помещичьи хозяйства страдали от невыплаченных долгов и невозможности сбывать зерно, которое в крупных хозяйствах из года в год накапливалось²⁴⁵. Некоторые помещики поставили ведение своего хозяйства на современный уровень. В 1815 г. образцовое хозяйство было только у Л. Паца, к 1830 г. их стало шесть²⁴⁶. Издав-

на в хозяйствах помещиков воеводства были стада племенных овец и тирольского скота, но в первые годы после Венского конгресса животноводство было заброшено, породистых лошадей не осталось²⁴⁷. С середины 20-х годов, в связи с оживлением текстильной промышленности, животноводство начинает возрождаться. В отчете воеводской комиссии за 1825 г. говорилось: «С развитием местных фабрик, а также потребности в шерсти за границей разведение испанских овец, во многих местах улучшенной породы, становится все более распространенным»²⁴⁸.

Итак, в Августовском воеводстве сравнительно велико число национальных имений, заселенных чиншевиками, и сравнительно большой процент крестьянских земель. Помещичьи фольварки немногочисленны. Сельское хозяйство прогрессировало слабо, улучшалась культура земледелия и животноводства лишь в образцовых хозяйствах. Причем как особое достижение отмечался, например, такой факт, как удобрение песчаных земель черноземом²⁴⁹. Барщинные крестьяне, часть чиншевых крестьян национальных имений и мелкая шляхта разорялись, бросали землю и становились халупниками, кутниками, выробниками и т. п. Урожайность оставалась крайне низкой.

Подляское воеводство (площадь 25 242 мили, пахотных земель в 1819 г. 18,6%)²⁵⁰. В воеводстве наряду с крестьянскими было много хозяйств мелкой шляхты. Другой особенностью воеводства была самая низкая плотность населения²⁵¹. Состав населения был сравнительно стабильным, колонистов было немного, миграции из воеводства тоже не наблюдалось. Сравнительно большие земельные пространства способствовали сохранению застоя в земледелии. Высокий процент засеянных земель в первые годы существования Королевства Польского к концу рассматриваемого периода снижается. В Подляском воеводстве, хотя крестьяне и оседали на оставленных землях, рост сельскохозяйственного населения был медленным.

В фольварках, за исключением имения Чарторыхских²⁵², не вводили севооборот, не применяли новой техники, не сеяли кормовых трав. В 1826 г. воеводская комиссия сообщала: «Способ ведения хозяйства всегда остается в одинаковом состоянии»²⁵³. Подобные сообщения поступали и в другие годы. Сами помещики нежелание

вводить севооборот объясняли тем, что любые усовершенствования требовали капиталовложений, а денег из-за невозможности сбыта зерна за границу не было. С другой стороны, большие земельные пространства и нехватка рук для обработки также не давали стимула для нарушения традиционного способа хозяйствования²⁵⁴. Помещики в основном использовали барщинный труд крестьян, который был особенно выгоден в этом воеводстве, так как там крестьяне держали много скота²⁵⁵.

Крестьяне сажали картофель, но он не получил широкого распространения. С 1810 по 1827 г. посадки картофеля увеличились сравнительно незначительно, на 131%²⁵⁶. Крестьянам часто, особенно в неурожайные годы, не хватало семенного зерна. «Крестьяне здешнего воеводства в любой год не могут обойтись без помощи зерном от своего помещика»²⁵⁷, — констатировала воеводская комиссия в 1822 г. Правда, из этого воеводства не поступало сведений о критическом положении крестьян, как, например, из Августовского. Тут и земля была лучше, и погодные условия более благоприятные, но барщинные хозяйства носили более натуральный характер.

Несколько улучшало положение помещиков и отчасти крестьян животноводство, особенно овцеводство, так как давало доход. Развитие животноводства в Подляском воеводстве было связано с развитием текстильной промышленности в России и возможностью экспортировать туда шерсть. Но слабое развитие текстильной промышленности в самом воеводстве не давало стимула к увеличению стад овец и улучшению пород в той мере, в какой позволяли экономические возможности их владельцев. Это хорошо понимали помещики, входившие в состав административного аппарата воеводства. В январе 1825 г. в годовом отчете говорилось: «Порода овец улучшается в связи с открывшейся торговлей шерстью с Россией... С увеличением числа суконных фабрик, которым потребовалось бы значительное количество шерсти, жители скоро увидели бы выгоды в денежной реализации шерсти, старательнее взялись бы за увеличение численности стад и улучшение породы овец и лучше бы их содержали»²⁵⁸.

Итак, сельское хозяйство в Подляском воеводстве характеризовали почти полное отсутствие сдвигов в фольварочном хозяйстве при рутинном способе ведения экстенсивного хозяйства, широкое использование барщинного

труда, наличие отсталых, бедных крестьянских хозяйств, сравнительно небольшое число чиншевиков, слабо развитый процесс обезземеливания крестьян.

Люблинское воеводство (площадь 30 474 мили, пахотных земель в 1819 г. 35,7%)²⁵⁹ имело природные условия, благоприятствующие развитию сельского хозяйства, процент засеваемой площади в 1819 г. был относительно высоким. Однако к 1826 г. пахотные земли в воеводстве сократились на 13%²⁶⁰, а посевы не только не уменьшились, но даже увеличились. Киркор-Кедронева высказала предположение, что посевы не сократились за счет большого количества мецан-земледельцев, численность которых увеличилась в рассматриваемый период²⁶¹.

Характерной особенностью структуры землепользования являлся низкий процент (3,3%)²⁶² земель, принадлежащих национальным имениям. Видимо, этим объясняется малочисленность колонистов (171 хозяин) и сравнительно небольшое число чиншевиков (4351 глава семьи) при значительном преобладании крестьян-рольников (59 438 глав семей)²⁶³. Волна колонизации сюда не доходила. Основой фольварочных хозяйств в воеводстве являлся барщинный труд. Обезземеливание и пролетаризация крестьян, переход крестьян-рольников в халупники, коморники и выробники не приобрели здесь таких масштабов, как в западных воеводствах.

Прогресс в организации сельскохозяйственного процесса коснулся лишь нескольких помещичьих имений. Севооборот был введен в пяти фольварках (Чарторыских, Венглинского, Пястовецкого и Прешта)²⁶⁴. В ординации Замойских были конюшни породистых лошадей, породистый скот разводили в Пулавах у Чарторыских и в Якубовице Шептыцкого.

Культура земледелия в крестьянских хозяйствах оставалась очень низкой, но их положение в первые годы после образования Королевства Польского несколько поправилось. Крестьяне обзаводятся рабочим скотом, обрабатывают заброшенные земли²⁶⁵.

В Люблинском воеводстве быстрыми темпами развивалось сукноделие, давшее толчок к развитию овцеводства. Это хорошо отражено в отчете за 1824 г. Там говорилось: «Несмотря на упадок торговли зерном, а также низкие цены на зерно и трудности с его продажей, сельское хозяйство не только не падает, но, напротив, все

более направляется промышленностью»²⁶⁶. Помещики выступали сторонниками быстреего развития промышленности в воеводстве и вообще в стране, настаивали на необходимости государственной поддержки предпринимателей²⁶⁷.

Итак, в Люблинском воеводстве преобладали барщинные крестьяне. Процесс обезземеливания крестьян был весьма незначительным. Уровень земледельческой культуры оставался низким, севооборот был введен лишь в нескольких помещичьих имениях. Отдушиной для землевладельцев и некоторых крестьян было овцеводство, поддержанное развитием в воеводстве сукноделия.

Сандомирское воеводство (площадь 24 994 мили, пахотных земель в 1819 г. 24,2%)²⁶⁸. «Сандомирское воеводство, расположенное между двумя сплавными реками — Вислой и Пилицей, богато всеми видами зерна: пшеницей (издавна славившейся за границей), рожью, ячменем, овсом, горохом; во многих местах — льном и коноплей; в Опочинском, Радомском и частично в Опатовском обводах имеются богатые пастбища для содержания значительных стад любых видов скота; изобилует всеми плодовыми деревьями, лесами, шахтами железной руды...», — такую характеристику дал воеводству комиссар в 1825 г.²⁶⁹

Действительно, природные условия для развития сельского хозяйства в воеводстве были очень хорошими, но по размерам посевов, урожайности, поголовью рабочего скота оно занимало одно из последних мест. Культура земледелия была низкой. За 1815—1830 гг. состояние сельского хозяйства мало изменилось.

По структуре крестьянского населения воеводство приближалось к Люблинскому и Подлясскому. В его пределах жило мало колонистов (251 глава семьи) и чиншевиков (345 глав семей)²⁷⁰. Крестьян-рольников в 1827 г. было гораздо меньше, чем крестьян, лишенных земли. По сравнению с 1810 г. число рольников сократилось на 1%, причем это сокращение не шло за счет увеличения числа чиншевиков. В годовом отчете воеводской комиссии за 1828 г. говорилось: «В здешнем воеводстве мало крестьян, имеющих наследственное право собственности на землю. Крестьянин-рольник в Сандомирском воеводстве повсеместно является только арендатором, имеет землю и различный тяглый скот, необходимый для обработки

земли, предоставленной ему помещиком, который остается земельным собственником; кроме того, халузу и другие хозяйственные постройки дает ему помещик за свой счет, и за это крестьянин обрабатывает барщину»²⁷¹.

Зерно не находило сбыта. Традиционные культуры — лен и коноплю сеяли только для собственных нужд, поскольку экспортировать из воеводства их было некуда, местной же промышленности не было. «Выращивание льна и конопли, — говорилось в годовом отчете за 1826 г., — всегда было и остается частью земледельческого хозяйства, однако его нельзя было совершенствовать, так как при отсутствии ткачей оно не составляло никакой отрасли торговли в Сандомирском воеводстве и ограничивалось удовлетворением насущных потребностей земледельца»²⁷².

Основным источником дохода помещичьих хозяйств стало животноводство. Уже в 1823 г. почти во всех крупных имениях были большие стада овец²⁷³. Однако слабое развитие текстильной промышленности в воеводстве лишало владельцев стад перспективы роста доходов. По этому поводу выражала сожаление воеводская комиссия в 1830 г.²⁷⁴ Многие крестьянские хозяйства занимались разведением крупного рогатого скота, правда, стад племенного скота почти не было. Несмотря на то, что скотоводство было одним из основных занятий крестьянства, сена в воеводстве собирали меньше, чем во всех остальных²⁷⁵. Племенное коневодство, которое в начале века являлось одной из статей дохода фольварков²⁷⁶, восстановить не удалось. Породистых лошадей реквизируют для нужд армии в 1809 г., трудности с продажей лошадей в первые годы Королевства Польского помешали восстановлению прежнего положения. В 1830 г. воеводская комиссия сообщала о том, что из-за отсутствия торговли лошадьми коневодство находится «в упадочном состоянии»²⁷⁷.

Итак, по уровню развития сельского хозяйства Сандомирское воеводство отставало, по структуре крестьянского населения не отличалось от других юго-восточных воеводств. Там почти не было богатых фольварков, вступивших на путь экономических преобразований. В большей степени, чем в других, в воеводстве было развито животноводство.

Краковское воеводство (площадь 19 316 миль, пахот-

ных земель в 1819 г. 27,6%)²⁷⁸. Природные условия для развития земледелия и животноводства были хорошими за счет плодородных лугов, дававших много сена.

Среди крестьянского населения воеводства преобладали барщинные крестьяне. Чиншевиков было немного, а колонистов почти не было (67 глав семей в 1827 г.)²⁷⁹. Помещичьи фольварки, используя преимущественно барщинный труд, вели хозяйство рутинно.

Дальнее расстояние от северных рынков сбыта и невозможность вывозить, как прежде, зерно на краковские торги, а также в венгерские, моравские и немецкие земли²⁸⁰ лишали земледельцев воеводства возможности реализовать свои продукты. К этому следует добавить, что помещики, имея большие участки земли, не видели необходимости в интенсификации хозяйств. Земля не представляла товарной ценности, да и финансовые возможности помещиков были весьма ограничены.

Подобная ситуация была выразительно описана в годовом отчете воеводской комиссии за 1819 г.: «Обширные нивы, находящиеся во владении помещиков, не удобряемые и плохо обрабатываемые, если и дадут несколько зерен после годичного отдыха (который служит единственным удобрением), то это называется урожаем... эта же самая обширность нив задерживает прогресс воспроизводства на крестьянских землях, ибо рольник постоянно отвлекается то к выполнению тяглой барщины, то вынужден к найму, и неограниченному; небольшой участок земли, полученный от владельца взамен за труд, он не в состоянии обработать так, как это требуется для получения обильных хлебов»²⁸¹. В 1827 г. урожайность на землях Краковского воеводства по-прежнему была крайне низкой: сам=2,4 озимых и сам=3,1 яровых²⁸². К 1830 г. положение в земледелии не улучшилось²⁸³.

Помещики искали выход в развитии винокурения, особенно в Олькушском обводе²⁸⁴. Некоторых успехов достигло животноводство. В нескольких имениях завели табуны породистых лошадей. Продавали их на специальных вальных ярмарках в Енджееве, которые устраивались два раза в год²⁸⁵. Наиболее выгодной отраслью животноводства было овцеводство. В середине 20-х годов некоторые помещики завели стада в несколько сот овец²⁸⁶.

Краковское воеводство по структуре крестьянского населения и уровню сельскохозяйственной культуры примы-

кало к другим юго-восточным воеводствам. Фольварк не был форпостом передового хозяйства. Основным видом труда был барщинный.

Таким образом, юго-восточная часть Королевства Польского стояла ниже по уровню земледельческой культуры, фольварк там не играл такой решающей роли, как на северо-западе. Процесс перехода рольников в разряд безземельных крестьян находился в самом начале. Крестьяне в этих воеводствах имели большие участки земли и обрабатывали тяглую барщину. В восточных воеводствах сохранилось много мелкой шляхты, по своему экономическому положению и способам ведения хозяйства не отличающейся от крестьянства. Возможности денежной реализации сельскохозяйственных продуктов на юго-востоке страны были еще меньшими из-за того, что промышленность в основном была сосредоточена на западе, а экспорт был затруднен расстоянием.

Еще в анкетах 1814 г. помещики юго-восточных воеводств не возражали против перехода на чиншево-денежную или чиншево-продуктовую систему. Они высказывались за сохранение двойной собственности на крестьянские земли и не стремились к сгону крестьян с земли. Помещики предлагали правительству урегулировать отношения между ними и крестьянами, определить крестьянские повинности, ограничить барщину или заменить ее чиншем, а также предоставить крестьянам наследственную аренду или собственность на обрабатываемые земли. В анкетах говорилось о необходимости улучшить положение крестьян в национальных имениях²⁸⁷.

*

В 1815—1830 гг. Королевство Польское оставалось аграрной страной. Эволюция сельского хозяйства по капиталистическому пути только начиналась. Помещичьи фольварки сохранили господствующее положение, помещики оставались почти единственными собственниками земли, основная масса — крестьяне — прав собственности на землю не имели. Преобладающей формой феодальной ренты оставалась барщина. Уровень сельскохозяйственной культуры был низким, преобладало трехполье, урожайность была мизерной, земли не удобрялись, посев кормовых трав не получил широкого распространения.

Среди крестьянских хозяйств преобладало полунатуральное хозяйство. Подавляющему большинству крестьян зерна не хватало до весны. В лучшем случае зерно имелось до нового урожая, но на продажу не оставалось. Тяжелое положение, в котором оказалось сельское хозяйство Королевства Польского в первый период его существования, усугублялось огромной ипотечной задолженностью помещиков и затрудненными возможностями сбыта сельскохозяйственных продуктов. Во второй половине 20-х годов развивающаяся текстильная промышленность стимулировала развитие животноводства.

Однако было бы неверно не видеть эволюции наметившегося прогресса в развитии сельского хозяйства. Полтора десятка лет — слишком малый период для коренных перемен. И тем не менее в это время определилась тенденция, свидетельствующая о начавшемся капиталистическом преобразовании сельского хозяйства. Тенденция, которая укреплялась все больше и больше и которая была характерна главным образом для северо-западных воеводств. Если брать средние показатели по Королевству Польскому, то они свидетельствуют о незначительном прогрессе сельского хозяйства. Но если взять северо-запад страны, особенно Калишское и Мазовецкое воеводства, картина резко изменится. Особенности развития сельского хозяйства северо-западной и юго-восточной частей страны подтверждают вывод польского исследователя В. Кули о том, что правобережная и левобережная части Королевства Польского — это два разных мира²⁸⁸.

Капиталистический прогресс коснулся крупных фольварков западных воеводств. Их владельцы ввели севооборот, применяли сельскохозяйственные машины и усовершенствованный инвентарь, сеяли кормовые травы, занимались племенным животноводством. Все большее распространение приобретало применение наемного труда в сельском хозяйстве. Этому способствовали очиншевание крестьян (и не только в национальных имениях) и их сгоны с земли, а также колонизация.

Довольно широко был распространен на западе страны процесс перехода земельных крестьян в разряд безземельных. Уровень культуры обработки земли был несколько выше в северо-западных воеводствах, так как усовершенствования методов обработки земли вносили, помимо помещиков, крестьяне-колонисты. Наконец, се-

веро-западная часть польских земель исторически была более развита в промышленном отношении. Промышленность на этих землях была раньше восстановлена и развивалась быстрее, чем в других районах Королевства Польского. Промышленность стимулировала развитие сельского хозяйства и способствовала увеличению капиталовложений в него.

Кроме того, в Мазовецком воеводстве была расположена столица — административный и военный центр, благодаря которому возрастала возможность денежной реализации сельскохозяйственной продукции. Близость к западным границам облегчала иммиграцию колонистов.

Формирование внутреннего рынка

«Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность»²⁸⁹, — указывал В. И. Ленин, — а основой товарного хозяйства является общественное разделение труда.

Рассматриваемый период в полтора десятка лет весьма невелик, но он ознаменовался серьезными переменами в области развития промышленности и процесса разделения труда, а также занял определенное место в процессе генезиса капитализма на польских землях. Поскольку «степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»²⁹⁰, а 1815—1830 гг. в истории Королевства Польского означали скачок в развитии промышленности, подготовивший условия для промышленного переворота, а затем и господства капиталистического способа производства, постольку сдвиги в социально-экономической структуре означали дальнейшее развитие товарно-денежных отношений и определяли эволюцию внутреннего рынка. Все это дает основание для анализа внутреннего развития рынка на данном отрезке времени.

Местные рынки в результате общественного разделения труда и развития на его основе торговых и экономических связей между отдельными районами объединяются, образуя единый национальный рынок. Этот процесс укрепления взаимосвязи местных рынков, который разви-

вался на польских землях в связи с разложением феодальных отношений и зарождением капиталистических элементов во второй половине XVIII в., был насильно разрушен раздлами. Государственные и таможенные границы препятствовали восстановлению естественных товарооборотов между польскими областями, вошедшими в состав разных государств. В. Куля отмечал, что «...разделы не только уничтожили самостоятельное польское государство, они также, несомненно, частично разорвали и во всяком случае затруднили складывающиеся экономические связи между отдельными частями польской территории, включая каждую из них в состав иного государства, особенно после 1815 г.»²⁹¹.

Однако разделы не могли остановить социально-экономических процессов, связанных с зарождением капиталистических элементов, способствовавших формированию внутреннего рынка. Не были полностью разорваны и экономические связи, объединявшие расчлененные польские земли²⁹². В данной работе мы опускаем вопрос о прочности экономических связей всех расчлененных польских областей. Речь пойдет о той тенденции в направлении укрепления торгово-экономических связей между отдельными районами Королевства Польского, которая была обусловлена растущим общественным и территориальным разделением труда и увеличением товарности производства.

Уровень товарного потребления в Королевстве Польском был намного ниже по сравнению с европейскими странами. Довольно высокой покупательной способностью, по мнению исследователей, обладали 10% населения страны: крупные землевладельцы, часть арендаторов магнатских и государственных имений, представители высшего духовенства, чиновничества и офицеров, численно меньшая группа богатого купечества²⁹³.

Попытаемся рассмотреть вопрос о том, какими новыми показателями характеризовался процесс развития внутреннего рынка в 1815—1830 гг., что свидетельствовало об общественном и территориальном разделении труда, что говорило об увеличении товарности производства и укреплении торгово-экономических связей между районами.

Общественное разделение труда и спрос на внутреннем рынке. Общественное разделение труда — это прежде

всего разделение труда между городом и деревней. Промышленность, как уже говорилось, в 20-е годы XIX в. становится самостоятельной отраслью народного хозяйства Королевства Польского. Развитие промышленности имело большое значение для увеличения емкости внутреннего рынка, для роста обмена товарами между городом и деревней. Распространение мануфактур увеличивало численность неземледельческого населения, обращающегося к рынку для удовлетворения своих жизненно необходимых потребностей.

Сравнительно быстрый рост неземледельческого населения вызывался не только обезземеливанием крестьянства, но и привлечением иммигрантов-ремесленников и предпринимателей. В связи с ростом общественного разделения труда доля потребностей, которые отдельный человек удовлетворял за счет собственного домашнего хозяйства, уменьшалась. Постоянно увеличивался ассортимент товаров, для приобретения которых потребитель обращался на рынок. Об этом наглядно свидетельствуют данные о размере доходов казны по такой статье, как консомационная, т. е. потребительская пошлина за 1821—1827 гг.

*Поступления в казну от налогообложения потребительских товаров*²⁹⁴

	1821 г.	1822 г.	1826 г.	
В городах (в млн. злотых)	3,56	4,96	5,10	
В деревнях (в тыс. злотых)	3,94	2,74	3,01	
	1824 г.	1825 г.	1826 г.	1827 г.
В городах (в млн. злотых)	5,49	5,99	6,70	7,04
В деревнях (в тыс. злотых)	2,80	3,20	4,06	4,41

Консомационная пошлина взималась с купцов, продающих в пределах страны товары, производство и торговля которыми не являлись государственной монополией. Рост объема размеров уплаченной пошлины говорил об увеличении объема покупаемых товаров. С 1821 по 1827 г. включительно потребительская пошлина увеличилась вдвое. Это объяснялось как значительным ростом неземледельческого населения в городах, так и возросшей покупательной способностью городского населения,

тем, что возросли денежные заработки горожан, особенно жителей промышленных городов и местечек. К концу 20-х годов появляются иные, кроме Варшавы, центры сбыта продовольственных товаров.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что увеличение потребления шло неравномерно. С 1821 по 1822 г. размер собранной пошлины увеличился почти на 1 млн. 400 тыс. злотых, с 1822 по 1823 — на 137 тыс., с 1823 по 1824 — на 390 тыс., с 1824 по 1825 — на 500 тыс., с 1825 по 1826 — на 700 тыс., с 1826 по 1827 г. — на 340 тыс. Таким образом, резко увеличился уровень потребления товарной продукции с 1821 по 1822 г. В последующие годы темпы прироста снизились, но в целом из года в год уровень потребления покупных товаров в городах поднимался.

Размер потребительской пошлины в деревнях с 1821 по 1827 г. почти не увеличился. Были годы (1823, 1824), когда он понижался. Только в 1826 и 1827 гг. заметно небольшое увеличение. Пошлина в 1826 г. по сравнению с предшествующим увеличилась на 850 злотых, в 1827 г. — на 350 злотых. Сравнительно небольшой размер потребительской пошлины в деревнях был показателем низкого уровня потребления товаров сельским населением.

Углубление процесса общественного разделения труда проявлялось в создании новых отраслей промышленности, в частности хлопчатобумажной. Дешевые хлопчатобумажные изделия, которые не были предметом экспорта и шли исключительно на внутренний рынок, уже к концу 20-х годов начали вытеснять более дорогие льняные и даже шерстяные. Однако емкость внутреннего рынка для хлопчатобумажных изделий была очень невелика, так как их покупали почти исключительно горожане. Причем не просто горожане, а городские жители, не связанные с землей. Сельские жители обеспечивали себя грубыми льняными тканями собственного изготовления. Поэтому хлопчатобумажные ткани легче было продать в Варшаве, чем даже в таком промышленном поселке, как Лодзь²⁹⁵. Низкая покупательная способность населения мелких местечек сказывалась также в том, что хлопчатобумажные изделия в то время были еще сезонным товаром, они почти не находили сбыта зимой²⁹⁶.

Рост общественного разделения труда в земледелии проявлялся в наметившейся специализации отдельных по-

мещичьих и крестьянских хозяйств. В 20-х, особенно во второй половине 20-х годов, часть их переходит от зерноводства к животноводству, преимущественно к овцеводству, специализируясь на продаже шерсти. Таким образом они втягиваются в товарное обращение. Товарный характер приобретают крестьянские хозяйства, специализирующиеся на выращивании таких технических культур, как лен и конопля. Для нужд текстильной промышленности поощрялось выращивание специальных растений, из которых изготавливали красители.

Потребность в изготовлении собственных красителей, которые по высокой цене закупались за границей, была столь насущной, что польские власти поощряли крестьян, занимавшихся их разведением. В 1825 г. Правительственная комиссия финансов добилась изменения некоторых статей таможенного тарифа. Был увеличен сбор за импорт в Королевство Польское растений, из которых делали красители: чертополоха, вайны, марены²⁹⁷. Товарность крестьянских хозяйств находилась в прямой зависимости также от расширения площадей, засаживаемых картофелем, который становится одним из основных источников питания и товарной культурой.

О росте товарности сельского хозяйства говорят следующие данные: экспорт четырех основных видов зерна — пшеницы, ржи, ячменя и овса составлял: в 1821 г. — 462 000 корец²⁹⁸, в 1826 г. — 616 269²⁹⁹, в 1829 г. — 875 000 корец³⁰⁰ при одновременном увеличении торговых оборотов внутри страны. Постоянно возрастала товарность животноводства, оживлялась внутренняя и внешняя торговля шерстью и скотом.

Специализация сельского хозяйства имела меньшее значение для развития внутреннего рынка, чем специализация промышленности. Развитие специализированного животноводческого производства, производство технических культур, картофеля, товарного зерна не вело к расширению обмена внутри самого сельского хозяйства, поскольку специализированные производства, существуя внутри фольварков и крестьянских хозяйств, не выделялись в отдельные, строго отграниченные от других. Специализированное производство образовывалось в рамках помещичьего имения или крестьянского хозяйства, которое обеспечивало себя всеми необходимыми сельскохозяйственными продуктами. И, несмотря на это, специа-

лизация была ориентирована всегда на рынок, на увеличение общего объема товарной продукции.

Общественное разделение труда было условием роста спроса на товары. Попробуем представить себе, кто был потребителем товарной продукции в Королевстве Польском в 20-х годах XIX в.

Во-первых, государство являлось организованным потребителем товаров для армии. Государство покупало сукно и льняное полотно, обувь, муку и хлеб, другие продукты питания, овес и сено, сбрую и др. На государственном рынке были ориентированы промышленное и ремесленное производство и фольварочные хозяйства.

Во-вторых, уже упоминавшиеся 10% населения, наиболее зажиточные слои, узкий круг элиты. Часть своих запросов они удовлетворяли на внешнем рынке.

В-третьих, от рынка зависели чиновники и служащие всех рангов, представители свободных профессий, наемные рабочие, городские низы. Они нуждались в продуктах питания, тканях, стройматериалах, домашней утвари и т. п. Рост городов увеличивал слой потребителей покупных предметов.

В-четвертых, значительно расширилась сфера производственного потребления. Мануфактуры и первые фабрики нуждались в оборудовании и сырье, особенно большой спрос был на шерсть и металл. Фольварки представляли ограниченный рынок потребления сельскохозяйственных машин (их спрос исчислялся несколькими десятками машин в год) и сельскохозяйственного инвентаря.

В-пятых, расширявшиеся масштабы государственных и общественных работ: строительство каналов, прокладка новых дорог, укрепление набережных, мощение тротуаров, строительство общественных зданий и т. п. постоянно увеличивали спрос на лес, камень, кирпич, инструменты.

В-шестых, крестьяне покупали сельскохозяйственный инвентарь, хлопчатобумажные ткани, домашнюю утварь.

Таким образом, в рассматриваемый период существовал уже довольно емкий рынок сбыта для товарной продукции сельского хозяйства, хлопчатобумажной и шерстяной промышленности, ремесленного производства, для производственного потребления.

Еще один дополнительный фактор влиял на увеличение товарной продукции — необходимость выхода налогоплательщика на рынок за деньгами. Необходимость изыскания денежных средств на оплату чинша и податей делает крестьянина товаропроизводителем.

В рассматриваемый период начинает создаваться рынок рабочей силы. Происходит миграция наемных рабочих из деревень в города и промышленные поселки в пределах Королевства Польского, в основном с юго-востока на северо-запад, т. е. идет процесс формирования рынка рабочей силы в его начальной стадии.

Подведем краткие итоги. В 1815—1830 гг. город, особенно промышленный центр, являлся наиболее развитым рынком сбыта, в меньшей степени рынком был помещичий фольварк, еще меньше — крестьянское хозяйство.

Производственные возможности мануфактур, ремесленных мастерских, овцеводческих хозяйств превышали возможности внутреннего рынка. И, наоборот, потребности в машинах и производственном оборудовании для промышленности и сельского хозяйства, предметах роскоши и высококачественных изделиях для 10% населения внутреннего рынка не был в состоянии удовлетворить.

Территориальное разделение труда. Экономические особенности различных районов (воеводств) Королевства Польского в феодальную эпоху определялись в основном природными условиями и географическим положением: плодородием почв, площадью лесного покрова, богатством недр, близостью к морскому побережью или большим судоходным рекам и т. п. С конца XVIII в. на экономическом облике воеводств все в большей степени стали сказываться социальные моменты. Районы северо-запада, отошедшие к Пруссии, испытали на себе влияние более развитой в экономическом отношении системы. На этих территориях шел более интенсивный процесс развития элементов капитализма в сельском хозяйстве. Аграрные структуры северо-западных воеводств — Калишского, Мазовецкого и Плоцкого к 20-м годам XIX в. уже начали трансформацию по капиталистическому пути. Более бурными темпами шло и развитие промышленности в северо-западных воеводствах. Именно потому, что там была подготовлена почва, в Калишском и Мазовецком воеводствах протекционистская политика правительства, защита

и поддержка развития отечественной промышленности достигли наибольшего эффекта.

Юго-восточная часть Королевства Польского, ранее входившая в состав Австрийской империи, отстававшей от Пруссии по темпам развития капитализма, в большей неприкосновенности сохранила феодальные отношения. При сопоставлении, допустим, Калишского воеводства и Люблинского сравнение оказывается в пользу первого не только по уровню развития промышленности, но и по урожайности и эффективности сельскохозяйственного производства. При данном сравнении становится очевидным, что благоприятные природные условия (а в Люблинском воеводстве были самые плодородные земли в Королевстве Польском) не могли обеспечивать сравнительно высокого уровня земледелия при сохранении старых феодальных производственных отношений. Даже за такой краткий период, каким является изучаемый отрезок времени (1815—1830 гг.), диспропорции в развитии северо-западных и юго-восточных воеводств Королевства Польского значительно увеличились.

Региональные особенности в экономическом развитии северо-западных и юго-восточных воеводств к 30-м годам XIX в. соответствовали начальной стадии развития капиталистических отношений в Королевстве Польском в данный период.

Краковское и Сандомирское воеводства развивались как центры горнорудной промышленности. Новым по сравнению с периодом до 1815 г. в этой отрасли было появление мануфактур и первых фабрик, а также освоение Домбровского каменноугольного бассейна.

Калишское и Мазовецкое воеводства оформились как центры текстильной промышленности. Новым в развитии текстильного производства было основание крупных мануфактур и первых фабрик и образование нового промышленного района, ставшего впоследствии центром хлопчатобумажного производства.

«Территориальное разделение труда, — писал В. И. Ленин, — составляет характерную черту... мануфактуры...; мелкие промыслы не вырабатывали таких широких районов, фабрика нарушила их замкнутость и облегчила перенесение в другие места заведений и масс рабочих. Мануфактура не только создает сплошные районы, но и вводит специализацию внутри таких районов (пото-

варное разделение труда). Наличие сырья в данной местности — отнюдь не обязательна для мануфактуры и вряд ли даже обычна для нее, ибо мануфактура предполагает уже довольно широкие торговые сношения»³⁰¹.

Сосредоточение центров развитой текстильной промышленности в западной части Королевства Польского повлекло за собой миграцию в Калишское и Мазовецкое воеводства ремесленников и безземельных крестьян. Эти потоки не имели встречных. Миграция на запад укрепляла там города и промышленные местечки и благодаря притоку неземледельческого населения расширяла емкость внутреннего рынка вообще.

Ремесло и домашние промыслы, ограниченные узкими местными рамками, удерживали крестьянские хозяйства в состоянии, близком к полунатуральному. Крестьяне еще редко обращались к рынку. Однако, несмотря на преобладание мелкотоварного производства, распространение мануфактур стало одним из решающих факторов территориального разделения труда.

Воеводства различались по уровню развития сельского хозяйства. Впереди стояли Калишское и Мазовецкое воеводства, затем — Плоцкое, Краковское и Подляское, наиболее отсталыми были Августовское, Люблинское и Сандомирское. В 1815—1830 гг. тенденция развития этих воеводств была такова, что она закрепляла еще большую отсталость тех воеводств, где оставались совершенно неприкосновенными и агрокультура и техника обработки земли. В таких воеводствах, как Калишское и Мазовецкое, рутинность старинных систем полеводства была подорвана новыми методами.

Почвенно-климатические условия, определявшие урожайность земель в определенных областях, были причиной того, что центрами производства пшеницы на польских землях издавна были Краковское, Сандомирское, Люблинское и отчасти Плоцкое воеводства. Наиболее высокая урожайность пшеницы в этих воеводствах могла бы способствовать специализации этого района на товарном производстве пшеницы. До введения континентальной блокады Англии эти районы были центрами производства пшеницы на экспорт. После резкого падения возможностей сбыта хлеба и в связи с военными разрушениями земледелие в указанных, равно как и в остальных воеводствах пришло в упадок.

Теперь для доведения зернового хозяйства до должного уровня недостаточно было больших плантаций плодородной земли; экстенсивный метод ведения хозяйства уже не оправдывал себя. Решающим фактором в развитии земледелия становится интенсификация земледелия, правда, в очень ограниченных рамках. А именно юго-восточные воеводства были наиболее отсталыми по уровню организации и способам ведения сельского хозяйства. Поэтому эти воеводства не стали специализированными центрами зерноводства, снабжавшими пшеницей другие части страны. Конечно, плодородие почв играло положительную роль в развитии зерноводства в указанных воеводствах, но урожайность и там была низкой. На отсутствии оживленной внутренней торговли зерном сказывался отнюдь не только низкий уровень земледельческой культуры, но главным образом сохранение феодальных отношений. Отличие почвенно-климатических условий этих воеводств не идет в расчет при рассмотрении вопроса о территориальном разделение труда. В его основе лежит развитие мануфактур в 20-х годах.

Организация внутренней торговли. Организационные формы торговли в рассматриваемый период в основном мало отличались от того, как была организована торговля на польских землях накануне разделов, но появились и новые формы, говорящие о расширении местных рынков.

Торговля преимущественно была мелкотоварной, ограниченной сравнительно узкими местными рамками. Значительная часть торговых оборотов производилась на недельных торгах, ярмарках, в маленьких лавочках. Распространена была и торговля вразнос, главным образом в деревнях. Особенной популярностью пользовались еженедельные торги и местные ярмарки, на которых главными предметами купли-продажи были изделия местных ремесленников и сельскохозяйственные продукты, привозимые крестьянами из окрестных деревень. В Лодзи, например, было 12 ярмарочных дней в году, на которые собиралось до 3 тыс. человек³⁰², и каждое воскресенье проводились торги.

В различных частях страны, в зависимости от направления развития сельского хозяйства, проводились регулярные специализированные ярмарки. Важнейшей была июньская Свентояньская ярмарка шерсти в Варшаве. Во

Влодаве Подлясского воеводства были еженедельные торги и несколько годовых ярмарок по продаже волов, в Енджееве Краковского воеводства — по продаже породистых лошадей; в Ченстохове, Прашке, Верушове, Калише и Загурове — по продаже свиней. В Ловиче в день св. Матюша открывалась суконная ярмарка. Существовали и другие специализированные ярмарки.

В организации торговли начинают проявляться процессы, связанные с развитием элементов капиталистического уклада в экономике. Прежде всего происходит постепенная концентрация торговых оборотов в крупных городах. Ярмарки, организуемые в таких торговых центрах, находятся на привилегированном положении. Самой значительной из них была вальная ярмарка в Варшаве для иностранных купцов, организуемая два раза в год. Растущие обороты купцов на этих ярмарках, о которых можно судить по размерам таможенных сборов, указывали на рост покупательной способности населения и растущую товарность производства в Королевстве Польском.

Первая ярмарка, о которой еще не было известно многим купцам, принесла доход от таможенных сборов в сумме 145,5 тыс. злотых, вторая — 650 тыс. злотых³⁰³. После введения покровительственной таможенной системы на ярмарках стали торговать отечественными товарами, они превратились в торги по продаже всевозможной шерсти, главным образом тонкой. И тем не менее за четыре года (с 1820 по 1823 г.) только превышение предусмотренной бюджетом статьи дохода от таможенных сборов за товары, привезенные на варшавскую ярмарку, составило 2936 тыс. злотых³⁰⁴.

В конце XVIII — начале XIX в. были городки, в которых развивались ремесло и местная торговля. Такие пункты нередко служили местами обмена не только для окрестных деревень, но и соседних местечек. Некоторые городки существовали за счет торговли. Так, в Добре в 1817 г. жило 10 мелких торговцев, 14 сапожников, 48 портных, 12 скорняков, 5 позументчиков, 10 гончаров, 14 пекарей и много других ремесленников. В Серадзе в 1817 г. — 24 сапожника, 12 портных и 15 купцов, в том числе по торговле заграничным сукном. В Вольбуже в 1818 г. жило 34 сапожника³⁰⁵.

Ремесло жителей ряда городов носило товарный характер. Довольно значительными центрами торговли в

Калишском воеводстве были Калиш и Серадзь, в Мазовецком — Ленчица, Бжезины и Петркув, в Подлясском — Мендзыжец. Развитие текстильной промышленности явилось мощным толчком к превращению почти всех городов и осад Королевства Польского, имевших развитую текстильную промышленность, в центры оживленной торговли. Помимо отечественных купцов, покупавших товар в городах, а затем сбывавших его в сельской местности, охватывая большие территории, действовали и иностранные купцы, приезжавшие на крупные специализированные ярмарки. Р. Рембелинский сообщал, что уже в середине 1820 г. часть сукна, изготовляемого в Озоркове, покупал прибывший из России торговец³⁰⁶.

Развитие текстильной промышленности вызвало к жизни торговлю товарами, необходимыми текстильному производству, в частности красками, в значительно больших масштабах, чем раньше. В маленькой Лодзи, где 12 раз в году собирались ярмарки и каждое воскресенье проводились торги, в 1829 г. функционировали шесть постоянных торговых пунктов по розничной торговле красками, сукном, шерстью, хлопчатобумажным полотном (две лавки) и хлопчатобумажными и льняными товарами³⁰⁷. Правительство всячески поддерживало торговлю промышленными товарами. В конце 1825 г. наместник по инициативе Правительственной комиссии внутренних дел издал распоряжение, по которому тот, кто первым в промышленном городе соорудит хороший заездный дом, в котором могли бы удобно располагаться отечественные и заграничные купцы, на десять лет освобождался от поста³⁰⁸.

Распространение специализированных ярмарок, постепенное превращение растущих промышленных центров в места сосредоточения торговых оборотов вело к разрушению узких рамок локальных рынков, создавало основу для их слияния в единый рынок.

Одним из показателей развития внутренней и внешней торговли было совершенствование форм торговли, приближение их к нормам, характерным для капиталистического периода. Это в свою очередь являлось отражением растущей товарности производства. В 1817 г. в Варшаве открылась товарно-денежная биржа, основанная на средства купечества, оплачивавшего расходы по ее функционированию. Биржевые курсы печатались в

биржевых бюллетенях. В биржевых операциях принимали участие несколько десятков маклеров. Земское кредитное общество организовало выпуск закладных листов, которые имели хождение на бирже наравне с польскими казначейскими ассигнациями, русскими облигациями и пр.³⁰⁹ В крупных городах возникли купеческие и купеческо-промышленные организации. Крупные купцы и промышленники для проведения торговых операций получали субсидии Польского банка. Купеческие капиталы в 20-х годах увеличились в несколько раз.

Торговые связи между районами. Традиционные торгово-экономические связи между различными польскими землями были нарушены разделами. Краковское воеводство, граничащее с Австрией, полностью утратило свои прежние торговые связи. В несколько лучшем поначалу положении оказались пограничные с Пруссией воеводства, так как сохранялись прежние торговые пути, но развитию, а затем и сохранению контактов помешала таможенная война. Лучше всего сохранились внешние связи восточных воеводств с Россией, особенно Августовского воеводства с литовскими землями.

Разделы прервали естественный ход объединения местных рынков в единый общепольский. Но торгово-экономические связи, установившиеся между районами, вошедшими в состав Королевства Польского, сохранились и в рассматриваемый период получили дальнейшее развитие. Торгово-экономические связи обеспечивались спецификой спроса на рынках сбыта.

Заметный сдвиг в процессе разделения труда, вызванный развитием мануфактур, проникновение товарно-денежных отношений в деревню, усовершенствование организационных форм торговли — все эти моменты должны были способствовать развитию торгово-экономических связей между районами. С другой стороны, слабое развитие средств связи, трудности дальних перевозок, отсталый метод поддержания в порядке и строительства новых путей сообщения затрудняли эти связи. До появления железных дорог бездорожье часто было непреодолимой преградой для установления регулярных торговых контактов в течение всего года. Тем не менее наблюдались определенные сдвиги и в этом отношении.

Как уже упоминалось выше, административные власти Королевства Польского развитию средств коммуникации

уделяли достаточно много внимания. Строительство шести промышленно-торговых трактов и Брестско-Литовского шоссе улучшило связь во всех воеводствах.

К сожалению, мы не располагаем данными, характеризующими регулярность и устойчивость движения товаров, в частности зерна, шерсти и скота, экспортные и импортные особенности отдельных районов³¹⁰. Да и невозможно говорить о географии, например, хлебных перевозок, имея в виду такой краткий промежуток времени, как полтора десятилетия. К тому же это был период ломки старых, традиционных связей и определения новых направлений в условиях нарушения традиционных внешнеторговых связей. Поэтому придется ограничиться лишь общим обзором торгово-экономических связей между воеводствами.

Варшава была торговым центром, связывавшим все воеводства, главным образом во время больших торгов и Свентояньских ярмарок. Из материалов годовых отчетов воеводских комиссий видно, что в Варшаву привозили товары жители всех воеводств Королевства Польского. Из Августовского воеводства привозили на продажу льняное полотно, сермяжное сукно, а из Ложминского обвода этого воеводства — зерно и шерсть³¹¹. Из Подлясского воеводства в Варшаву продавали полотно, шерсть, пряжу, зерно³¹². Особенно большое значение в оживлении торговых связей с Варшавой во время варшавских ярмарок имело Брестско-Литовское шоссе. По мнению воеводской комиссии, участие купцов Подлясского воеводства в ярмарочной торговле в Варшаву улучшало снабжение населения потребительскими товарами³¹³.

Из Сандомирского воеводства в Варшаву привозили зерно, железо, кожи, стамбульские трубки, фаянсовые изделия³¹⁴, из Краковского — зерно, кожи³¹⁵, из Плоцкого — зерно и скот³¹⁶. Из Калишского воеводства на варшавские ярмарки привозили тонкое полотно и другие мануфактурные изделия. Торговые связи с Варшавой были регулярными. Связи между воеводствами по тем сведениям, которыми мы располагаем, представляются более спорядическими, обусловленными не столько запросами районов-потребителей, сколько интересами поставщиков. Из Подлясского воеводства во второй половине 20-х годов в соседние — Мазовецкое, Сандомирское и Люблинское — продавали шерсть, полотно, волов, зерно. Из Мазовецкого

воеводства вывозили товары в Плоцкое и Подляское. Из Краковского воеводства в конце 20-х годов зерно возили на продажу во Влоцлавек, где был организован правительственный склад для хранения зерна и других сельскохозяйственных товаров.

Приведенные данные отрывочны и неполны. Однако они указывают направление торгового обмена. Варшава была торговым центром в масштабе всего Королевства Польского. Прослеживается движение товаров, главным образом сельскохозяйственных, с юго-востока на запад. Оживлению торговых сношений содействовали улучшенные торговые пути, а также правительственные меры по организации торговли (склады для хранения зерна, субсидии и т. п.).

Внутренней сущностью понятия «рынок» являются торгово-экономические связи. Определенная структура цен складывается в результате торгово-экономических связей, существующих между отдельными районами. Пространственная структура цен может быть охарактеризована двумя показателями: степенью согласованности колебаний цен на местных рынках и степенью однородности этих цен³¹⁷. В первой трети XIX в. товарами, имевшими хождение в пределах всей страны, были зерно и шерсть. Именно эти два товара определяли степень прочности торгово-экономических связей между районами.

Цены на зерно в Королевстве Польском складывались под сильным воздействием экспортных условий. Потребности внутреннего рынка играли сравнительно небольшую роль. Из внутренних условий на формирование цен на внутреннем рынке оказывали воздействие близость крупных промышленных центров и урожай. Постоянно действующим фактором были погодные условия, состояние путей сообщения.

Итак, цены колебались в зависимости от условий экспорта, от времени года, от местоположения воеводства или данного пункта, от урожая. Польский исследователь Ч. Стшешевский подробно изучил среднегодовые и среднемесячные цены по воеводствам, а в отдельных случаях — по уездам и даже отдельным городам Королевства Польского и опубликовал соответствующие таблицы. Пользуясь ими, можно рассмотреть особенности колебаний. Экспортные цены влияли главным образом на складывание цен на пшеницу — основную экспортную куль-

туру. Поэтому в Мазовецком воеводстве, имевшем лучшие условия для экспорта своих товаров, цены на пшеницу были наиболее высокими, а в Люблинском, имевшем затрудненный доступ к внешним зерновым рынкам, — самые низкие³¹⁸.

Цены на рожь, шедшую в основном на внутреннее потребление, в большей степени зависели от местных условий. Например, в Ленчице, промышленном центре, где постоянно был большой спрос на рожь, колебания сезонных цен были небольшими³¹⁹. Месячные цены в местах, куда был затруднен проезд, колебались от 5 до 75%³²⁰. В среднем по воеводствам среднегодовые колебания цен на рожь были относительно синхронны. В 1824, урожайном, году цены на рожь во всех воеводствах были ниже, чем в другие годы³²¹. После засушливого 1825 г. в 1826 г. цены несколько повысились³²².

Повышение цен на рожь по воеводствам наблюдается также в 1828 г.³²³, что, видимо, было связано не только с внутренними условиями, но и с возросшим экспортом ржи. Об этом, в частности, писали местные власти³²⁴. Таким образом, можно сделать вывод о том, что колебания цен на местных рынках характеризовались определенной согласованностью. Что касается однородности цен, то можно рассмотреть цены на рожь по воеводствам в разные годы. Средняя цена равнялась³²⁵: в 1820 г. — 9 злотых 27 грошей, в 1824 г. — 5 злотых 25 грошей, в 1828 г. — 10 злотых 11 грошей.

Сравним среднюю цену с ценами в различных воеводствах (за исключением Мазовецкого, наличие в котором Варшавы ставило его в исключительные условия)³²⁶: в 1820 г. самая высокая цена — в Калишском — 10 злотых 22 гроша, самая низкая — в Краковском — 8 злотых 12 грошей; в 1824 г. самая высокая — в Люблинском — 6 злотых, самая низкая — в Плоцком — 4 злотых 23 гроша; в 1828 г. — самая высокая — в Краковском — 11 злотых 4 гроша, самая низкая — в Подляском — 9 злотых 5 грошей. Таким образом, цены на рожь по воеводствам были сравнительно однородны.

Разумеется, нельзя говорить о наличии в Королевстве Польском сложившейся структуры цен, которая бы отражала оформление внутреннего рынка, но определенный сдвиг в этом направлении произошел. Согласованность в движении местных хлебных цен еще не была отражением

тесных торгово-экономических связей между районами, когда намечается такое разделение труда между ними, когда происходят регулярные перевозки хлеба из районов, производящих хлеб в избытке, в районы, испытывающие его недостаток. Однако наметилась определенная закономерность в направлении хлебных перевозок внутри и между воеводствами.

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 728.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 767.
- ³ Kołodziejczyk R. Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim (1815—1850). Warszawa, 1957, s. 110.
- ⁴ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 107.
- ⁵ Kosim J. Losy pewnej fortuny: Z dziejów burżuazji warszawskiej w latach 1807—1830. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972.
- ⁶ Kosim J. Losy..., s. 52.
- ⁷ Kosim J. Losy..., s. 192.
- ⁸ Kosim J. Losy..., s. 125.
- ⁹ Kosim J. Losy..., s. 163.
- ¹⁰ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 108.
- ¹¹ Куля В. Формирование капитализма в Польше. М., 1959, с. 87.
- ¹² Missalowa G. Studia nad powstaniem łódzkiego okręgu przemysłowego. Łódź, 1964, t. 1, s. 123.
- ¹³ Missalowa G. Studia..., s. 98.
- ¹⁴ Missalowa G. Studia..., s. 99.
- ¹⁵ AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 456.
- ¹⁶ Gąsiorowska N. Z dziejów przemysłu w Królestwie Polskim 1815—1918. Warszawa, 1965, s. 71.
- ¹⁷ Rzepniewska D. Imigracja do Warszawy osiedleńcy spoza Królestwa. — In: Społeczeństwo Królestwa Polskiego. Warszawa, 1965, t. 1, s. 132.
- ¹⁸ Gąsiorowska N. Z dziejów..., s. 72.
- ¹⁹ Gąsiorowska N. Z dziejów..., s. 74.
- ²⁰ Smiałowski J. Od narodzin do rozkwitu Łodzi przemysłowej. 1820—1870. Łódź, 1973, s. 5.
- ²¹ Gąsiorowska N. Z dziejów..., s. 82.
- ²² Gąsiorowska N. Z dziejów..., s. 78.
- ²³ Rynkowska A. Działalność gospodarcza władz Królestwa Polskiego na terenie Łodzi przemysłowej w latach 1821—1831. Łódź, 1951, s. 158.
- ²⁴ Rynkowska A. Działalność..., s. 161.
- ²⁵ AGAD, z. 1 RS, N 149, s. 49.
- ²⁶ Rynkowska A. Działalność..., s. 160.
- ²⁷ Wóycicki A. Dzieje rozwoju klasy robotniczej fabrycznej w Królestwie Polskim. Piotrogród, 1918, s. 126.
- ²⁸ Bajera K. Przemysł włókienniczy na ziemiach polskich od początku XIX w. do 1939 r. Łódź, 1958, s. 46.
- ²⁹ Bajera K. Przemysł..., s. 47.

- ³⁰ Kaczyńska E. Społeczeństwo i gospodarka północno-wschodnich ziem Królestwa Polskiego w okresie rozkwitu kapitalizmu. Warszawa, 1974, s. 85—86.
- ³¹ Bajera K. Przemysł..., s. 46.
- ³² Rutkowski J. Historia gospodarcza Polski. Poznań, 1950. T. II, s. 15.
- ³³ Strzeszewski Cz. Handel zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815—1830). Lublin, 1937, s. 137.
- ³⁴ Smolka S. Polityka Lubieckiego przed powstaniem listopadowym. Kraków, 1907, t. I, s. 194.
- ³⁵ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 154.
- ³⁶ Kieniewicz S. Historia Polski 1795—1918. Warszawa, 1969, s. 66.
- ³⁷ Zółtaszek J. Chałupniczy przemysł tkacki w okręgu łódzkim. — Ekonomista. Warszawa, 1928, t. I, s. 103.
- ³⁸ Missalowa G. Studia..., s. 85—86.
- ³⁹ Missalowa G. Studia..., s. 86.
- ⁴⁰ Gąsiorowska N. Z dziejów..., s. 94.
- ⁴¹ Missalowa G. Studia..., s. 86.
- ⁴² Kołodziejczyk R. Piotr Steinkeller: Kupiec i przemysłowiec 1799—1854. Warszawa, 1963, s. 32.
- ⁴³ Kołodziejczyk R. Kształtowanie..., s. 20.
- ⁴⁴ AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 276.
- ⁴⁵ Missalowa G. Studia..., s. 121.
- ⁴⁶ Rynkowska A. Działalność..., s. 133.
- ⁴⁷ Kowecka E. Farbiarstwo tekstylne na ziemiach polskich (1750—1870). Wrocław, 1963, s. 18—19.
- ⁴⁸ Runkowska A. Działalność... s. 200.
- ⁴⁹ AGAD, kanc. Nowos., N 625, s. 1.
- ⁵⁰ Kołodziejczyk R., Gradowski R. Zarys dziejów kapitalizmu w Polsce. Warszawa, 1974, s. 129.
- ⁵¹ Bajera K. Przemysł..., s. 80.
- ⁵² Bajera K. Przemysł..., s. 80.
- ⁵³ Bajera K. Przemysł..., s. 82.
- ⁵⁴ Lepkowski T. Przemysł warszawski u progu epoki kapitalistycznej (1815—1868). Warszawa, 1960, s. 15.
- ⁵⁵ Bajera K. Przemysł..., s. 84.
- ⁵⁶ Bajera K. Przemysł..., s. 76.
- ⁵⁷ Missalowa G. Studia..., s. 131.
- ⁵⁸ Missalowa G. Studia..., s. 137.
- ⁵⁹ Missalowa G. Studia..., s. 138.
- ⁶⁰ Missalowa G. Studia..., s. 139. В Мазовецком воеводстве в 1828 г. было ассортиментных машин — 362, веретен — 16 978; обычных машин — 1756, веретен — 68 715.
- ⁶¹ Missalowa G. Studia..., s. 146.
- ⁶² Missalowa G. Studia..., s. 157.
- ⁶³ Missalowa G. Studia..., s. 158.
- ⁶⁴ Bajera K. Przemysł..., s. 79.
- ⁶⁵ Missalowa G. Studia..., s. 161—164.
- ⁶⁶ Rynkowska A. Działalność..., s. 135.
- ⁶⁷ Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J. Historia gospodarcza Polski XIX i XX wieku. Warszawa, 1966, s. 125.
- ⁶⁸ Rutkowski J. Historia..., s. 97.
- ⁶⁹ Missalowa G. Studia..., s. 104.
- ⁷⁰ Missalowa G. Studia..., s. 104.

- 71 *Kołodziejczyk R. Kształtowanie...*, s. 20.
72 *Rynkowska A. Działalność...*, s. 147.
73 *Rynkowska A. Działalność...*, s. 147.
74 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 108.
75 *Kołodziejczyk R. Piotr Steinkeller...*, s. 45.
76 *Missalowa G. Studia...*, s. 166.
77 *Missalowa G. Studia...*, s. 166.
78 *Missalowa G. Studia...*, s. 156.
79 *Lepkowski T. Przemysł...*, s. 21.
80 *Missalowa G. Studia...*, s. 154.
81 AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 226—227.
82 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 90.
83 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 92.
84 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 211.
85 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 212.
86 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 323.
87 AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 88.
88 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 323.
89 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 326.
90 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 456.
91 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 298.
92 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 194.
93 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 523.
94 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 177.
95 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 188.
96 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 134.
97 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 227.
98 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 135.
99 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 227.
100 AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 63.
101 AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 64.
102 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 261.
103 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 327.
104 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 451.
105 AGAD, z. KRSWiP, N 7021, s. 16.
106 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 68.
107 *Bajer K. Przemysł...*, s. 70.
108 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 148.
109 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 409.
110 *Koszutski S. Rozwój przemysłu wielkiego w Królestwie Polskim.* Warszawa, 1901, s. 99.
111 *Bajer K. Przemysł...*, s. 70.
112 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 186—188.
113 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 211—212.
114 *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J. Historia...*, s. 128.
115 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 211.
116 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 258—259.
117 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 259.
118 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 247—248.
119 *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J. Historia...*, s. 129.
120 *Pazdur J. Zakłady metalowe w Białogonie 1614—1914.* Wrocław, 1957, s. 72.
121 *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J. Historia...*, s. 129.

- 122 *Pazdur J. Zakłady metalowe...*, s. 68—69.
123 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 236.
124 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 237.
125 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 237.
126 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 278.
127 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 333, 348, 351.
128 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 213.
129 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 312.
130 *Pazdur J. Zakłady metalowe...*, s. 90.
131 *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J. Historia...*, s. 129.
132 *Kołodziejczyk R., Gradowski R. Zarys...*, s. 135.
133 *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J. Historia...*, s. 129.
134 *Gąsiorowska N. Z dziejów...*, s. 279.
135 *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J. Historia...*, s. 130.
136 *Куля В. Формирование капитализма в Польше.* М., 1959, с. 64.
137 *Grzymałowski S., Chorzewski K. Produkcja maszyn i narzędzi rolniczych w Polsce w latach 1805—1918.* Wrocław, 1970, s. 198.
138 *Ihnatowicz I. Burżuazja Warszawska.* Warszawa, 1972, s. 84.
139 *Grzymałowski S., Chorzewski K. Produkcja...*, s. 198.
140 *Grzymałowski S., Chorzewski K. Produkcja...*, s. 198.
141 *Rożenowa H. Produkcja wódki i sprawa pijaństwa w Królestwie Polskim 1815—1863.* Warszawa, 1961, s. 77.
142 *Rożenowa H. Produkcja...*, s. 67.
143 *Rożenowa H. Produkcja...*, s. 61.
144 *Ihnatowicz I. Burżuazja...*, s. 86.
145 *Kołodziejczyk R. Kształtowanie...*, s. 36.
146 AGAD, z. KRSWiP, N 7024, s. 291.
147 AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 184—185.
148 *Kołodziejczyk R., Gradowski R. Zarys...*, s. 91.
149 *Zabko-Protopowicz. Stulecie działalności ziemiaństwa polskiego 1814—1914.* Warszawa, 1929, s. 19.
150 *Grabski W. Historia Towarzystwa Rolniczego.* Warszawa, 1904, t. I, s. 73.
151 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego.* Kraków, 1912, s. 66.
152 *Łiszkiewicz W. Problemat gospodarczego wzrostu w rolnictwie polskim w epoce 1822—1931.* — *Ekonomista*, 1933, 33, t. II, s. 81.
153 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 60—61.
154 *Урожайность зерновых культур в 20-х годах XIX в. в России, стоявшей на том же уровне развития сельского хозяйства, была примерно такой же. В среднем по зерновым урожай 1816—1820 гг. (в самах) равнялся 3,72; в 1821—1825 гг. — 3,25; в 1826—1828 гг. — 3,53 (Рахматуллин М. А. Хлебный рынок и цены в России в первой половине XIX в. — В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1970, с. 351).*
155 *Rożenowa H. Produkcja...*, s. 64.
156 *Bartyś J. Początki mechanizacji rolnictwa polskiego.* Wrocław — Warszawa — Kraków, 1966, s. 28.
157 *Bartyś J. Początki...*, s. 30—31.
158 *Grzymałowski S., Chorzewski K. Produkcja...*, s. 47, 114, 147, 182, 183, 186—189.
159 *Pazdur J. Zakłady metalowe...*, s. 92.
160 *Grodek A. O rozwoju kapitalizmu w rolnictwie Królestwa Polskiego*

- go. Uwagi krytyczne.— In: Historia gospodarcza Polski: VIII zjazd / Pod red. N. Gąsiorowskiej. Warszawa, 1960, s. 268.
- 161 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 94.
- 162 AGAD, z. 1RS, N 149, s. 47.
- 163 *Куля В. Формирование...*, с. 36—37.
- 164 *Grabski W. Historia Towarzystwa...*, s. 81.
- 165 *Grzymałowski S., Chorzewski K. Produkcja...*, s. 6—7.
- 166 *Rożenowa H. Produkcja...*, s. 67.
- 167 *Rożenowa H. Produkcja...*, s. 67. Средняя цена на пшеницу в 1820—1830 гг. колебалась от 13 злотых 10 грошей до 18 злотых 12 грошей; на рожь — от 8 злотых 15 грошей до 11 злотых 19 грошей за корец.
- 168 *Przyrembel Z. Historia cukrownictwa w Polsce. Warszawa, 1927, t. I, s. 118—127.*
- 169 AGAD, z. 1RS, N 149, s. 38.
- 170 *Grabski W. Historia wsi w Polsce. Warszawa, 1929, s. 288.*
- 171 Цит. по кн.: *Grynwasser H. Pisma. Wroc'aw, 1951, t. 2, s. 67.*
- 172 *Stankiewicz Z. Chłopska dzierżawa folwarków w dobrach skarbowych Królestwa Polskiego (1815—1864).— Przegląd Historyczny, 1972, t. 63 (LXIII), z. 1, s. 52—53.*
- 173 *Grabski W. Historia...*, s. 279.
- 174 *Meloch M. Sprawa włościańska w powstaniu listopadowym / Wyd. 3-e. Warszawa, 1953, s. 37.*
- 175 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 135.
- 176 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 112, 135.
- 177 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 94.
- 178 AGAD, z. 1RS, N 149, s. 47.
- 179 *Brodowska H. Towarzystwo Rolnicze Hrubieszowskie. Warszawa, 1956, s. 6.*
- 180 *Brodowska H. Towarzystwo...*, s. 64.
- 181 *Brodowska H. Towarzystwo...*, s. 68.
- 182 *Bratkowski S. Skąd przychodzimy?: Opowieści z drugiego kwadrantu. Warszawa, 1975, s. 83.*
- 183 *Brodowska H. Towarzystwo...*, s. 63.
- 184 См. с. 9 наст. книги.
- 185 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 53.
- 186 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 72.
- 187 AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 79—80.
- 188 AGAD, z. KRSWiP, N 7024, s. 213.
- 189 AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 272.
- 190 AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 358.
- 191 AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 360.
- 192 *Strzeszewski Cz. Kryzys rolniczy na ziemiach Księstwa Warszawskiego i Królestwa Kongresowego 1807—1830. Lublin, 1934, s. 64.*
- 193 AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 360.
- 194 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 62.
- 195 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 63.
- 196 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 232.
- 197 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 503.
- 198 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 94.
- 199 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 53.
- 200 AGAD, z. 1RS, N 149, s. 61.
- 201 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 94.
- 202 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 56—57.
- 203 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 62.
- 204 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 72.
- 205 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 53.
- 206 AGAD, z. KRSWiP, N 7021, s. 14.
- 207 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 11.
- 208 AGAD, z. KRSWiP, N 7021, s. 13.
- 209 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 55.
- 210 AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 487.
- 211 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 94.
- 212 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 114.
- 213 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 234—235.
- 214 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 65.
- 215 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 65.
- 216 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 271.
- 217 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 485.
- 218 AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 327.
- 219 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 56—57.
- 220 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 64.
- 221 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 65.
- 222 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 63.
- 223 AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 167.
- 224 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 270.
- 225 *Grynwasser H. Pisma. Warszawa, 1951, t. II, s. 65.*
- 226 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 66.
- 227 AGAD, z. KRSWiP, N 7021, s. 13.
- 228 *Missalowa G. Studia...*, s. 25.
- 229 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 53.
- 230 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 94.
- 231 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 123.
- 232 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 56—61.
- 233 AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 447.
- 234 AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 119.
- 235 AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 451.
- 236 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 267.
- 237 AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 119.
- 238 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 313.
- 239 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 434, N 7032, s. 156.
- 240 AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 416.
- 241 AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 155.
- 242 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 53.
- 243 AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 376.
- 244 AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 159.
- 245 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 437.
- 246 AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 370.
- 247 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 247.
- 248 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 310.
- 249 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 308.
- 250 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 53.
- 251 *Kirkor-Kiedroniowa Z. Włościanie...*, s. 81.
- 252 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 291.
- 253 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 521.
- 254 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 442.

- 255 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 81.
 256 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 56—57.
 257 AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 505.
 258 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 295—296.
 259 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 53.
 260 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 53.
 261 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 82.
 262 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 123.
 263 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 94.
 264 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 313; N 7032, s. 67.
 265 AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 59—60; N 7025, s. 220.
 266 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 186.
 267 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 94.
 268 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 53.
 269 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 6.
 270 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 94.
 271 AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 221.
 272 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 197.
 273 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 142.
 274 AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 62—63.
 275 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 62.
 276 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 140.
 277 AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 59.
 278 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 44, 53.
 279 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 94.
 280 AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 129.
 281 AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 124.
 282 *Kirkor-Kiedroniowa Z. W'oscianie...*, s. 60—61.
 283 AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 119.
 284 AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 125; N 7032, s. 293.
 285 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 407.
 286 AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 287.
 287 *Grynwaser H. Pisma*, s. 54.
 288 *Куля В. Формирование...*, с. 83.
 289 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 3, с. 21.
 290 Там же, с. 60.
 291 *Куля В. Формирование...*, с. 24.
 292 *Куля В. Формирование...*, с. 80.
 293 *Strzeszewski Cz. Handel...*, s. 18.
 294 AGAD, z. KRSWiP, N 1635. Приложение к письму Моравского из Варшавы к Любецкому в Петербург от 23.XI 1827 г.
 295 *Rynkowska A. Dzia'alnosc...*, s. 132.
 296 *Rynkowska A. Dzia'alnosc...*, s. 131.
 297 AGAD, z. 1RS, N 119, s. 8.
 298 *Strzeszewski Cz. Kryzys...*, s. 166.
 299 AGAD, z. 1RS, N 146, s. 52—53.
 300 *Strzeszewski Cz. Kryzys...*, s. 166.
 301 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 3, с. 431—432.
 302 *Rynkowska A. Dzia'alnosc...*, s. 132.
 303 AGAD, z. 1RS, N 122, s. 484.
 304 AGAD, z. 1RS, N 143, s. 163.
 305 *Missalowa G. Studia...*, s. 37.

- 306 *Missalowa G. Studia...*, s. 46.
 307 *Rynkowska A. Dzia'alnosc...*, s. 132.
 308 *Gasiorowska N. Z dziejow...*, s. 108.
 309 *Kostrowicka I., Landau Z., Tomaszewski J. Historia...*, s. 142.
 310 *Bobińska C. W sprawie rozwoju rynku wewnętrznego w XVIII w.: Uwagi o kompleksowej metodzie badań.— Kwartalnik Historyczny*, r. LXX, 1963, N 2, s. 443.
 311 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 270; N 7030, s. 456; N 7032, s. 169.
 312 AGAD, z. KRSWiP, N 7028, s. 296.
 313 AGAD, z. KRSWiP, N 7025, s. 203.
 314 AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 202; N 7029, s. 156—157.
 315 AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 120.
 316 AGAD, z. KRSWiP, N 7024, s. 249.
 317 *Миронов Б. Н., Степанов З. В. Историк и математика: (Математические методы в историческом исследовании)*. Л., 1975, с. 25.
 318 *Strzeszewski Cz. Kryzys...*, s. 43.
 319 *Strzeszewski Cz. Kryzys...*, s. 47.
 320 *Strzeszewski Cz. Kryzys...*, s. 45.
 321 *Strzeszewski Cz. Kryzys...*, s. 61.
 322 AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 485.
 323 *Strzeszewski Cz. Kryzys...*, s. 61.
 324 AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 358.
 325 *Strzeszewski Cz. Kryzys...*, s. 61.
 326 Если в среднем по Королевству Польскому в рассматриваемый период 100 жителей потребляли 70 корец ржи в год, то в Варшаве на 100 жителей приходилось 164,4 корца (*Strzeszewski Cz. Kryzys...*, s. 37).

Внешняя торговля. Торговые отношения с Россией

После образования Королевства Польского в составе Российской империи прежние, издавна существующие торгово-экономические отношения укрепляются и благодаря единым государственным границам, и в связи с нестабильностью внешнеторговых отношений с другими европейскими государствами.

На Венском конгрессе было принято решение о том, что всем частям бывшей Речи Посполитой будет предоставлен выход к морю: «Допустить навсегда самое неограниченное обращение всех произведений земли и промышленности в областях, составлявших Королевство Польское в 1772 г., и пошлины на привоз и вывоз сих произведений определять не выше 10% с цены»¹. В 1817 г. была заключена прусско-австрийская конвенция, в 1818 г. — австро-русская и прусско-русская. После этого Комиссии торговых и таможенных дел в Петербурге было поручено окончательное составление общего тарифа для Российской империи и Королевства Польского. Таможенный тариф и устав были составлены в конце 1819 г. и вступили в силу с 1 января 1820 г.

По соглашению с Пруссией и Австрией между этими государствами устанавливалась обычная таможенная граница. Согласно положениям венского трактата плата за транзит польских товаров была минимальной, а таможенные сборы предназначались на охрану и поддержание водных путей. По прусскому тарифу транзитная пошлина на пшеницу, рожь, ячмень, овес и горох колебалась от 1,5 до 3%² в зависимости от уровня хлебных цен на Гданьском рынке.

Кроме того, польские купцы не могли заключать непосредственных сделок с заморскими купцами, а должны были пользоваться услугами прусских подданных. С 1820 г. Королевство Польское было включено в систе-

му русских таможенных границ. Такова формальная сторона истории торгово-таможенных отношений Королевства Польского в первые годы его существования. Конвенции заключали представители суверенных государств, но польские чиновники принимали активное участие в выработке проектов. За 1815—1830 гг. внешнеторговая и таможенная политика Королевства Польского прошла три этапа: свободной торговли, таможенной унии с Россией и протекционизма.

Принцип свободной торговли. В 1816—1818 гг., пока шли длительные переговоры по урегулированию таможенных отношений с соседними странами, одной из основных забот польского правительства была организация варшавских ярмарок. Решение о проведении европейских ярмарок в Варшаве дважды в год, весной и осенью, было объявлено наместником 11 февраля 1817 г. Правительственная комиссия внутренних дел и полиции вместе с Варшавским муниципалитетом занялась их подготовкой: была учреждена биржа, подобраны маклеры, создано таможенное управление ярмарки и специальный судебный отдел, «чтобы иностранных купцов привлечь свободой и безопасностью»³.

Одновременно представители польских властей обратились к царю с просьбой содействовать поощрению иностранных и русских купцов, направляющихся на ярмарку в Варшаву. В частности, министр статс-секретарь Королевства Польского Соболевский добивался изменения действующего тарифа 1816 г. о порядке провоза в Российскую империю товаров сухопутным и морским путями. По существующему правилу все колониальные товары, а также шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные мануфактурные изделия и вина разрешено было провозить в Королевство Польское только через порты, а не через сухопутные таможни. Русским купцам невыгодно было привозить и закупать товары на варшавских ярмарках, так как из России в Королевство был удобен сухопутный, а не морской путь.

В августе 1817 г. по царскому указу был разрешен ввоз в Россию через Брест-Литовскую таможню с Варшавских ярмарок всех тех товаров, ввоз которых сухопутным путем ранее был запрещен. Русское правительство выделило 300 тыс. злотых на организацию в Маривиле складов для привозимых на ярмарку товаров. Другим

важным для облегчения торговых контактов с Россией и оживления варшавских ярмарок мероприятием было открытие нового таможенного поста в Устилуге, что означало установление прямой связи между Варшавой и Одессой.

В конце 1817 г. комиссия внутренних дел разработала детальный план установления торговых контактов Одессы с Королевством Польским. В августе 1818 г. было издано Положение о Транзитном торге от европейской границы в Одессу, в котором говорилось: «Всем российским купцам, пользующимся правом заграничного торга, и иностранным, хотя бы они не имели пребывания в России и не были записаны в гильдиях, дозволяется отправлять транзитом товары от границ: Молдавии, Австрии и Пруссии в Одессу или из одного города к помянутым границам... Сей транзитный торг производить можно всякими произведениями и товарами, даже и теми, кои запрещено привозить для внутреннего употребления в России, исключая только порох...

За всякий товар...должно платить транзитной пошлины по тридцати копеек серебром с пуда брутто. Сию пошлину взимать только однажды по всей дороге, назначенной для транзитного торга...»⁴. Новые правила не только облегчали поездки польских купцов в Одессу, но и способствовали расширению транзитной торговли через Королевство Польское и привлечению европейских купцов на варшавские ярмарки.

1818 г. был весьма удачным для сторонников свободной торговли в Королевстве Польском, ибо варшавские ярмарки привлекли в страну более 200 купцов. Наибольшим спросом западных купцов пользовались сукна, полотна, батист, изделия из золота, серебра и железа. Большая часть шелковых, хлопчатобумажных и шерстяных товаров была закуплена русскими купцами. После закрытия осенней ярмарки 1818 г. в Россию через Брест-Литовскую таможню было провезено товаров на сумму 1 333 070 руб. 13 коп. ассигнациями. Одних пошлин за провоз этих товаров купцы заплатили 411 176 руб. 66 $\frac{1}{4}$ коп.⁵

Привезенные из России мед, сало, растительное масло, икру, кожи, меха раскупили прусские купцы. Спрос на лен и коноплю был даже не удовлетворен. Колониальные товары в больших количествах приобретали ме-

стные купцы, часть была вывезена в Россию и Австрию. Полностью были распроданы венгерские и французские вина, а также портер и английское пиво⁶.

Оживление, хотя и в меньшей степени, царило на варшавских ярмарках и в 1819 г. По-прежнему много было привезено фабричных изделий, но объем колониальных товаров и напитков сократился. Русские купцы приняли активное участие в варшавских торгах. Вот перечень некоторых товаров, привезенных на весеннюю варшавскую ярмарку 1819 г.⁷: шелк — 71 фунт, хлопчатобумажные ткани — 1455 фунтов, шерсть — 628 камней, платья — 60 штук, нанкин — 490 локтей, полотно — 2432 локтя, кожи — 2272 шкуры (20 центнеров), вола — 150 штук, кони — 60 штук, масло растительное — 6048 фунтов, конопля — 25 142, мыло — 30 493, сало — 19 576 фунтов, солонины — 1377 $\frac{1}{2}$ центнера, много восточных сладостей.

Но в 1819 г., особенно на осенней ярмарке, товаров было продано меньше, чем в 1818 г. Причину уменьшения спроса у участников ярмарки современники видели в резком падении хлебных цен и пошатнувшемся кредите гданьских купцов в Англии. Поэтому в Гданьске варшавское купечество не смогло приобрести необходимого количества колониальных товаров, и их нужно было привозить из Вроцлава. Низкие цены на зерно обусловили небольшую покупательную способность и купцов, и населения⁸.

В 1819 г. русское правительство, идя навстречу пожеланиям поляков, предоставило новые льготы участникам варшавских ярмарок. Так, еще в октябре 1818 г. поляки направили в Петербург свои предложения. Они обсуждались комитетом в составе: статс-секретарь Соболевский, К. В. Нессельроде и министр финансов Д. А. Гурьев. В изложении последнего польские предложения сводились к следующему: «1) Чтоб иностранным товарам, отправляемым с варшавской ярмарки в Россию через Брест и Устилуг, даровать премию уступкою в пошлинах; 2) Чтобы собственные произведения Царства Польского и Российской империи взаимно перевозимы были беспошлинно; 3) Чтобы купечество той и другой земли пользовалось равными правами в торговле и заведении магазинов, и чтобы жители обеих переезжать могли границу без пашпортов»⁹.

3 октября 1819 г. в Указе Правительствующему сенату, в частности, говорилось: «Для вящего усиления и поощрения торговли на ярмонках Варшавских со всех иностранных товаров, провозимых с сих ярмонок в пределы Империи, в продолжении трех лет делать уступку, в установленных по тарифу пошлинах»¹⁰ по 10 коп. с пошлинного рубля. В начале 1821 г. уступка увеличилась до 20 коп. с рубля.

В 1815—1819 гг. внешнеторговый баланс Королевства Польского был пассивным. В среднем за этот период ввезено было товаров на 58.575 тыс. злотых, а вывезено лишь на 14.035 тыс. злотых¹¹. В импорте первенствующее место занимали продукты питания, текстильные товары, одежда и белье, галантерея, затем металлы и металлические изделия, изделия химической промышленности и красители. В импорте удельный вес металлов, металлических изделий, изделий химической промышленности и красителей составлял 5%. Экспортировали из Королевства Польского продукты питания и скот, изделия из дерева и текстильные. Экспорт изделий из дерева и текстильных составлял 17%. Машины и аппараты и ввозятся и вывозятся в незначительном числе.

Королевство Польское было отсталой аграрной страной, и это определяло характер его внешнеторговых оборотов и большой внешнеторговый дефицит в первые годы. В частности, в 1817 г. пассивное сальдо составляло 59% всех оборотов¹².

О характере торговых отношений в 1817—1819 гг. дают также представление «Ведомости о поступивших в казну пошлинах и прочих доходах по таможенным и заставам при Царстве Польском лежащим», которые начальник русского таможенного управления генерал Ланг посылал Новосильцову. Согласно этим данным было получено:

Год	От импорта (в руб.)	От экспорта (в руб.)	Итого (в руб.)
1817 ¹³	501 562	409 200	910 763
1818 ¹⁴	1 418 938	525 254	1 944 193
Январь 1819 ¹⁵	365	21 594	21 951
Февраль 1819 ¹⁶	674	11 393	12 068

Эти данные свидетельствуют о значительном преобладании импорта над экспортом.

Период свободной торговли с уплатой пошлины не выше 10% продолжался с 1816 по 1819 г. В это время основными принципами таможенной политики польского правительства также были принципы свободной торговли. Польская экономика получила от этого определенные выгоды, которые были связаны главным образом с деятельностью варшавских ярмарок, с оживлением товарообмена в стране и приняли форму значительных таможенных доходов. Но, как оказалось, для хозяйства страны, которая была вынуждена конкурировать с более развитыми в экономическом отношении соседями — Пруссией и Австрией, принципы свободной торговли не отвечали потребностям национального развития, созданию национальной промышленности, развитию внутреннего рынка. В первые годы существования Королевства Польского дефицит платежного баланса увеличивался, уменьшалась степень покрытия импорта экспортом. Внешняя торговля мало способствовала развитию страны. С 1820 г. внешнеторговая и таможенная политика были заменены более выгодной для польских помещиков и нарождающейся буржуазии.

Русско-польская таможенная уния. С 1820 г. вступили в действие торговые конвенции, заключенные на основе Венского трактата. Этот год стал одной из определяющих вех в истории польско-русских торговых отношений. Отмена таможенной границы между Россией и Королевством Польским создавала рынок для польской промышленности.

Постепенно начал осуществляться поворот в торговой и таможенной политике. 1820—1821 гг. были переходным периодом в истории внешнеторговых отношений, так как уже нарушался принцип полной свободы торговли и вводились элементы протекционизма на внешних границах. В 1819 г. шла усиленная подготовка проекта таможенного тарифа и выработка соответствующих правил. В феврале 1819 г. была образована Комиссия для торговых и таможенных дел Империи и Царства Польского. С польской стороны в ее состав вошли государственный референдарий Грайбнер и генеральный директор польских таможен Кригер. Председателем комиссии был назначен директор Департамента внешней торговли сенатор Обресков. Русскими членами комиссии стали действительные статские советники Дружинин, Лобри и Вирет.

Выработанный комиссией проект был положен в основу указа царя Правительствующему сенату, в котором излагались основные положения торгово-таможенного устава. Устанавливалась таможенная уния Российской империи с Королевством Польским на основе либерального принципа свободы торговли. «Все сырые произведения обоих государств, — говорилось в указе, — отправляемые... для внутреннего употребления, — пропускать беспрепятственно и свободно чрез таможи и заставы, учрежденные на черте между империею всероссийскою и Царством Польским, как туда, так и обратно, не взимая пошлин и не требуя свидетельств о происхождении... Из сего общего правила изъемятся соль и табак...»¹⁷

Мануфактурные, фабричные и ремесленные изделия и произведения искусств местного производства также можно было провозить беспошлинно, но при условии, что будет предъявлено «свидетельство о происхождении». Не взималась пошлина за провоз изделий, выработанных из отечественного сырья. Жители Королевства Польского независимо от сословия получали возможность записываться в купеческие гильдии и пользоваться теми же правами, что и русские гильдейские купцы. Соответственно русское купечество получало те же права, которые имели купцы в Королевстве Польском. Устанавливался свободный переход из Российской империи в Королевство Польское без паспортов или видов представителей всех сословий.

Вводился порядок, по которому товары, свидетельства о происхождении которых были заверены местным начальством, нужно было провозить через Варшаву. За товары, не имеющие таких свидетельств, нужно было платить пошлину, как за иностранные.

Включение Королевства Польского в таможенные границы России открывало свободный доступ и сырью, и полуфабрикатам, и промышленным изделиям на русские рынки. Однако, отменив прежний тариф 1816 г., по которому в пределы России запрещался ввоз многих иностранных товаров, царское правительство старалось обойти постановления Венского конгресса и избежать беспрепятственного наплыва любых иностранных товаров.

Министр финансов Гурьев так излагал план введения двойного таможенного тарифа в записке от 1 ноября 1819 г.: «...как вследствие трактатов привозная пошли-

на с товаров не могла превышать 10% с цены оных, то дабы таковым унижением не учинить подрыву собственной промышленности и ущерб в государственных доходах, предложено присовокупить к тому пошлину под названием внутренней, т. е. потребления, или консомации, по примеру Австрии и Пруссии; и хотя обе сии пошлины означены отдельно, но взимаемы будут вместе при очищении товаров...»¹⁸.

Таким образом, иностранные купцы на таможах за ввоз тех товаров, которые до 1820 г. нельзя было ввозить сухопутным путем, кроме объявленной импортной невысокой пошлины, должны были платить еще и вторую — потребительскую, или консомационную. Размер консомационной пошлины с ранее запрещенных товаров доходил до 60% цены товара.

«Как на сем основании, — писал далее Гурьев, — по сухопутной границе империи снимаются запрещения ко ввозу товаров, то таковое разрешение сделало бы тщетными и запрещения привоза к портам всех тех товаров, которые по легкости и ценности своей перенести могут сухопутную перевозку, как-то: бумажные, шелковые, полотняные и шерстяные изделия; по уважению чего провоз к портам оставлен в запрещении на такие только тяжеловесные товары, которые не могут выдержать сухопутной перевозки внутрь империи, как то: железо, кузнечная работа, стекла-зеркала и фарфор...»¹⁹

Вынесение общей таможенной черты на внешние границы Королевства Польского потребовало административной перестройки действующего русского и польского таможенного аппарата.

В октябре 1819 г. в Варшаве был образован особый комитет для завершения работы по устройству российских таможен в Королевстве Польском. Состав комитета: сенатор Новосильцов, председатель Правительственной комиссии финансов и казначейства Венглинский, министр статс-секретарь Соболевский, генерал-майор Ланг, действительные статские советники Байков и Вирст и референдарий Государственного совета Королевства Польского Грайбнер²⁰. 7(19) января 1820 г. в Варшаве было открыто «Правление Российских таможенных и торговых дел в Царстве Польском». На внешних границах Королевства Польского были учреждены 13 российских 3-го класса таможен.

При составлении окончательных формулировок таможенных положений были учтены следующие предложения польского правительства: «а) чтобы преступления таможенных установлений наказывались по законам той земли, где оные учинены; б) чтоб в российских таможнях, находящихся в Царстве Польском, пошлина по тарифу взимаема была польскою монетою; с) чтобы главному российскому таможенному начальству в Варшаве поручен был надзор за всеми сухопутными таможнями от Палангена до Дубоссар; д) чтобы в тарифе для Царства Польского издаваемом сделано было разделение пошлины ввозной от консомационной, хотя в тарифе российском обе сии пошлины означатся в одной черте без разделения»²¹.

За транзит товаров из-за границы в Россию и обратно польские чиновники сбор не производили, все операции совершали только русские таможни. Помимо внешних пограничных постов, русские таможни были установлены в Варшаве, Люблине, Новом Дворе, а на пограничье с Россией — в Гродно и Ковно. Продолжали функционировать существовавшие ранее на границе между Королевством Польским и Россией контрольные таможенные посты: в Брест-Литовске²², Хороще и других пунктах, а также все русские таможни на сухопутной границе с Пруссией, Галицией и Молдавией.

По мере усовершенствования путей сообщения и расширения торговых связей менялось местоположение таможенных постов. В частности, когда во второй половине 1821 г. была завершена постройка нового почтового тракта от Тикоцина к Белостоку, директор Комиссии таможенных и торговых дел Обресков поставил вопрос об открытии нового таможенного поста. Новый таможенный пункт был открыт в мае 1822 г. в д. Желтки, через которую проходил тракт. Причем, сохранили и прежний пункт в Тикоцине, поскольку этот тракт «при свободной торговле есть лучший в Царстве и ... чрез сию таможню пролегают кратчайшие тракты из Варшавы в Гродно, Вильно и прочие места литовских губерний»²³.

В течение 1820—1821 гг. отдельные положения общего таможенного устава дополнялись и видоизменялись. В 1820 г. за провод через внешнюю границу Королевства Польского рогатого и прочего скота (кроме волов) пошлину взимали польские таможенные посты, за провод во-

лов — только русские. Для расширения свободы торговли постановлением от 7 июня было запрещено взимать пошлину с волов, не проданных на заграничных ярмарках и проводимых обратно²⁴. Чтобы воспрепятствовать контрабанде коней в Пруссию, Австрию и Краков, отменили разрешение на подковку их за границей.

Также в целях борьбы с контрабандой шерстью, которую под видом местной привозили из-за границы, а потом снова продавали ее за границу, был установлен новый порядок торговли шерстью. При вывозе шерсти за границу требовалось предъявить свидетельство гминных войтов о том, что это действительно местная шерсть. В конце 1820 г. было принято постановление, направленное против наплыва из-за границы стекла, которое также ввозили под видом местного. По указу царя раз в год открывался свободный провоз на бердичевскую ярмарку изделий из золота и серебра, изготовленных на варшавской фабрике, недавно основанной Сенницким и Гильдебрандом. От таможенных оплат были освобождены сырье, полуфабрикаты и все товары, нужные фабрикам в Марионте под Варшавой²⁵.

В марте 1821 г. были предприняты меры, затруднившие ввоз из-за границы железа. Летом 1821 г. правительство Королевства Польского запретило ввоз по суше колониальных товаров и спирта, ликвидировало на границе с Пруссией несколько таможенных постов²⁶. Таким образом, русские и польские государственные деятели постоянно ощущали неудовлетворение существующей конвенцией, составленной на основе венского договора. С польской стороны эти настроения стали превалирующими с лета 1821 г., после назначения Любецкого главой Правительственной комиссии финансов и казначейства. Наплыв из-за границы дешевых промышленных товаров тормозил развитие отечественной промышленности.

Заключение таможенной унии между Россией и Королевством Польским и введение нового тарифа отразились и на статусе Варшавских ярмарок. Права иностранных купцов, приезжавших на эти ярмарки, были несколько урезаны. Вопрос о положении варшавских ярмарок по инициативе Новосильцова был внесен на рассмотрение Административного совета 29 февраля 1820 г. Новосильцов выступил против освобождения иностранных участников ярмарок от уплаты консомационной пошлины. По

выражению Новосильцова, «подобное постановление не ярмарки, не город, но всю страну делает свободной от оплаты»²⁷. Он предложил ограничить свободы иностранных участников варшавских ярмарок только территорией Варшавы, либо изъять из-под общего правила жидкие товары, либо на все товары увеличить входную таможенную пошлину.

Основным оппонентом Новосильцова стал министр внутренних дел и полиции Мостовский, который выдвинул тезис о том, что без ярмарочных свобод трудно будет сохранить варшавские ярмарки от упадка²⁸. По его просьбе для рассмотрения вопроса о варшавских ярмарках была образована депутация в составе: председатель Новосильцов, члены: министр внутренних дел и полиции, министр финансов и государственный советник С. Сташиц. Депутация собиралась 3 и 10 марта. После оживленной дискуссии, в ходе которой польские министры стремились сохранить действующее положение, было решено, что ярмарочные свободы будут ограничены территорией Варшавы и что за товары, вывозимые из Варшавы, надо будет платить потребительскую пошлину²⁹. Начиная с 1820 г., вольные ярмарки в Варшаве теряют свое назначение.

Торговые конвенции с Пруссией и Австрией ставили в невыгодное положение промышленность и сельское хозяйство Королевства Польского. Таможенное единство всех польских земель, провозглашенное на Венском конгрессе, по сути дела было фикцией. Сельскохозяйственный экспорт из Польши был затруднен экспортным таможенным сбором. Транзитный сбор с польского зерна на прусской границе равнялся 1,5—3%³⁰. Кроме того, польское зерно на внешних рынках конкурировало с более дешевым русским. Граница для импорта в Польшу зерна из России была открыта в 1814 г. С другой стороны, польский рынок был полностью открыт для иностранных, главным образом прусских, промышленных изделий.

В конце 1820 г. Правительственная комиссия внутренних дел констатировала: «Печально сознавать ту правду, что в современных отношениях, может быть, на длительное время, продажу хлеба за границей можно считать случайным источником... Не вывозя хлеба, не имея отечественных изделий на собственные нужды и, следова-

тельно, имея малые или совсем никаких возможностей вывоза их за границу, остается стремиться к тому, чтобы наряду с непрерывным основанием новых фабрик... ограничить ввоз в Королевство всего, что только может дать собственное сельское хозяйство...»³¹

Правительственная комиссия внутренних дел прекрасно сознавала трудности с экспортом польских сельскохозяйственных товаров, видела односторонний характер польского экспорта, но оставалась на позициях преимущественной протекции сельского хозяйства. С 1821 г. пришли к власти силы, вставшие на защиту отечественной промышленности. Правительственная комиссия финансов и казначейства в отчете за 1821 г. отмечала: «Торговая конвенция с Пруссией обеспечила последней почти свободный ввоз к нам изделий из шерсти, кожи, льна и конопли, а натуральные плоды, которыми богата наша земля, мы покупали из рук промышленных фабрикантов для полного застоя и ликвидации собственного промышленного труда»³².

Независимо от ориентации различных группировок представителей польской администрации тревожило состояние внешней торговли. В 1820 г. отрицательное сальдо составляло 66% оборота³³ (достигло максимальной цифры за весь период с 1817 по 1830 г.). В 1821 г. оно сократилось до 48%, что, однако, тоже свидетельствовало о большом торговом дефиците.

В 1820—1821 гг. торговля с Пруссией занимала первое место по экспорту и импорту. На втором и третьем месте стояли Россия и Австрия, на четвертом — Краков.

Из Пруссии в Королевство Польское в 1820 г. по преимуществу были ввезены текстильные изделия, одежда и галантерея, металлы и металлические изделия, химические и стеклянные изделия, строительные материалы. Из Королевства Польского в Пруссию вывозили продукты питания, скот, шерсть, деревянные изделия³⁴. То же соотношение наблюдалось и в торговых отношениях с Австрией³⁵. Баланс внешней торговли с Россией в 1820 г. был пассивным. Причем Россия экспортировала в Королевство Польское те товары, которые Королевство вывозило в Пруссию и Австрию: продукты питания, скот, шерсть. Из России также были экспортированы текстильные товары и металлические изделия³⁶. Большой удельный вес предметов личного, непродовольственного потреб-

ления и большие затраты на них вели к переливу капиталов за границу, тормозили процесс первоначального накопления.

Королевство Польское буквально было наводнено изделиями текстильной и металлообрабатывающей промышленности. В 1820 г. там было продано текстильных изделий иностранного происхождения в общей сложности на 24 млн. злотых, а польских тканей — на 1 млн. злотых; металлов и металлических изделий куплено поляками на 3 млн., продано металлов и металлических изделий польского производства на 707 тыс. злотых³⁷. При таком внешнеторговом балансе не было условий для создания и развития двух основных отраслей отечественной промышленности — текстильной и металлургической с металлообработкой.

Принцип свободной торговли нанес вред и неокрепшей промышленности России, а ее пассивный внешнеторговый баланс отрицательно сказался на состоянии финансов. Министр финансов Гурьев писал в 1822 г., что тариф 1819 г. предусматривал «возвышенную пошлину на потребление». Однако «двухлетний опыт, при внимательном наблюдении оборотов и хода внешней торговли, показывает, что мера сия недостаточна к обеспечению собственной промышленности нашей от подрыва, который причиняет ей чрезмерно усиливающийся привоз иностранных произведений, препятствующий распродаже своих собственных»³⁸.

Система протекционизма. В 1822 г. русское правительство ввело систему протекционизма (манифест от 12/24 марта 1822 г.). Королевству Польскому была возвращена таможенная автономия. Польские власти занялись подготовкой таможенного тарифа. Главным действующим лицом при составлении таможенного устава и на переговорах в Петербурге с польской стороны был Любецкий. 1(13) августа 1822 г. Александр I подписал именной указ сенату о торговом договоре с Королевством Польским. Действие нового защитительного тарифа вступило в силу с 1823 г.

Система протекционизма отвечала потребностям развития польской экономики, защиты как сельского хозяйства, так и промышленности. Таможенная и торговая политика начинает выражать интересы первоначального накопления, способствуя накоплению капитала в руках

предпринимателей и тех помещиков, которые вступили на путь обуржуазивания.

Польско-русские торговые отношения по договору 1822 г. были весьма выгодны для Королевства Польского и содействовали быстрому росту польской текстильной промышленности. Договор открывал для польских товаров обширный российский, а также китайский рынки. Товарообмен сырьем и необработанными изделиями между двумя странами был свободным, а промышленные изделия подлежали незначительной таможенной оплате. Скот, ввозимый из России в Королевство Польское, подлежал таможенному обложению.

Таможенная система Королевства Польского была протекционистской. Никакие товары не получали свободного доступа. В тарифной таблице перечислялись лишь те товары, которые можно было ввозить, уплатив таможенный взнос. Экспорт из Королевства Польского объявлялся свободным. Запрещенные товары можно было ввозить по специальному разрешению для внутреннего потребления после оплаты лицензии (от 60% цены за пшеницу до 100% за шерстяную пряжу и кованое железо)³⁹.

Запрещен был ввоз различного вида товаров: тканей, отделанных золотом и серебром, янтаря, галантерейных товаров, деревянных изделий, драгоценных камней, некоторых видов полотна, металлов, мясных изделий, мыла, посуды, дамской одежды, растительных масел, рыбы, сыра, кож, соли, стекла, напитков, табака, шерсти и шерстяных изделий, древесного и каменного угля, зерна и крупы, часов «и всех тех товаров, которые не указаны в тарифе как подлежащие уплате пошлины»⁴⁰.

Товары, обложенные обычным сбором, были разделены на три класса: I класс — сбор от 50 до 100% цены товара; II — от 10 до 40%; III — от 1 до 6%. К I классу были отнесены товары, вырабатываемые в стране, в случае, если объем их производства не удовлетворял спроса. Ко II классу — товары, не производимые в стране; к III — средства производства, необходимые для отечественной промышленности, например краски для текстильной промышленности.

Импорт в Королевство Польское затрудняла не только высокая пошлина, но и система таможенной оплаты (входная, или импортная, пошлина и потребительская,

или консомационная, пошлина). Таможенный досмотр был организован таким образом, что сам по себе затруднял импорт. Входная пошлина уплачивалась сразу на границе, а потребительская — в воеводских городах. Перевозка до воеводских городов увеличивала транспортные расходы. Если эту пошлину купец не успевал уплатить в течение двух недель с момента уплаты входной, товары помещались на центральный склад в Варшаве⁴¹.

Кроме таможенной, вводилась еще сравнительно высокая «геляйтовая» пошлина с прибывающих в страну евреев — граждан других стран. Еврейские купцы из России и Кракова платили половину этой суммы⁴².

Для Кракова существовал льготный тариф. В некоторых случаях краковские купцы не платили даже ввозной пошлины. Таможенные льготы на импорт из Кракова включали самые важные товары: дерево, скот, кожи, металл, известь, галантерейные изделия. Торговый баланс с Краковом в 1824—1830 гг. был активным, но в целом эта торговля была незначительной и составляла 1—2% общего импорта и 2—9% экспорта⁴³.

Протекционистская защита внутреннего польского рынка дополнялась стимулированием русской экспансии на внешние рынки. Таможенный тариф на русской границе предусматривал льготы для 331 позиции импорта из России. Уплату потребительской пошлины можно было производить на границе. Льготы касались наиболее важных статей экспорта из России: хлопка и хлопковых изделий, волов, дерева, шерсти и льняных изделий. Наиболее ощутимыми для Королевства Польского были таможенные льготы на продажу волов — массового импорта из России. Со своей стороны Королевство Польское получало значительное снижение, иногда полное освобождение от пошлин за провоз целого ряда промышленных, и, что было особенно важно, шерстяных изделий. Промышленные изделия, экспортируемые из Королевства Польского, должны были иметь свидетельства о происхождении. В течение трех лет запрещалось вывозить в Россию хлопчатобумажные ткани.

Тариф экспорта из Королевства Польского носил главным образом фискальный характер и насчитывал только 147 позиций⁴⁴. В соответствии с фискальными целями экспортную пошлину взимали с предметов массового вывоза: за зерно, скот и другие сельскохозяйственные то-

вары. Эти пошлины были очень низкими и насчитывали доли процентов (например, 1 грош с 1 корца зерна независимо от его сорта)⁴⁵. Несколько выше была пошлина за вывоз тех товаров, которые хотели задержать в стране.

В целом оба таможенных тарифа — России и Королевства Польского способствовали развитию текстильной промышленности и сельского хозяйства Королевства Польского. Помимо того, что польские товары получили доступ на российский и китайский рынки, большую роль играло разрешение на неограниченную свободу польских транзитных перевозок к русским балтийским портам, а иностранные товары можно было перевозить в Королевство Польское через Либаву, Ригу и Виндаву.

Новые таможенно-торговые законы наносили прежде всего удар по Пруссии. В конце 1821 г. Россия расторгла торговый договор с Пруссией, однако с началом новых торговых переговоров не спешила. Тем временем русское правительство при участии Любецкого готовило свои условия.

В январе 1823 г. русский посол в Пруссии Алопеус получил инструкции не впускать прусское сукно и шерсть в Королевство Польское, но согласиться на низкие пошлины на полотно и кожаные изделия. Предполагалось, что в ответ прусские власти снизят пошлины на польские товары. Алопеус ни в коем случае не должен был идти на уступки в вопросе о транзитной торговле, предлагать какие-либо уступки взамен, поскольку Королевству Польскому и так полагалось предоставить выход к морю⁴⁶.

В апреле 1823 г. Пруссия обнародовала новый таможенный тариф, который был ответом на русский и польский тарифы. Был разработан отдельный тариф для польских товаров, устанавливалась только ввозная пошлина, возросшая на 40—200% по сравнению с предыдущим тарифом⁴⁷. Транзитной пошлины в тарифе вовсе не было. Принятие прусского апрельского тарифа означало начало прусско-русской таможенной войны, которая длилась два года. Пошлина на импорт через прусскую границу по сравнению с 1821 г. увеличилась: за волов на 350%, коров на 1100, телят на 233 и быков на 500%⁴⁸. Цена на рожь на гданьском рынке снизилась на 44%; на ячмень и овес — на 35%, на пшеницу — только на 10% в

связи с тем, что восточные прусские провинции пшеницу не экспортировали.

Польский исследователь Ч. Стшешевский отмечает, что введение Пруссией защитительного тарифа 1823 г. для польского зерна было не только ответом на русский тариф 1822 г., но и стремлением защитить собственный рынок, так как с 1822 г. наступает сильное сокращение экспорта зерна в Англию⁴⁹. Это определило и снижение цен.

Летом 1823 г. торговые переговоры с Пруссией стали предметом обсуждения петербургского комитета, созданного в составе Нессельроде, Канкрина, Ламберта и Грабовского. Было решено не допускать транзита прусских товаров в Китай. Любецкий, привлеченный к обсуждению этих вопросов, обосновывал мысль о недопустимости свободного транзита прусских товаров в Китай и о необходимости постройки каналов к балтийским портам⁵⁰. В октябре 1823 г. для переговоров с Пруссией от Королевства Польского в Берлин был направлен Моренгейм, в помощь ему выделили консула в Гданьске Макаревича.

По предложению Любецкого переговоры раздробили на этапы в зависимости от рассматриваемых вопросов, поставив на первом месте транзит через Пруссию, в котором больше всего было заинтересовано Королевство Польское. На внутренних заседаниях в 1824 г. Любецкий отстаивал мысль о том, что ни в коем случае не стоит добиваться транзитного тарифа в ущерб торговле шерстяными изделиями⁵¹. Новая торговая конвенция с Пруссией была заключена в марте 1825 г. Русской стороне удалось добиться от Пруссии введения транзитной пошлины на рожь, ячмень (ниже пошлины 1821 г.) и овес (немного выше). Прусским сукнам был закрыт транзитный путь в Китай.

Заключению конвенции 1825 г. способствовало оживление мирового хлебного рынка в результате резко возросшего спроса на хлеб на английском рынке⁵². Польские суконные изделия были защищены от конкуренции прусских, ввоз которых в пределы Королевства Польского был запрещен. В Замечаниях сеймовых комиссий на отчет Государственного совета о положении в стране в 1825 г. говорилось: «Заключенные недавно торговые договоры с Пруссией являются настоящим благом для земледельцев»⁵³.

Сложные перипетии торговых отношений с Пруссией отражались на характере товарообмена. Начиная с 1824 г. импорт из Пруссии резко сократился, составив в 1823 г. 30% объема 1820 г.⁵⁴ Экспорт из Королевства Польского в Пруссию серьезно ограничило лишь действие охранительного прусского тарифа 1823 г. Он сократился на 20%. С 1824 г. наблюдалось оживление польско-пруссских торговых отношений. Причем оно приходилось на год, предшествовавший введению в жизнь берлинской конвенции 1825 г. Наиболее интенсивный товарообмен приходится на 1825 г. В 1826—1830 гг. импорт товаров из Пруссии в Королевство Польское уменьшается, а экспорт возрастает. Импорт из Пруссии значительно возрос только в 1829 г.⁵⁵ Торговля с Пруссией теряет свою первостепенную роль. Если в первые годы товарообмен с Пруссией достигал 60—80% среднегодового оборота, то в последнее десятилетие он составлял около половины⁵⁶.

Значительно возрос экспорт из Королевства Польского продуктов питания, скота, изделий из дерева, материалов и переработанных изделий органической химии. Вывоз текстильных изделий возрос в 5 раз, в то время как их импорт сократился в 3,5 раза⁵⁷.

Наиболее сильно таможенная политика повлияла на торговые отношения Королевства Польского с Австрией. Новый австрийский таможенный тариф вступил в силу в октябре 1824 г. Пошлина на импорт польского сырья и промышленных изделий возросла в 7 раз⁵⁸. Русско-австрийские переговоры о смягчении таможенного законодательства начались в конце 1825 г. В июне 1828 г. России удалось добиться от Австрии некоторых уступок: была снижена пошлина на транзит русских и польских товаров, принят ряд мер для борьбы с контрабандой, но уменьшить ввозной таможенный тариф австрийцы отказались.

После введения в конце 1824 г. австрийского протекционистского тарифа удачно развивавшийся польский экспорт в Австрию резко сократился. В результате австрийской таможенной политики польский экспорт в течение одного года потерял 4 млн. злотых (так же, как и в Пруссию)⁵⁹.

В 1825 г. польский экспорт в Австрию составлял 4% общих торговых оборотов, в 1826—3%, в 1827—1829 гг. не достигал и 1%⁶⁰.

Развитие экспорта в Австрию приходится на 1820—1825 гг., т. е. на период таможенного конфликта с Пруссией. В 1823 г., в период особенно сильного снижения цен на сельскохозяйственные товары из-за высокого урожая во всей Европе, объем польского экспорта в Австрию сокращается, несмотря на то, что из-за введения Пруссией заградительного тарифа возросла интенсивность.

Резко сократился в последние годы вывоз в Австрию продуктов питания, почти прекратился экспорт скота, изделий из дерева, материалов и переработанных изделий неорганической химии, предметов текстильной промышленности⁶¹.

Итак, в результате ликвидации петербургских конвенций, в основе которых лежали принципы венского трактата, и замены их покровительственными таможенными тарифами России, Королевства Польского, Пруссии и Австрии направление и характер внешнеторговых оборотов Королевства Польского претерпели значительные изменения. Объем товарообмена с Пруссией и Австрией, особенно с последней, значительно сократился. Это положение иллюстрирует сводная таблица, отражающая баланс внешней торговли Королевства Польского с Россией, Австрией, Пруссией и Краковом в 1821—1826 гг. Таблица была приложена к письму Радошевского Любецкому от 16 ноября 1827 г.⁶²

В то же время значительно возросла роль России в польских товарооборотах. Ниже приводятся среднегодовые данные, характеризующие эволюцию торговых отношений Королевства Польского с Россией⁶³.

Год	тыс. (в злотых)		(в % общих оборотов)	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
1820	13 799	449	21	3
1821	12 418	7472	19	35
1822	8 182	4799	18	22
1823	7 061	5958	24	31
1824	12 769	10 875	27	35
1825	20 882	18 092	36	43
1826	11 200	15 178	26	49
1827	11 080	14 549	27	44
1828	12 401	12 723	30	38
1829	18 390	15 166	32	39
1830	19 283	14 514	40	32

Баланс Королевства Польского
(в тыс. злотых)

Страна	1821 г.		1822 г.		Баланс
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	
Россия	12 117,7	7 471,9	8 182,3	4 798,5	-3 383,8
Австрия	13 537,0	3 537,2	12 341,7	4 410,3	-7 931,4
Пруссия	37 723,9	10 383,6	25 075,5	12 169,3	-12 906,2
Итого:	63 378,6	21 392,7	45 599,5	21 378,1	-24 221,4

Страна	1823 г.		1824 г.		Баланс
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	
Россия	7 061,3	5 957,8	12 769,5	10 875,2	-1 894,3
Австрия	8 829,0	4 090,0	10 625,5	5 680,8	-4 944,7
Пруссия	13 120,7	9 131,7	22 887,6	14 044,1	-8 843,5
Краков *		нет данных	806,9	784,8	-22,1
Итого:	29 011,0	19 179,5	47 089,5	31 384,9	-15 704,6

Страна	1825 г.		1826 г.		Баланс
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	
Россия	20 881,9	18 092,2	11 199,5	15 177,8	+3 978,3
Австрия	11 238,2	1 496,8	7 936,9	834,7	-7 102,2
Пруссия	24 836,0	18 401,8	23 471,1	12 749,2	-10 721,9
Краков	749,5	3 692,8	579,2	2 242,7	+1 663,5
Итого:	57 705,6	41 683,6	43 186,7	31 004,4	-12 182,3

* Город Краков пользуется торговой автономией.

Импорт из России и экспорт в Россию за 11 лет увеличились и в абсолютных величинах, и относительно до 40—49% общих среднегодовых оборотов в отдельные годы. В значительной степени увеличился экспорт текстильных изделий, металлов и металлических изделий, продуктов питания. В импорте наблюдается возросший объем таких товаров, как продукты питания, скот, продукты животноводства, одежда и белье, металлы и металлические изделия. Импорт текстильных изделий, возросший в 1824—1825 гг. (по сравнению с 1820 г.), затем снизился, достигнув уровня 1823 г.⁶⁴

Расширение торговых связей с Россией в значительной степени способствовало не только увеличению внешнеторгового оборота Королевства Польского, но и тому, что к 1830 г. он достиг равновесия, был сбалансирован. Если в 1817 г. общий товарооборот составлял 68 029 тыс. злотых, то к 1829 г. он увеличился до 96 666 тыс. злотых и несколько сократился в 1830 г. В то же самое время пассивное сальдо внешнеторгового баланса Королевства Польского в 1817 г. равнялось 59% оборота, а в 1830 г. — только 3%⁶⁵.

О нормализации внешней торговли можно судить и по тому, что после введения покровительственного тарифа и получения Королевством Польским таможенной автономии значительно возросли таможенные доходы. Современники их увеличение характеризовали как «превзошедшее все ожидания»⁶⁶ и объясняли именно изменением с начала 1823 г. таможенного указа.

Итак, таможенная политика, а с нею и направление экспортных и импортных потоков претерпели за первые шесть лет большие изменения. В 1822 г. были определены, а в 1826 г. подтверждены те принципы экономических взаимоотношений России и Королевства Польского, которые в тех условиях в максимальной степени способствовали экономическому развитию Польши.

Таким образом, в течение пяти лет планировалось получить доход от таможенных сборов в размере 32 800 000 злотых. Была получена сумма в 43 896 170 злотых. Превышение предусматриваемой суммы составило 11 096 170 злотых.

Доход от таможенных сборов в 1824—1828 гг. составлял 23 076 366 злотых. В последующее пятилетие доходы увеличились на 20 819 803 злотых.

*Таможенные сборы
(по материалам Государственного совета)⁶⁷*

Годы	Сумма (в тыс. злотых)	
1824	Предполагаемая	4 200 000
	Полученная	7 830 704
	<i>Итого больше на</i>	<i>3 630 704</i>
1825	Предполагаемая	5 600 000
	Полученная	8 869 454
	<i>Итого больше на</i>	<i>3 269 454</i>
1826	Предполагаемая	7 400 000
	Полученная	8 263 583
	<i>Итого больше на</i>	<i>863 583</i>
1827	Предполагаемая	7 800 000
	Полученная	9 554 658
	<i>Итого больше на</i>	<i>1 754 658</i>
1828	Предполагаемая	7 800 000
	Полученная	9 377 769
	<i>Итого больше на</i>	<i>1 577 769</i>

Русско-польские торговые отношения. Несколько более подробно остановимся на польско-русских торговых отношениях после перехода к покровительственной политике. Главным предметом польского экспорта были шерстяные ткани и изделия, зерно и скот. Между польскими и русскими торговыми и финансовыми ведомствами велась затянувшаяся дискуссия по вопросам, связанным с польским шерстяным экспортом. Точнее, о порядке выдачи свидетельств о происхождении. Длительная эта процедура была и неудобной, и дорогостоящей для польских промышленников. Положения о свидетельствах несколько раз менялись: их выдавали то специальные органы, то местные власти, то вообще товары можно было посылать в Россию только через склады в Варшаве.

Эти сложности были вызваны тем, что представители русской администрации опасались, как бы под видом польских изделий на русский рынок не попали немецкие ткани. По этому вопросу существует обширная литература. На основании знакомства с материалами и с литературой вопроса напрашивается вывод о том, что тревога русской администрации и предпринимателей была необоснованной. Сохранилась переписка между воеводскими властями и административными органами Королевства Польского с предоставлением сведений о количестве изготовленного

и отправленного в Россию сукна. Причем по всем данным вывоз не превышал объема производства. Особенно остро встал вопрос об экспорте польских шерстяных изделий в 1826 г. по истечении трехлетнего срока действия нового тарифа.

1(13) апреля 1826 г. польская делегация в Петербурге должна была доложить новому царю, Николаю I, о том, что жители Королевства Польского уже приняли присягу на верность. Среди членов делегации был Любецкий, который тогда же начал торговые переговоры с русскими представителями. Подготовка к ним началась в Королевстве Польском с февраля. В Отделе промышленности и ремесел при Правительственной комиссии внутренних дел и полиции была составлена записка для Любецкого с детальным обоснованием польских предложений. Поляки опасались, что новый царь изменит систему таможенных отношений с Королевством Польским и миссии Любецкого в Петербурге придавали особенно большое значение.

При планировании торговых связей с Россией на первый план были вынесены интересы польской суконной промышленности. В записке говорилось о том, что в Королевстве Польском растет производство сукна, чему способствует обилие шерсти, переселение иностранных ремесленников из немецких государств, овладение новым оборудованием. «Поэтому необходимо добиться того, чтобы сукно и впредь, как и прежде, ввозилось из Королевства в Россию, ибо этому средству страна обязана своими фабриками; тогда местные предприятия удвоятся и утраются»⁶⁸.

Ход рассуждений составителей записки был таков: развитие суконных фабрик в Королевстве Польском и в России приведет к полному запрещению ввоза иностранного сукна. Тогда откроются возможности для транзита польского грубого сукна в Китай, а тонкого сукна — в Россию. Кроме того, предполагалось, что запрещение европейского транзита в Кяхту заставит некоторых крупных фабрикантов переселиться с Запада в Королевство Польское.

Поляки так сильно дорожили возможностью экспорта своего сукна в Россию, что предлагали не только сохранить льготы на импорт русских товаров — шелковых, хлопчатобумажных, бумажных изделий, руд, кож, кожаных и галантерейных изделий, меда, воска, полотен,

хлопка-сырца и льна, но и распространить их на волов⁶⁹. Предлагалось особо оговорить разрешение на свободный бесплатный выпас транзитных волов. Был также продуман и обоснован ряд мер для ликвидации конфликта в связи с выдачей свидетельств о происхождении.

Второй круг вопросов, выносившихся на переговоры в Петербурге, касался тех пунктов, в которые необходимо было внести изменения. Царский декрет от 1(13) августа 1822 г. о торговых отношениях между Королевством Польским и Россией запрещал на три года ввоз в Россию хлопчатобумажных изделий и сахара-рафинада. Русские платили таможенную пошлину за хлопчатобумажные изделия от 15 до 100% цены товара и за сахар — от 25 до 100%. Правительственная комиссия финансов и казначейства в связи с истечением срока действия этого запрещения предлагала разрешить обоюдный ввоз хлопчатобумажных изделий с оплатой таможенного сбора в размере 3% стоимости. Поскольку производство рафинада еще не было развито, вопрос о нем предлагалось не поднимать⁷⁰.

Следующий пункт таможенного постановления, который поляки намеревались оспорить, был связан с транзитом. Иностранные товары, ввоз которых был определен тарифом, пропускались через четыре таможенных поста: в Ковно, Хороще, Брест-Литовске и Устилуге. Но колониальные товары, которые являлись главным предметом польской транзитной торговли, могли переправляться только по воде. Нехватка воды в сплавных реках приводила к простоям транспорта, поэтому перед польской делегацией стояла задача добиться того, чтобы все транзитные товары можно было переправлять по суше⁷¹.

С началом переговоров Любецкому был представлен протокол заседаний Комитета финансов, на которых обсуждался вопрос о вредных последствиях излишнего наплыва сукна из Королевства Польского. В нем, в частности, упоминалось о контрабанде немецких сукон под видом польских⁷². В ответ польская делегация предложила ряд мер по улучшению системы контроля за экспортом сукна в Россию, но одновременно стремилась несколько облегчить процедуру досмотра. Предлагалось организовать в Варшаве главный склад отечественных изделий, где бы они получали отметки о происхождении, а русские пограничные таможи только проверяли бы соответствие этих отметок указанным в документах.

Контроль за товарами, экспортируемыми из пограничных мест, расположенных по правому берегу Вислы, предлагалось поручить специальным комиссарам, направленным от главного склада. Польские делегаты хотели бы также добиться того, чтобы железо можно было везти в Россию прямо с места изготовления со свидетельствами войтов или бургомистров, так как трудно подделать знак о происхождении железа.

9(21) июня 1826 г. Любецкий сообщил из Петербурга государственному секретарю генералу Коссецкому: «Спешу сообщить Вам, генерал, что по наивысшему решению наши торговые отношения с Россией остаются без малейшего изменения»⁷³. Царь подтвердил указ, изданный Александром I, и поручил министру финансов поддерживать существующие торговые отношения с Королевством Польским. Запрет на экспорт польских хлопчатобумажных тканей и сахара сохранялся, а идея об организации склада в Варшаве была одобрена. Торговые переговоры с Россией продолжались и в 1827 г., так как постоянно возникали новые трения.

В апреле 1827 г. московские фабриканты подали царю прошение об изменении действующего тарифа в пользу отечественной промышленности. Содержание и ход обсуждения прошения были изложены в записке министра финансов Канкрин исполняющему должность государственного секретаря 25 октября 1827 г. для внесения вопроса на обсуждении Государственного совета. «В просьбе сей фабриканты,— писал Канкрин,— изъяснив о весьма большом подрыве, причиняемом суконным нашим фабрикам ввозом в Россию многочисленного количества польских сукон»⁷⁴ просили принять такие меры: 1) Запретить ввоз в Россию иностранной шерстяной пряжи; 2) Запретить ввоз синих и голубых сукон, так как они легко перекрашиваются в черный и темно-зеленый цвета, из которых изготавливают форменное сукно; 3) Уничтожить одесский транзит, так как Персия и Грузия покупают товары не в России, а в Лейпциге.

Статс-секретарь Королевства Польского Грабовский сообщил, что в интересах отечественных суконных фабрик запретить ввоз иностранной шерстяной пряжи. Тем временем в министерство финансов России поступили сведения о том, что без английской гребенной шерсти не могут функционировать две новых фабрики под Ригой⁷⁵, т. е. в

импорте иностранной шерсти заинтересованы именно русские фабриканты. Поэтому вопрос о запрещении ввоза в Россию шерсти был снят, но предлагалось «настаивать у польского правительства, чтобы... привоз суровья в Царство оставался запрещенным»⁷⁶.

Обложить высокой пошлиной импортную шерсть Канкрин не решался из-за опасения польской конкуренции. Поясняя свою мысль, он писал: «Если обложить высоко привоз сырой шерсти, то опасаться должно, что оное послужит более в пользу польских фабрикантов, ибо в Царстве много заведено овчарен, у нас же лучших сортов не так еще много»⁷⁷. В результате после обсуждения вопроса в департаменте государственной экономии 28 октября и в общем собрании Государственного совета 7 ноября 1827 г. пошлина с овечьей шерсти была увеличена втрое: ввозная с 50 коп. до 1 руб. 50 коп. серебром с пуда, а вывозная понижена до 15 коп. (старая пошлина была 35 коп. с пуда за провоз по суше и 50 коп.— по морю)⁷⁸.

Просьба московских купцов о запрещении импорта синих и голубых сукон не была удовлетворена потому, что министр финансов большую опасность видел в конкуренции не иностранных, а польских сукон. Он писал: «По делам видно и в Министерстве финансов известно: 1) Напор польских сукон приметен особенно в Москве и в СПб.; фабрики же в Киеве, в Волынской и Гродненской губерниях менее жалуются, ибо они нашли частью сбыт, независимый от столиц; 2) Привоз иностранных сукон чрезвычайно уменьшился, а польских весьма усилился, как видно из следующего соображения:

Год	Привезено сукон:	
	иностраных	польских
1820	На 15 682 494 руб.	—
1821	21 452 611 »	—
1822	7 892 407 »	12 581 пуд. 32 ф.
1823	6 265 654 »	15 558 » 22 »
1824	3 916 пуд.	20 003 » 4 »
1825	5 158 »	34 989 » 10 ¹ / ₃ ф.
1826	3 312 ³ / ₄	43 853 » 27 »
1827	4 676 ¹ / ₄	34 365 »

(по последним полученным сведениям)

Выводы министра финансов:

1) Запрещение привоза иностранных сукон синих и голубых цветов, уменьшая казенный доход и способы торговой мены, послужит только к поощрению польских фабрик⁷⁹, ибо вместо заграничных будут покупать польские сукна.

Канкрин придерживался твердой линии, стремясь оградить российскую промышленность от конкуренции польских сукон. Он находил поддержку в Государственном совете. В этих условиях миссия Любецкого на петербургских переговорах была сложной. Не случайно он не ознакомил русских представителей с торговым балансом Королевства Польского за 1826 г., присланным ему в ноябре 1827 г. главным директором Отдела промышленности и ремесел Радошевским, который писал, что до конца 1825 г. баланс был выгодным для России, а в 1826 г. на несколько миллионов злотых выгоднее для Польши⁸⁰.

Действия русской администрации в поддержку отечественной промышленности не ограничивались попытками сократить импорт польских материалов. Началась кампания по завоеванию рынка для российских шерстяных изделий на территориях, пограничных с Королевством Польским. В 1828 г. в Виленскую, Гродненскую, Волынскую, Подольскую и Киевскую губернии, а также в Белостокскую обл. был послан в инспекционную поездку чиновник департамента мануфактур и внутренней торговли для выяснения возможности продажи там российских изделий текстильной промышленности. В эти губернии сократился приток иностранных товаров, а местная промышленность была развита слабо и не могла удовлетворить потребностей населения. Надо было опередить польских предпринимателей и купцов⁸¹.

Несмотря на конкурентную борьбу и многочисленные трения, до 1831 г. польско-русские таможенные отношения в принципе оставались неизменными.

Балансы внешнеторговых отношений с Россией говорят о постоянно усиливающейся интенсификации торговых отношений. Промышленные изделия и продукты питания, скот, аптекарские товары, красители и т. д. — все эти товары во все возрастающих объемах пересекали таможенную границу между Россией и Королевством Польским. Кто же являлся организатором и исполнителем перевозок больших и малых партий товаров? Купцам,

посредникам и предпринимателям приходилось преодолевать большие расстояния, пользуясь далеким от совершенства транспортом. По подсчетам Главной дирекции Отдела Промышленности и торговли стоимость провоза (включая весьма низкую таможенную оплату) одного постава сукна до Москвы составляла 16—18 злотых, до Петербурга — 18—21, до Нижнего Новгорода — 19—22, Кишинева — 16—18, Бердичева — 12—14 злотых.

Провоз был очень дорогим, если иметь в виду стоимость польского сукна на русских рынках. Один постав грубого сукна стоил от 72 до 270 злотых (вывозили в Россию главным образом грубошерстное и среднее сукно). Постав среднего сукна стоил от 271 до 600 злотых, а тонкого — дороже 601 злотого⁸².

Столь дорогостоящие перевозки были под силу только крупным торговым фирмам и промышленным предприятиям. Так, крупная суконная мануфактура А. Харрера в Серадзе имела непосредственные сношения с торговыми фирмами в Петербурге, Москве и Риге⁸³. Со своей стороны, крупные купеческие дома Москвы, Вильно и других городов России посылали комиссионеров в промышленные центры Королевства Польского: Озорков, Александров, Калиш, Згеж, где они открывали конторы и откуда посылали товары в Россию⁸⁴. Для покупки товара у определенных, зарекомендовавших себя фирм приезжали и отдельные российские купцы⁸⁵.

В Королевстве Польском не было современных торговых фирм, которые могли бы организовать и облегчить торговые контакты в крупных масштабах. Правда, еще в 1821 г. наместник по докладу Сташица обратился к Правительственной комиссии внутренних дел и полиции с предложением обдумать проект создания «дома фабриканта или купеческого дома» на манер прусских для организации торговли местным сукном непосредственно с главнейшими городами России⁸⁶, но до реализации этого проекта дело не дошло. Лишь основание в 1828 г. Польского банка изменило положение с организацией оптовой внешней торговли.

Мелкие производители не имели возможности для отправки своих товаров и обычно пользовались услугами посредников. Особенно трудно было вывозить сукно и суконные изделия, на провоз которых через границу требовалось свидетельство о происхождении. Известны лишь

отдельные случаи, когда сукноделы сами отвозили товары в Россию. А вот решетники из Билгорая в 1817 г. развозили свои изделия по югу России: в Харьков, Одессу, Киев, Ростов, Екатеринослав и даже Тифлис⁸⁷. В целом подобные случаи были крайне редки.

Взаимную торговлю в основном осуществляли российские и польские купцы и посредники. По законам Российской империи к внешнеторговым операциям допускались только купцы 1-й и 2-й гильдий. Купцы 3-й гильдии этим правом не пользовались. В апреле 1828 г. в Совет министра финансов была подана записка Департамента мануфактур и внутренней торговли «относительно прав, коими должны пользоваться купцы 3-й гильдии, когда на их имя доставлены будут товары из Царства Польского»⁸⁸. Совет министра торговлю с Королевством Польским приравнивал к торговле с иностранными государствами, ибо между Россией и Королевством Польским существовала таможенная граница, и решил: «Купцам 3-й гильдии выписку товаров из Царства Польского воспретить»⁸⁹.

Таможни составляли «годовые ведомости об именах торгующих купцов». В большинстве ведомостей указывались имя и фамилия купца, из какого он города и какой гильдии, на какую сумму объявлено им привозных и вывозных товаров. В некоторых ведомостях указывалось происхождение товара, его транзитный характер, в других давались просто общие цифры. Мы проанализировали ведомости за 1828 и 1829 гг. тех таможен, где говорилось либо о торговцах из Королевства Польского, либо точно было указано, что товары направляются либо вывозятся из Королевства Польского.

Анализ ведомостей показывает, что чаще всего жители Королевства Польского провозили свои товары через Преборовскую таможню. В 1828 г., по терминологии составителей ведомости (а они за основу брали показания самих досматриваемых), через Преборовскую таможню провозили свои товары 6 помещиков, 3 шляхтича и 27 жителей Королевства Польского. Все они (кроме одного помещика) закупили товары в России общей стоимостью 1 268 438 руб. 24 коп. (На 1 226 651 руб. 59 коп. приобрели товары жители Королевства Польского, на 36 303 руб. 85 коп. — помещики, на 5482 руб. 80 коп. — шляхтичи). В Россию из Королевства Польского было провозено товаров (помещиком) на 592 руб. 20 коп.⁹⁰

В 1829 г. через ту же Преборовскую таможню шла более равномерная торговля. С польской стороны в ней участвовали 3 помещика (в том числе граф Замойский), 2 шляхтича и 32 жителя. Они привезли в Россию товаров на 253 737 руб. 40 коп., а закупили в России на 1 009 318 руб. 29 коп. Стоимость товаров, провозенных совместно русскими и польскими подданными, равнялась 402 053 руб. 40 коп. — привозных в Россию и 1 597 380 руб. 62½ коп. — отпускных⁹¹.

Итак, в 1828 г. через Преборовскую таможню проехали 36 торговцев из Королевства Польского, в 1829 г. — 37, которые в основном приобретали товары российского происхождения. Указанные в ведомости цифры не абсолютны, потому что не было гарантии в том, что все закупленные посредниками и купцами товары будут проданы, а если и проданы, то по указанной цене.

Интересны данные ведомостей по Брестской таможне, которая была одним из основных пропускных пунктов местных и транзитных товаров. В 1828—1829 гг. через Брестскую таможню проходил постоянный контингент купцов. Четыре московских купца — сыновья Кулагина, первостатейные купцы; Иван Колесов, Иосиф Ростропович, Дорофей (на смену с Андреем) Черников — все купцы 2-й гильдии. Восемь купцов из других мест (два брестских, верейский, клинцовский, радзивилловский, дубенский, заславский и бродский) также провозили свои товары дважды. В 1828 г. был купец из Белостока, не приехавший вторично. Также по одному разу проезжали купцы из уже представленных городов: Бреста, Верея, Дубны и Клинцов.

В отличие от Преборовской, через Брестскую таможню проезжали купцы из России. Географически территория распространения польских товаров, провозенных через эту таможню, весьма широка: Белоруссия, Волынь и Центральный район с Москвой. В 1828 г. через Брестскую таможню было провозено товаров⁹²: из Королевства Польского на сумму в 5 065 903 руб., в Королевство Польское — на 2 263 005 руб. 08 коп.; транзитных через Королевство Польское на 110 916 руб.; транзитных из России — на 58 555 руб.

В данном случае экспорт из Королевства Польского более чем в два раза превышает импорт, транзитная торговля сравнительно невелика. Среди купцов один — за-

славский 1-й гильдии купец Мойсей Гальперин — крупный оптовый торговец, привезший из Королевства Польского товаров более, чем на 1,5 млн. руб. и везущий из России товаров стоимостью свыше 1 млн. руб.

В 1829 г. через Брестскую таможенную было провезено товаров⁹³: из Королевства Польского на 6 535 903 руб.; в Королевство Польское — на 3 789 219 руб.; транзитных через Королевство Польское — на 141 875 руб.; транзитных из России — на 65 370 руб.

В 1829 г. записавшиеся купцы привезли больше товаров из Королевства Польского, чем из России, хотя и в меньшей степени, чем в предыдущем году. Кроме Гальперина, проезжал еще один оптовый торговец — брестский купец 2-й гильдии Иван Скворцов. В Королевстве Польском он закупил большую партию товаров почти на 2 млн. руб., но и из России повез туда товаров на миллион с лишним руб.

В 1828 г. через Парканскую таможенную заставу повез в Королевство Польское из России товаров на 55 759 руб. Андрей Шияков — приказчик варшавского и брест-литовского 2-й гильдии купца Петра Исаева⁹⁴. П. Исаев, имевший свои конторы и в Брест-Литовске, и в Варшаве, несомненно, был крупным оптовым купцом. Сам он возил товары через Брестскую таможенную. В 1828 г. он привез из Королевства Польского польских товаров на 780 632 руб., транзитных иностранных — на 5700 руб., а в Королевство Польское из России отправил товаров на 106 838 руб.⁹⁵

В 1829 г. Исаев привез из Королевства Польского товаров на 599 050 руб., транзитных иностранных на 230 руб., а отправил из России — на 255 065 руб.⁹⁶

В 1829 г. на Хорощенскую таможенную привез свои товары Санкт-Петербургский 1-й гильдии купец Андрей Матисен. В Королевство Польское он отвез товаров на 7225 руб., а привез оттуда — на 103 450 руб.⁹⁷

Просмотренные ведомости таможен показывают, что в России торговля была намного лучше налажена, чем в Королевстве Польском. В России торговлей занимались зажиточные гильдейские купцы, располагавшие большими суммами. Некоторые из них имели торговые конторы в Королевстве Польском. Среди польских купцов было много непрофессионалов, значительная часть торгующих имела небольшой капитал.

Товары из Королевства Польского в Россию и обратно можно было провозить через 11 сухопутных таможен: Брестскую (или Брест-Литовскую), Гониондскую, Гродненскую, Желтковскую, Ковенскую, Меречскую, Нурецкую, Преборовскую, Устилугскую, Хорощенскую и Цехановецкую. Таможенные округа, существовавшие на русско-польской границе, несколько раз дробились. В частности, в начале 1816 г. Полангенский таможенный округ был разделен на два: Ковенский и Брестский. Таким образом, судоходная торговля с Гданьском по Бугу шла только через Брестскую таможенную, а с Кенигсбергом и Мемелем по Неману — через Ковенскую.

В записке Гурьева в Государственный совет от 29 мая 1816 г. в связи с образованием двух новых округов указывалось: «В прежние времена по реке Бугу посредством Вислы много проходило в сих местах судов с Гданскими товарами, особливо с тяжеловесными и напитками; то употребительно выгоды торговцев поощрять и ныне сим путем пользоваться, а особливо по немалому расстоянию сего края от портов балтийских, откуда обязаны будут все вышемянованные товары и напитки приобретать сухопутно с большею невыгодою и немалыми против судоходства расходами»⁹⁸.

К 1823 г. на русско-польской границе было 10 таможен. С 1826 г. польская администрация добивалась открытия дополнительной таможни для облегчения торговых перевозок в Россию из Сейненского и Кальварийского уездов Августовского воеводства. Просьба поляков была удовлетворена, в 1829 г. была открыта Меречская таможня⁹⁹.

Больше всего товаров пропускали Брестская, Ковенская, Устилугская и Хорощенская таможенные, т. е. те пункты, через которые провозились и иностранные товары.

Ниже сделана попытка проанализировать данные годовых ведомостей таможен о «привозных из Царства Польского товарах» и об «отвозных в Царство Польское российских товарах». Эти ведомости составлялись в начале года за предыдущий год в таблице специального образца со следующими рубриками: I. Наименование товара; II. Вес или мера; III. Цена товара; IV. Поступило пошлин (эта рубрика имела не во всех ведомостях). Ведомости подлинные, подписанные начальниками таможен или специальными уполномоченными, с обязательной

пометой о том, что правильность данных ведомости сверена с записями в таможенных книгах (см. в конце главы две ведомости Ковенской таможни, наиболее типичные для таких документов).

Из сохранившихся архивных материалов наиболее полными являются данные за 1825, 1827 и 1829 гг. За 1825 г. сохранились годовые ведомости девяти таможен о товарах, привезенных из Королевства Польского, и девяти таможен о товарах, ввезенных в Королевство Польское из России¹⁰⁰. Нет ввозной ведомости Нурецкой и вывозной ведомости Брестской таможни. За 1827 г. сохранились все десять ведомостей о товарах, ввезенных в Королевство Польское¹⁰¹, и не хватает двух ведомостей (Гониондской и Преборовской) о товарах, привезенных из Королевства Польского¹⁰².

За 1829 г. есть одиннадцать ведомостей (в том числе вновь открытой Меречской таможни) о товарах, ввозимых в Королевство Польское, и недостает ведомости Гониондской таможни о товарах, вывозимых из Королевства Польского¹⁰³. Таким образом, лучше представлен импорт в Королевство Польское, так как нет данных только одной таможни. Но этот пробел весьма существен, ибо именно через Брестскую таможню проходил самый большой поток товаров. Отсутствующие данные о ввозимых из Королевства Польского менее существенны, ибо через Гониондскую, Нурецкую и Преборовскую таможни проходило сравнительно мало товаров.

Какие данные можно почерпнуть из имеющихся таможенных ведомостей? Во-первых, они дают представление о том, какие товары составляли предмет купли-продажи вообще и какие именно товары изотавливали на экспорт в воеводствах, прилегавших к данной таможне. Во-вторых, они дают представление о динамике внешней торговли Королевства Польского с Россией. В-третьих, позволяют сопоставить изменения в характере и направлении развития внешнеторговых отношений Королевства Польского и России.

Несколько слов о степени достоверности данного источника. Годовые ведомости таможен представляются источником, лишенным предвзятости. Это рабочий документ, в правильности сведений которого были заинтересованы прежде всего финансовые органы. За провоз ряда товаров взималась пошлина, являвшаяся государствен-

ной собственностью, ее размер должен был соответствовать данным, записанным в книги. С другой стороны, именно финансовый вопрос мог влиять на характер записей. Таможенные служащие могли присваивать себе часть взысканной с купцов суммы и поэтому занижать сведения об объеме или количестве провозимых товаров или, наоборот, более высоко оценивать товар, чтобы взыскать более высокую пошлину и таким образом проявить свое служебное рвение.

Думается, что искажения, допускавшиеся сознательно при составлении первоначального рабочего реестра, не могли быть значительными, принципиально менявшими действительную картину. При анализе ведомостей нужно учитывать иное обстоятельство. Нельзя сопоставлять данные о торговых отношениях между Королевством Польским и Россией, учитывая только цены товаров. За однозначный товар одинакового качества проставлялась разная цена в зависимости от сезонной конъюнктуры в стране вообще либо в местности, где была расположена таможня. Отсюда следовало бы сделать вывод о том, что более объективным показателем является объем экспортируемого товара.

Но и этот показатель не может служить единственным мериллом, так как нет возможности один и тот же вид товара подогнать под одинаковое качество. В ведомостях указывается вес товара и цена и часто нет никакой возможности объяснить, почему тот или иной товар при одном и том же весе в несколько раз дороже или дешевле. Можно только догадываться, что одна партия — тонкорунные овцы, другая — простые, что в одном случае под наименованием «металлические изделия» скрываются железные скобы, в другом — замки или сельскохозяйственные орудия и т. п. Иными словами, нельзя принимать за абсолют ни цифровые показатели объема экспортируемого товара, ни денежное выражение его стоимости.

Ниже рассматриваются и те, и другие показатели, чтобы проследить динамику товарооборотов. Причем надо помнить, что данные неполны, не включают товары, провезенные не сухопутным путем, а также товары, подлежащие ревизии в таможнях (провезенные в «казенном транспорте»), по каким-либо причинам не отмеченные таможенными досмотрщиками. Есть возможность сравнить официальные польские данные с материалами русских

таможен об экспорте в Россию скота в 1827 г. Материалы, приведенные в черновике отчета Государственного совета Королевства Польского о деятельности в 1827 г.¹⁰⁴, почти не отличаются от сведений таможен за тот же период.

Основной поток товаров из Королевства Польского шел через Брестскую, Ковенскую, Устилугскую, Хорощанскую и Цехановецкую таможи. Через них провозили шерсть и шерстяные изделия, железо и металлические изделия, прогоняли скот. Зерно не поступало только на Устилугскую таможню, видимо, потому, что товары оттуда шли на юг России, где зерно не имело сбыта. Через все эти таможи, кроме Ковенской, провозили янтарь и изделия из янтаря. Через Брестскую, Ковенскую, Устилугскую и Хорощанскую таможи провозили музыкальные инструменты различного типа, от фортепиано до флейт и медных труб.

На Брестскую таможню большими партиями поступали изделия из дерева и металла, различные краски и химические препараты, экипажи, коляски и кареты, сита; на Ковенскую — лен и льняные изделия; на Устилугскую — металлы и металлические изделия, кареты, сита; на Хорощанскую — кожаные и льняные изделия, оптические стекла и астрономические инструменты, краски; на Цехановецкую — продукты питания.

Остальные таможи пропускали сравнительно небольшие партии товаров: продукты питания, зерно, скот, шерсть-сырец. Несколько слов о прохождении товаров из Королевства Польского через те таможи, о которых не сохранилось полных данных. Через Гониондскую таможню в 1825 г. было провезено рыбы, скота и янтаря на 3527 руб. 25 коп. Через Нурецкую в 1827 г. провезли 284 пуда шерсти-сырца на 7035 руб.; в 1829 г. — скота, зерна, шерсти-сырца и картофеля (87 четвертей на 113 руб.) в общей сложности на 9783 руб. 50 коп. Через Преборовскую таможню прогоняли только овец: в 1825 г. 140 овец на 2660 руб.; в 1829 г. — 852 овцы на 2726 руб. 40 коп. Таким образом, говоря об экспорте товаров из Королевства Польского через сухопутные таможи, надо помнить, какие товары обычно провозились через таможи вообще.

Поскольку через Гониондскую, Нурецкую и Преборовскую таможи провозили немного товаров, отсутствие их ведомостей — не очень большая потеря. Напротив, отсут-

ствие ведомости о вывозе товаров из России в 1825 г. через Брестскую таможню — весьма существенный пробел. Достаточно сказать, что в 1827 г. через нее прошли товары на 3 045 049 руб. 92 коп., а в 1829 г. — на 3 748 390 руб. 18 коп.

Основными предметами обмена Королевства Польского с Россией были: кожи, скот, зерно, шерсть и шерстяные изделия, льняные и хлопчатобумажные изделия, железо и металлические изделия. На с. 259 сведены данные таможен о торговле кожами и кожаными изделиями. Пошлину взимали за провоз из России необработанных кож, а из Королевства Польского кожаных изделий. Кожаных изделий из Королевства Польского было вывезено в 1829 г. 50 пудов. Данные свидетельствуют о том, что экспорт кож из Королевства Польского не играл существенной роли во внешнеторговых оборотах с Россией, зато импорт кож из России характеризовался ярко выраженной тенденцией к увеличению.

За провоз скота из России купцы уплачивали пошлину, из Королевства Польского провозили свободно. Сведения таможен (см. с. 259) говорят о том, что экспорт волов и коров, а также овец и коз из Королевства Польского в 1827 и 1829 гг. резко увеличился по сравнению с 1825 г. при одновременном увеличении экспорта из России. Причем экспорт из России волов намного превышал экспорт из Королевства Польского. Овец поляки продавали меньше, но лучших пород, о чем говорит разница в ценах. В 1827 г. из Королевства Польского было продано овец на большую сумму, чем закуплено в России.

На с. 260 собраны данные о торговле зерном. Зерно провозилось беспошлинно. Экспорт пшеницы из Королевства Польского в рассматриваемый период сокращается при резком увеличении импорта. Экспорт ржи, овса и ячменя значительно возрастает. Импорт этих культур из России сокращается к 1829 г.

Экспорт из Королевства Польского шерсти-сырца (см. с. 261) в 1829 г. (по сравнению с 1827 г.) значительно сократился. Современники этот факт объясняли бурным ростом отечественной шерстяной промышленности¹⁰⁵. Экспорт шерстяных тканей и изделий из Королевства Польского в Россию резко увеличился.

Льняные и конопляные изделия, а также шелк и шелковые ткани Королевство Польское по преимуществу им-

портировало из России. К 1829 г. импорт льняных изделий несколько сократился, а шелковых увеличился (см. с. 262—263).

Хлопок-сырец и хлопчатобумажные изделия Королевства Польское могло только импортировать. В табл. на с. 263, отражающей экспорт хлопчатобумажных изделий из России, нет данных за 1825 г., так как эти изделия в большом количестве провозили через Брестскую таможенную, а ее ведомость за 1825 г. отсутствует. Экспорт хлопчатобумажных изделий из России, поддержанный протекционистской политикой правительства, проявлял тенденцию к значительному увеличению.

Металлы и металлические изделия, вывозимые из Королевства Польского, облагались пошлиной, из России вывозились свободно. Экспорт железа и стали из Королевства Польского (см. с. 264), так же как и изделий из них, увеличился в несколько раз. Приведенные на с. 264 данные неполны, так как в них не занесены сведения об экспорте из Королевства Польского таких металлических изделий, как различные машины. При составлении вывода на с. 264—265 пришлось пользоваться терминологией источника, и часто нельзя было расшифровать, что скрывается под определением «машин разных». Экспорт машин из Королевства Польского, сильно возросший в 1827 г., незначительно снизился в 1829 г.

Итак, в 1825—1829 гг. особенно сильно увеличился экспорт из Королевства Польского в Россию изделий польской шерстяной и металлообрабатывающей промышленности. Увеличился также экспорт некоторых видов зерна и овец. В целом данные годовых ведомостей таможен подтверждают вывод о том, что после заключения русско-польского торгового договора 1822 г. роль торговых связей с Россией во внешнеторговых оборотах Королевства Польского значительно возросла.

Торговля кожами

Вид товара	1825 г.		1827 г.	
	Экспорт: из России пудов	из России цена в руб.	из России пудов	Королевства цена в руб.
Кожки невыделанные	1374	27 541	2 482	67 803
Кожки выделанные	703	20 960	13 740	364 494
			25	385
			22	1275

1829 г.

Вид товара	Экспорт: из России пудов	Королевства цена в руб.
Кожки невыделанные	7 032	105 259
Кожки выделанные	21 536	585 965
	17	245
	2	65

Торговля скотом

Порода скота	1825 г.		1827 г.	
	Экспорт: из России голов	из России цена в руб.	из России голов	Королевства цена в руб.
Волы, коровы, телята	16 473	814 491	20 237	1 096 380
Свиньи и поросята	2 780	24 618	7 740	135 690
Овцы и козы	4 535	15 106	8 530	33 559
Лошади	507	62 272	712	111 796
			403	33 028

1825 г.

Порода скота	Экспорт: из России голов	Королевства цена в руб.
Волы, коровы, телята	24 828	1 352 486
Свиньи и поросята	18 617	269 122
Овцы и козы	13 833	56 786
Лошади	1 365	175 799
	1100	47 504
	2	80
	3811	24 339
	249	29 839

Торговля зерном

Виды зерна	Экспорт из	1825 г.		1827 г.		1829 г.	
		четвертей	цена в руб.	четвертей	цена в руб.	четвертей	цена в руб.
Пшеница	России	433	3 301	3 146	28 107	32 573	400 201
	Королевства Польского	7189	101 248	6 010	90 285	2 522	38 870
Рожь	России	1663	6 612	42 265	275 803	20 022	117 359
	Королевства Польского	8098	71 115	212	2 070	22 148	200 292
Овес	России	4053	13 599	18 080	89 082	9 810	39 246
	Королевства Польского	6660	36 238	3 695	20 027	57 208	302 401
Ячмень	России	587	1 725	12 532	76 852	2 337	12 243
	Королевства Польского	492	3 574	418	3 397	12 625	92 240

260

Торговля шерстью

Наименование товара	1825 г.				1827 г.			
	Экспорт: из России		Королевства		Экспорт: из России		Королевства	
	пудов	цена в руб.	пудов	цена в руб.	пудов	цена в руб.	пудов	цена в руб.
Шерсть сырец	19 295	250 086	1 264	52 780	9983	106 492	6 986	188 960
Шерсть пряденая	—	—	—	—	31	2 035	—	—
Шерстяные ткани	—	—	34 990	5 051 299	—	—	51 050	7 239 364
Шерстяные изделия	317	4 617	—	—	233	22 116	178	37 245

Наименование товара	1829 г.			
	Экспорт: из России		Королевства	
	пудов	цена в руб.	пудов	цена в руб.
Шерсть сырец	13 849	158 310	2 846	81 708
Шерсть пряденая	25	2 000	—	—
Шерстяные ткани	60	950	64 100	8 421 485
Шерстяные изделия	247	27 035	422	70 541

261

Торговля льном, коноплей и шелком

Наименование товара	Экспорт из	1825 г.		1827 г.	
		Вес	цена в руб.	вес	цена в руб.
Лен и конопля:					
сырец	России	480 берк 11 пуд.	20 725	1019 берк 6254 пуд.	38 721
	Королевства Польского	—	—	1187 пуд.	7 201
ткани	России	—	—	2346 пуд.	88 417
	Королевства Польского	—	—	—	—
изделия	России	6627 пуд.	35 161	2740 пуд.	17 202
	Королевства Польского	1 пуд.	720	—	—
Шелк:					
сырец сученый	России	—	—	9 пуд.	12 678
	Королевства Польского	—	—	—	—
ткани	России	—	—	72 пуд.	36 428
	Королевства Польского	—	—	—	—
изделия	России	83 пуд.	45 324	15 пуд.	21 614
	Королевства Польского	—	—	1 фунт	50

Продолжение

Наименование товара	экспорт из	1829 г.	
		вес	цена в руб.
Лен и конопля сырец	России	6 берк. 11 029 пуд.	59 828
	Королевства Польского	120 пуд.	1 200
ткани	России	4 858 пуд. 1710 аршин	179 527
	Королевства Польского	—	—
изделия	России	2151 пуд	43 112
	Королевства Польского	—	—
Шелк:			
сырец	России	89 пуд.	37 894
	Королевства Польского	—	—
ткани	России	102 пуд.	45 219
	Королевства Польского	—	—
изделия	России	23 пуд.	12 656
	Королевства Польского	13 фунт	530

*Торговля хлопком и хлопчатобумажными изделиями
(экспорт из России)*

Наименование товара	1825 г.		1827 г.		1829 г.	
	пудов	цена в руб.	пудов	цена в руб.	пудов	цена в руб.
Сырец	26	640	399	8880	26	408
Ткани	—	—	3200	654 702	2352	456 845

*Торговля металлом
(железо, чугун, сталь)*

Виды товара	1825 г.		Королевства		1827 г.		Королевства	
	Экспорт: из России пудов	цена в руб.	пудов	цена в руб.	Экспорт: из России пудов	цена в руб.	пудов	цена в руб.
В листах, полосах, штабах	49	485	11 233	66 400	6994	68 248	35 764	184 011
Изделия	672	25 644	111	1 950	1612	73 120	358	7 052

Виды товара	1829 г.		Королевства	
	Экспорт: из России пудов	цена в руб.	пудов	цена в руб.
В листах, полосах, штабах	8265	103 142	45 740	212 876
Изделия	2570	81 933	1 846	25 412

Экспорт машин из Королевства Польского в Россию

Типы машин	1825 г.			1827 г.			1829 г.		
	штук	цена в руб.	таможня	штук	цена в руб.	таможня	штук	цена в руб.	таможня
Разные	13	8830	Брест	12	2750	Ковна	—	—	—
К суконным фабрикам	—	—	—	3	700	Брест	—	—	—
Постригальные для суконной фабрики	—	—	—	—	—	—	4	1700	Брест
Чесальные	2	1000	Цехановец	—	—	—	—	—	—
Принадлежащие к фабрикам	—	—	—	—	—	—	2	1860	Хороща

Окончание

Типы машин	1825 г.			1827 г.			1829 г.		
	штук	цена в руб.	таможня	штук	цена в руб.	таможня	штук	цена в руб.	таможня
Точильных железных с прибором	—	—	—	—	—	—	2	1200	Брест
Чугунные	—	—	—	—	—	—	1	380	Ковна
Для фабрик художеств и ремесел	—	—	—	12	5640	Хороща	—	—	—
Земледельческие	3	380	Хороща	—	—	—	—	—	—
Для хлебопашества	2	1250	Устилуг	18	6770	Брест, Устилуг	19	5920	Брест
Для хлебопашества и фабрик	—	—	—	—	—	—	14	4 400	Устилуг
Железных для делания масла	—	—	—	1	100	Брест	—	—	—
Для делания масла конопляного	—	—	—	—	—	—	1	150	Брест
Для резания сечки	—	—	—	2	600	Брест	—	—	—
Итого:	20	11 460		48	16 560		43	15 610	

Годовая ведомость о привозных из Царства Польского товарах
Ковенской таможи за 1827 г. 106

Наименование товара	Вес или мера	Цена	Поступило пош- лин
Эполетов штаб-офицерских	4 фунта 26 золот.	»	92 ³ / ₄ к.
Локон с черепаховым гребнем	9 золотн.	»	3 р. ³ / ₄ к.
Географических карт	3181 шт.	6 841 р.	без
Лакированных ламп с бронзою	2 шт. 15 фунтов	»	1 р. 62 к.
Фортепиан	7 шт.	4 200 р.	45 р. 36 к.
Карета	1 шт.	3 000 р.	9 р.
Кирпича	5000 шт.	150 р.	без
Книг в переплете	64 шт. 37 ф.	120 р.	13 р. 32 к.
Книг без переплета	2 250 штук	1 000 р.	без
Льну нечесаного	1186 пуд. 30 ф.	7 201 р. 50 к.	без
Лошадей	295 шт.	29 025 р.	—
Машии разных	12 шт.	2 750 р.	—
Металлических сабель	2 шт. 6 фунт.	»	86 ¹ / ₂ к.
Музыкальных нот	659 тетрадей	910 р.	без
Шкурок бараньих	750 шт.	375 р.	—
Невыделанных перьев к женским уборам	3 фун. 69 золот.	500 р.	3 р. 24 к.
Посуды глиняной низкого сорта	—	490 р. 80 к.	без
Башмаков женских	8 ³ / ₄ фун.	100 р.	16 ¹ / ₂ к.
Седел с прибором	3 шт.	—	1 р. 74 ³ / ₄ к.
Волов	847 шт.	42 350 р.	без
Коров	60 шт.	1 830 р.	—
Подтелков	24 шт.	240 р.	—
Боровов	6 шт.	150 р.	—
Овец	453 шт.	1 569 р.	—
Яблок свежих	229 четвертей	1 246 р.	—
Пшеницы	5 953 четв.	89 330 р.	—
Ржи	197 четв.	1 970 р.	—
Гороху	1 четв.	12 р.	—
Овса	3 695 четв.	20 027 р.	—
Ячме	418 четв.	3 397 р.	—
Солоду	8 четв.	64 р.	—

Окончание

Наименование товара	Вес или мера	Цена	Поступило пош- лин
Муки пшеничной	899 четв.	13 350 р.	—
Муки ржаной	728 четв.	7 280 р.	—
Круп ячменных	168 четв.	1 907 р.	—
Круп гречневых	7 четв.	96 р.	—
Хмелю	20 пуд.	80 р.	—
Цветов искусственных	5 ³ / ₄ фунт.	260 р.	1 р. 62 к.
Сукна разноцветного	3 722 куса 89 324 ¹ / ₂ фунт.	323 830 р.	9649 р. 49 ³ / ₄ к.
Черкасу	32 куса 191 фунт	1 310 р.	20 р. 63 к.
Шляп женских соломенных	6 ¹ / ₂ фунта	230 р.	6 р. 80 ¹ / ₂ к.
Итого	—	568 891 р. 30 к.	9937 р. 11 ¹ / ₂ к.

Годовая ведомость об отвозных в Царство Польское российских
товарах Ковенской таможи за 1827 г. 107

Наименование товара	Вес или мера	Цена	Поступило пош- лин
Бумаги хлопчатой (сырца)	54 пуд. 32 ф.	790 р.	9 р. 89 ³ / ₄ к.
Бумажных изделий:			
платков бумажных	377 шт.	704 р. 31 к.	
деликатону черного	1 кусок 44 аршин	44 р.	
нанки	6 кус. 288 арш.	102 р. 38 к.	
холстинки	2 кус. 101 ³ / ₄ аршин	57 р. 29 к.	
каролину	1 кусок 47 ¹ / ₂ аршин	23 р. 27 к.	
Материи на жилеты	2 куса 8 арш.	8 р.	
Деревянной посуды	—	175 р.	
Образов, оливою писанных	37 шт.	111 р.	
Извести	675 пуд.	120 р.	
Книг на польском, литовском и латинском языках	5349 шт.	2898 р.	

Продолжение

Наименование товара	Вес или мера	Цена	Поступило пошлин
Кож невыделанных:			
воловых	235 штук	1234 р.	333 р. 22 к.
	95 пуд. 19 ф.		
козловых	62 шт. 6 пуд. 4 ф.	64 р.	17 р. 57 к.
Мерлушек	33 пуд. 18 ф.	5078 р.	93 р. 82 1/4 к.
Конской гривы	428 п. 36 ф.	1836 р.	
Краски белил	97 п. 1 ф.	1400 р.	
Ножек бараньих	294 п. 10 ф.	245 р.	
Льну нечесанного	98 п. 20 ф.	235 р.	
Ниток льняных небеленых	1 п. 26 ф.	25 р.	
Пеньки	144 п. 21 ф.	601 р. 50 к.	
Бревен сосновых	120 шт.	200 р.	
Лошадей (кобыл)	2 шт.	2150 р.	72 р.
Меди старой в лому	781 п. 33 1/2 ф.	25 957 р. 42 к.	
Медной посуды винокурной	42 п. 35 ф.	1 888 р.	
Железа полосового	222 п. 28 1/2 ф.	1 740 р. 30 к.	
Железа шпигного	6 п. 26 ф.	64 р.	
Железа листового	3 п. 20 1/2 ф.	54 р. 70 к.	
Железа в деле	12 п. 30 ф.	170 р.	
Железа старого в лому	6 п. 24 ф.	10 р.	
Проволоки железной	7 ф.	1 р. 50 к.	
Сковород	2 п. 21 ф.	33 р.	
Наковальни	8 п. 5 ф.	71 р. 33 к.	
Чугуну в деле	172 п. 17 1/2 ф.	829 р. 50 к.	
Стали	64 пуд. 27 1/2 ф.	681 р.	
Свинца не в деле	12 п. 28 ф.	104 р.	
Мерлушек выделанных	9 п. 23 1/2 ф.	1 650 р.	
Хорьковых шкурок	7 п. 28 1/2 ф.	950 р.	

Продолжение

Наименование товара	Вес или мера	Цена	Поступило пошлин
Лисьих шкурок	3 ф.	50 р.	
Норковых шкурок	19 ф.	85 р.	
Заячьих шкурок	10 п. 37 1/2 ф.	905 р.	
Лисьих хребтов	1 пуд. 9 1/4 ф.	770 р.	
Собачьих шкур	21 ф.	18 р.	
Мехов:			
белчьих	4 шт. 2 ф.	32 р.	
лисьих	4 1/2 шт., 28 1/2 ф.	365 р.	
заячьих	6 шт., 1 п. 8 1/2 ф.	96 р.	
кошачьих	3 шт., 18 ф.	36 р.	
бараньих	94 шт., 9 п. 4 ф.	766 р.	
Масла конопляного	2 пуд.	16 р.	
Масла анисового	9 ф.	55 р.	
Медя сырца	50 п. 9 1/2 ф.	678 р.	
Мыла простого	1196 пуд. 39 1/4 ф.	11 958 р. 6 к.	
Медя липцу	25 бутылок	30 р.	
Перьев писчих	45 п. 18 1/2 ф.	716 р.	
Сельдей соленых шведских	2 бочки	120 р.	
Икры свежей	18 фунт.	25 р.	
Рогов скотских	740 п. 25 1/2 ф.	1 721 р. 50 к.	
Сала ворванного	19 п. 33 ф.	181 р.	
Свечей сальных	155 п. 12 1/2 ф.	2 066 р. 10 к.	
Сбрун конской, хомутов	9 п. 3 ф.	370 р.	
Стекол оконных	4 пуд.	50 р.	
Стеклянных бутылок	3 п. 34 ф.	20 р.	
Семян льняного	11 1/2 четв.	150 р.	
Изюму	5 п. 29 ф.	60 р.	
Муки картофельной	2 п. 4 ф.	30 р.	
Чаю	4 фунт.	40 р.	7 1/4 к.
Черепицы кровельной	3 000 шт.	120 р.	
Шелку сученого	22 ф.	179 р.	

Наименование товара	Вес или мера	Цена	Поступило пошлин
Платков шел- ковых	48 шт.	112 $\frac{1}{2}$ р.	
Парчи с мишу- рою	7 кусков, 21 $\frac{1}{4}$ ф.	51 р.	
Позументов	4 куска, 200 арш.	200 р.	
Шерсти овечьей сырца)	25 п. 8 ф.	330 р.	
Шерсти пряде- ной	26 ф.	43 р.	
Щетины	498 п. 37 ф.	12 162 р.	
Итого	—	86.913 р. 66 к.	526 р. 58 $\frac{1}{4}$ к.

- ¹ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1819 г., д. 85, л. 3.
- ² Smolka S. Polityka Lubeckiego przed powstaniem listopadowym. Kraków, 1907, t. II, s. 364.
- ³ AGAD, z. 1RS, N 122, s. 484.
- ⁴ AGAD, kanc. Nowos., N 297, s. 41.
- ⁵ AGAD, kanc. Nowos., N 296, s. 1.
- ⁶ AGAD, z. 1RS, N 127.
- ⁷ AGAD, kanc. Nowos., N 296, s. 143—144.
- ⁸ AGAD, z. 1RS, N 127, s. 520.
- ⁹ AGAD, kanc. Nowos., N 299, s. 2.
- ¹⁰ AGAD, kanc. Nowos., N 299, s. 9.
- ¹¹ Strzeszewski Cz. Handel zagraniczny Królestwa Kongresowego (1815—1830). Lublin, 1937, s. 86—87.
- ¹² Strzeszewski Cz. Handel..., s. 86—87.
- ¹³ AGAD, kanc. Nowos., N 296, s. 103—104.
- ¹⁴ AGAD, kanc. Nowos., N 296, s. 103—104.
- ¹⁵ AGAD, kanc. Nowos., N 296, s. 83.
- ¹⁶ AGAD, kanc. Nowos., N 296, s. 135.
- ¹⁷ AGAD, kanc. Nowos., N 299, s. 6—7.
- ¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1819 г., д. 85, л. 6.
- ¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1819 г., д. 85, л. 7.
- ²⁰ AGAD, kanc. Nowos., N 299, s. 191.
- ²¹ AGAD, kanc. Nowos., N 299, s. 45.
- ²² Брестский и Ковенский таможенные округа были образованы в марте 1816 г. путем дробления Палангского (Палангенского) таможенного округа (ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1816 г., д. 40, л. 2).
- ²³ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1821—1822 г., д. 61, л. 1 об.
- ²⁴ AGAD, z. 1RS, N 115, s. 313.
- ²⁵ AGAD, z. 1RS, N 115, s. 409.
- ²⁶ Ajzen M. Polityka gospodarcza Lubeckiego (1821—1830). Warszawa, 1932, s. 93.
- ²⁷ AGAD, kanc. Nowos., N 301, s. 1.
- ²⁸ AGAD, kanc. Nowos., N 301, s. 1.

- ²⁹ AGAD, kanc. Nowos., N 301, s. 4.
- ³⁰ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 67.
- ³¹ AGAD, z. 1RS, N 136, s. 125.
- ³² AGAD, z. 1RS, N 116, s. 11.
- ³³ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 85.
- ³⁴ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 120—123.
- ³⁵ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 125—128.
- ³⁶ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 214—217.
- ³⁷ Сумма вычислена на основании таблиц из кн.: Strzeszewski Cz. Handel..., s. 120—123, 125—128, 214—217.
- ³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1822 г., д. 18, л. 2 об.
- ³⁹ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 73.
- ⁴⁰ AGAD, z. KRPIs, N 1796.
- ⁴¹ Jezierski A. Handel zagraniczny Królestwa Polskiego. Warszawa, 1967, s. 19.
- ⁴² Strzeszewski Cz. Handel..., s. 74.
- ⁴³ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 106.
- ⁴⁴ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 77.
- ⁴⁵ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 78.
- ⁴⁶ Smolka S. Polityka..., t. II, s. 384.
- ⁴⁷ Smolka S. Polityka..., t. II, s. 387.
- ⁴⁸ Smolka S. Polityka..., t. II, s. 388.
- ⁴⁹ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 143.
- ⁵⁰ Ajzen M. Polityka..., s. 107.
- ⁵¹ Ajzen M. Polityka..., s. 113.
- ⁵² Strzeszewski Cz. Handel..., s. 143—144.
- ⁵³ Цит. по кн.: Smolka S. Polityka..., t. I, s. 360.
- ⁵⁴ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 102.
- ⁵⁵ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 103—104.
- ⁵⁶ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 103.
- ⁵⁷ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 120—123.
- ⁵⁸ Ajzen M. Polityka..., s. 135.
- ⁵⁹ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 105.
- ⁶⁰ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 105.
- ⁶¹ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 125—128.
- ⁶² AGAD, z. KRPIs, N 1635 (Данные по материалам сводной таблицы).
- ⁶³ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 101.
- ⁶⁴ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 214—217.
- ⁶⁵ Strzeszewski Cz. Handel..., s. 85.
- ⁶⁶ AGAD, z. 1RS, N 149, s. 79.
- ⁶⁷ AGAD, z. 1RS, N 149, s. 78—79.
- ⁶⁸ AGAD, z. KRPIs, N 1401.
- ⁶⁹ AGAD, z. KRPIs, N 1401.
- ⁷⁰ AGAD, z. KRPIs, N 1401.
- ⁷¹ AGAD, z. KRPIs, N 1401.
- ⁷² AGAD, z. KRPIs, N 1401.
- ⁷³ AGAD, z. KRPIs, N 1401.
- ⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1827 г., д. 84, л. 2.
- ⁷⁵ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1827 г., д. 84, л. 4.
- ⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1827 г., д. 84, л. 7 об.
- ⁷⁷ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1827 г., д. 84, л. 7 об.
- ⁷⁸ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1827 г., д. 84, л. 13.

- ⁷⁹ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1827 г., д. 84, л. 5—6.
⁸⁰ AGAD, z. KRPIs, N 1635.
⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 42, 1828 г., д. 3, л. 10 об.—11
⁸² AGAD, z. KRPIs, N 1401.
⁸³ *Bajer K.* Przemysł włókienniczy na ziemiach polskich od początku XIX w. do 1939 r. Łódź, 1958, s. 82.
⁸⁴ *Rynkowska A.* Działalność gospodarcza władz Królestwa Polskiego na terenie Łodzi przemysłowej w latach 1821—1831. Łódź, s. 140.
⁸⁵ *Koszutski S.* Rozwój przemysłu wielkiego w Królestwie Polskim. Warszawa, 1901, s. 99.
⁸⁶ *Gąsiorowska N.* Z dziejów przemysłu w Królestwie Polskim 1815—1918. Warszawa, 1965, s. 76.
⁸⁷ *Rutkowski J.* Historia gospodarcza Polski. Poznań, 1950, t. II, s. 107.
⁸⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 39, 1828 г., д. 15, л. 158.
⁸⁹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 39, 1828 г., д. 15, л. 158 об.
⁹⁰ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1829 г., д. 1015, л. 139—140.
⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1830 г., д. 1016, л. 448—450.
⁹² ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1829 г., д. 1015, л. 142—143.
⁹³ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1830 г., д. 1016, л. 452—453.
⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1829 г., д. 1015, л. 171.
⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1829 г., д. 1015, л. 142.
⁹⁶ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1830 г., д. 1016, л. 452.
⁹⁷ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1830 г., д. 1016, л. 455.
⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1152, т. 1, 1816 г., д. 40, л. 11 об.
⁹⁹ AGAD, z. KRPIs, N 1401.
¹⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1826 г., д. 1075.
¹⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1828 г., д. 1076.
¹⁰² ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1828 г., д. 1014.
¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1830 г., д. 1016.
¹⁰⁴ AGAD, z. IRS, N 146, s. 185.
¹⁰⁵ AGAD, z. IRS, N 146, s. 186.
¹⁰⁶ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1828 г., д. 1014, л. 1—4.
¹⁰⁷ ЦГИА СССР, ф. 19, оп. 3, 1828 г., д. 1076, л. 2—4.

Демографическая ситуация
в Королевстве Польском в 1815—1830 гг.

Социальная структура
польского общества

15 лет — слишком короткий период для серьезных изменений в демографической ситуации. И тем не менее за эти 15 лет: 1) Население увеличилось на 30%, или на 1 млн. человек: с 3 млн. 200 тыс. в 1815 г. до 4 млн. 200 тыс. в 1830 г.¹; 2) Заметно изменилась структура расселения населения, а именно: а) изменилось соотношение между городским и сельским населением: в 1816 г. городское население составляло 19,4%, в 1827 г. — 21,5%²; б) изменилось соотношение между количеством населения в различных частях Королевства Польского. Последнее соотношение менялось в зависимости от темпов прироста населения в различных воеводствах, во-первых, и от направленности внутренних и частично внешних миграций, во-вторых; 3) Одновременно претерпела достаточно заметные изменения социальная структура общества. Социальную мобильность населения в этот период характеризуют процессы, типичные для генезиса социальных структур капиталистического общества.

Остановимся на каждой из этих позиций. Своего рода демографический взрыв, переживаемый Королевством Польским в 1815—1830 гг., не был исключительным явлением. XIX в. для многих европейских стран был временем бурного роста населения, связанного с сокращением эпидемий, развитием сельского хозяйства, общим оживлением экономической деятельности. Для Королевства Польского большое значение имел переход от периода непрерывных войн и нестабильности к мирной жизни. Сравнительная устойчивость в положении населения привела к значительному увеличению рождаемости. За пятилетие (с 1823 по 1828 г.) рождаемость превысила смертность на 281 330 человек³.

Темпы прироста населения в Королевстве Польском не были стабильными. Слабее был прирост между 1819 и 1823 гг. — около 66 тыс. человек в год (примерно 2%); наибольший прирост наблюдался между 1823 и 1826 гг. — в среднем более 91 тыс. человек ежегодно (около 2,5%); наиболее низкий — в последние годы⁴.

Кроме естественного прироста населения росту населения способствовала иммиграция в Королевство Польское поляков и иностранцев из соседних государств. Иммиграция началась сразу же после войн и продолжалась с разной степенью интенсивности в течение всего рассматриваемого периода, как об этом могут свидетельствовать имеющиеся, хотя и отрывочные данные. С 1816 г. по 1 августа 1817 г. из-за границы в Королевство Польское прибыло 1608 человек, которых административные власти поселили в национальных имениях⁵. С 1823 по 1828 г., согласно официальной статистике, в Королевство Польское прибыло 102 653 человека⁶.

Прирост городского населения значительно обгонял темпы роста сельского населения. Например, за пятилетний период, с 1823 по 1828 г. городское население увеличилось на 125 337 человек, т. е. более, чем на $\frac{1}{7}$ часть, а сельское — на 258 646 человек, т. е. на $\frac{1}{12}$ часть⁷. В 1819—1828 гг. рост городского населения можно объяснить наплывом иностранных колонистов, ростом городов и промышленных местечек, экономической политикой правительства, особенно Любецкого.

Точное соотношение городского и сельского населения определить невозможно, так как статистикой учитывалось лишь постоянное население, а в городах было много временных жителей. Необходимо отметить, что рост городского населения не совсем точно отражал процесс промышленного развития Королевства Польского, так как часть городского населения продолжала существовать за счет земледельческого труда⁸. Современники, отмечая рост городского населения, имели в виду людей, занятых в промышленности — иммигрантов-ремесленников и сельских жителей, «переехавших в города для более определенного заработка»⁹.

Интенсивность внутренних миграций была различной в отдельные периоды в разных частях страны. Локальные особенности зависели от темпов роста промышленности, степени проникновения капиталистических элемен-

тов в сельское хозяйство, процессов урбанизации в отдельных воеводствах. Рост населения в более развитых в промышленном отношении юго-западных воеводствах шел быстрее, чем в восточных¹⁰. Быстрый рост населения в юго-западных воеводствах был связан как с внешней иммиграцией в Королевство Польское, преимущественно в промышленные районы, так и с внутренними миграциями с востока на промышленный запад.

Самый высокий процент прироста городского населения приходится на Мазовецкое (72,5%), Плоцкое (63,2%) и Калишское (63%) воеводства¹¹. Польский исследователь Г. Миссалова, детально изучив вопрос о причинах демографического роста в промышленных городах Мазовецкого и Калишского воеводств, пришла к следующим выводам: рост городов был обусловлен, во-первых, внутренней иммиграцией, направлявшейся главным образом из деревень в промышленные города; во-вторых, наплывом населения из маленьких сельскохозяйственных местечек; в-третьих, иммиграцией из польских земель, подпавших под власть других государств; в-четвертых, иммиграцией из Чехии и Саксонии и в меньшей степени — из Бранденбурга, а также спорадически из западноевропейских стран; и, наконец, естественным приростом населения¹².

Население Мазовецкого воеводства в целом увеличилось почти в два раза¹³. Здесь прежде всего нужно сказать о Варшаве — крупнейшем в Королевстве Польском административном, промышленном, торговом и культурном центре. Население Варшавы увеличивалось особенно быстрыми темпами. В 1820 г. оно составляло 100,3 тыс. человек¹⁴, к 1827 г. увеличилось до 131 тыс., причем почти половина населения (63,69 тыс.) была занята в промышленности, ремесле и торговле¹⁵. Но и без учета Варшавы прирост населения в Мазовецком воеводстве был самым значительным, так же как и прирост городского населения. Число городов в воеводстве сократилось, некоторые из разряда городов перешли в разряд поселений, а часть промышленных поселений получили права городов, возникли новые промышленные центры.

Быстро росло население и в Калишском воеводстве. В 1826—1829 гг. по темпам роста населения оно вышло на первое место. Сравнительно большой была и плотность населения. Калишское воеводство в этом отношении особен-

но показательно¹⁶. Помимо того, что в нем развивались города, благоприятные условия развития сельского хозяйства способствовали росту и сельского населения. С 1810 по 1827 г. сельское население увеличилось на 24%¹⁷.

В Плоцком и Августовском воеводствах в 1810 г. была самая низкая в стране плотность населения. К 1813—1815 гг. в этих воеводствах сильно обезлюдели деревни. В первые послевоенные годы прирост населения был совсем незначителен, однако за 1819—1829 гг. население Августовского воеводства увеличилось почти в шесть раз, Плоцкого — немного меньше. В 1829 г. плотность населения там была уже выше, чем в Подляском, Сандомирском и Люблинском воеводствах¹⁸. Городское население в Плоцком воеводстве увеличивалось так же быстро, как в Калишском.

Краковское воеводство занимало первое место по плотности населения, но с течением времени темпы прироста населения уменьшались, и Мазовецкое и Калишское воеводства вышли на первое место. С 1810 по 1827 г. городское население в Краковском воеводстве увеличилось на 30%, сельское — на 14%¹⁹. Городское население в воеводстве увеличивалось за счет прибывающих из-за границы и из других воеводств. Из сельской местности чаще уезжали в города Краковского и других воеводств. Эмиграция из Краковского воеводства за границу, значительная в первые годы после Венского конгресса, неизменно превосходила иммиграцию. Позднее приток населения из-за границы фактически прекратился так же, как и выезд жителей воеводства за границу.

В последнее пятилетие 20-х годов оживилась циркуляция населения между воеводствами Королевства Польского (в особенности между Краковским и остальными воеводствами). Наиболее массовый характер миграции приняли в 1829 г. Причем, если в 1825—1826 гг. больше людей приезжало в Краковское воеводство, чем уезжало из него, то затем произошел значительный отлив населения в другие воеводства. Сравнительно медленные темпы развития промышленности в Краковском воеводстве, незначительный прогресс в сельском хозяйстве, большое расстояние от рынков сбыта, ухудшение торговых отношений с соседней Австрией не содействовали иммиграции из-за границы, а также быстрому росту городского и сель-

ского населения, повлияли на снижение плотности населения.

По имеющимся данным можно проследить за движением населения Краковского воеводства.

Годы	Прибыло из-за границы	Уехало за границу	Прибыло из других воеводства	Уехало в другие воеводства
1819 ²⁰	5307	6090	—	—
1820 ²¹	5693	6077	—	—
1823 ²²	295	692	—	—
1825 ²³	106	151	521	272
1826 ²⁴	44	134	611	440
1828 ²⁵	62	76	247	318
1829 ²⁶	116	126	4585	8160

Примерно те же демографические сдвиги характерны и для Сандомирского воеводства²⁷. Вначале прирост населения был весьма незначителен, затем несколько ускорился, но в 1826—1829 гг. снова ослабел.

Демографические процессы в Люблинском и Подляском воеводствах были прямо противоположны процессам, характерным для юго-западной части страны. В первые годы после образования Королевства Польского наблюдалось резкое сокращение населения в этих районах. Уменьшение сельского населения в Люблинском воеводстве происходило несмотря на то, что земли там были плодородными и условия для сельского хозяйства лучше, чем на западе. Однако прогресс почти не затронул земледелия, заработная плата наемных сельскохозяйственных рабочих оставалась очень низкой.

Слабое развитие промышленности и городов внутри воеводства вело к тому, что после 1814 г. миграционные потоки сельского населения из Люблинского воеводства направлялись в западные. С 1810 по 1827 г. сельское население в Люблинском воеводстве увеличилось лишь на 0,6%, городское — более, чем на 36%²⁸. Часть городков, население которых было занято в сельском хозяйстве, а не в ремесле или торговле, потеряли статус города (10 городов с 1820 по 1825 г.). Потеря городками своего статуса происходила и в других воеводствах. Особенность данного процесса в Люблинском воеводстве состояла в

том, что число городов не пополнялось за счет образования новых промышленных пунктов.

В Подляском воеводстве в 20-х годах крестьяне начинают оседать на оставленных в предыдущие годы землях, вероятно, в связи с усиленным развитием животноводства, в частности с разведением рабочего скота в крестьянских хозяйствах²⁹. Сокращения населения не происходило, но темпы его прироста, как и плотность населения, были самыми низкими в стране.

Итак, западные и восточные воеводства отличались друг от друга не только по степени развития капитализма, но и по характеру демографических процессов. Последние были обусловлены экономическими переменами, происходившими в Королевстве Польском в 1815—1830 гг. Эти же экономические процессы лежали в основе сдвигов и в социальной структуре, которые можно проследить за данный период. Ниже сделана попытка определить тенденции в развитии социальных структур Королевства Польского в 1815—1830 гг. в самых общих чертах.

При изучении демографических изменений бросается в глаза значительное увеличение городского населения. Но одновременно с количественным ростом происходят и качественные изменения в социальной структуре городского населения. Это прежде всего касается промышленных центров, особенно в юго-западных воеводствах. Городом, где изменения в социальном составе населения представлены достаточно определенно, была Варшава. Население Варшавы увеличивалось ежегодно очень быстрыми темпами: в 1823 г. оно составляло 117 284 человека (без армии), в 1824 г. — 123 867, в 1825 г. — 124 863, в 1826 г. — 128 880, в 1827 г. — 130 687, в 1828 г. — 136 554 человека.

Т. е. за пять лет увеличилось на 19 270 человек³⁰, не считая временных жителей, которых в столице было особенно много. Основную массу населения Варшавы составляли трудовые слои: ремесленники, наемные рабочие, фабричные, прислуга. Население росло за счет этих групп, а также за счет мелких торговцев, чиновников, представителей свободных профессий. Варшава была крупным центром металлургической, металлообрабатывающей и текстильной промышленности. Вплоть до восстания 1830 г. в Варшаве непрерывно возникали новые предприятия и

ремесленные мастерские. В 1825 г. в Варшаве насчитывалось 5808 мануфактур и ремесленных мастерских³¹.

Рабочие мануфактур Варшавы в этот период, в отличие от конца XVIII в., были вольнонаемными³². Это был уже рабочий класс формирующегося капиталистического общества. Доля рабочих, как, впрочем, и ремесленников, в варшавском населении непрерывно увеличивалась.

Однако в этот период линия раздела между рабочими и ремесленниками не была стабильной и такой определенной, как в последующем. Многие рабочие сохраняли связи с ремеслом: работая по найму, они часто применяли старые ремесленные орудия производства; труд рабочих на небольших мануфактурах мало отличался от труда ремесленников. Точно так же и контингент ремесленников был непостоянным, часть из них разорялась и переходила к работе по найму, становилась хозяевами мастерских, применяющих наемный труд.

По данным Р. Колодзейчика, в 1825 г. в домашнем услужении находилось более 18 тыс. варшавян³³. Кроме того, в Варшаве проживало 9 тыс. фабричных³⁴. Таким образом, примерно 27 тыс. варшавян, не считая рабочих мануфактур, работали по найму. Помимо того, в Варшаве жили лица без определенных занятий, «бродяги»³⁵, часть которых временно работала по найму. Эта социальная группа городских низов, которую составляли люди без определенных занятий, пробивающиеся случайными заработками (инвалиды, живущие в больницах, бродяги и т. п.), насчитывала, по подсчетам З. Маньковского, 11 678 человек, включая 3230 инвалидов и живущих подаяниями и их семей и 8449 человек без определенных занятий³⁶.

И. Петшак-Павловска, делая подсчеты за то же время, к группе лиц без определенных занятий относит 2260 человек³⁷. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о количестве занятых на мануфактурах. Но можно определенно сказать, что общее количество варшавян, работавших по найму, значительно превосходило 27 тыс., т. е. составляло больше половины глав семей, живущих в Варшаве. Если же к ним добавить безработных («бродяг»), то вполне можно утверждать, что пролетарские и полупролетарские слои населения составляли основную массу населения столицы.

Среди мелкобуржуазных групп населения Варшавы первое место по численности, бесспорно, занимали ремесленники — социальная группа, наиболее близкая к пролетарским слоям. В 1825 г. в Варшаве насчитывалось около 11 тыс. ремесленников³⁸. Некоторое представление о той части буржуазии и мелкой буржуазии, которая была занята в торговле и банковском деле, дают цифры, приводимые Колодзейчиком³⁹:

Род занятий	Годы		
	1813	1824	1827
Банкиры, маклеры, владельцы лотерейных контор	—	53	33
Ростовщики	—	337	495
Купцы и лотошники	380	541	1401
Торговцы скотом, лошадьми и зерном	—	178	189
Торговцы табаком, шинкари, перекушники, факторы, трактирщики, владельцы кафе, корчмари, виноторговцы и пр.	—	5024	4226

В первой группе представлены в основном не представители старых варшавских купеческих родов, а представители фирм, основанных после разделов лицами польского происхождения. Численность таких фирм резко сократилась. Зато группа представителей ростовщического капитала увеличилась. Почти в три раза по сравнению с кануном образования Королевства Польского возросла численность купцов и мелких торговцев-лотошников. Число трактирщиков, шинкарей, виноторговцев и пр. несколько сократилось, очевидно, за счет расширения сети более крупных торговых заведений. В целом к этим социальным группам классов буржуазии и мелкой буржуазии — банкиров, ростовщиков, купцов и мелких торговцев — можно отнести 6100—6300 человек. Из них к мелкобуржуазным слоям относилось около 5000 человек.

Численность предпринимателей — владельцев мануфактур — оставалась незначительной: из 5808 мануфактур и ремесленных мастерских подавляющее большинство составляли ремесленные мастерские. Если же в целом оценивать варшавскую буржуазию 20-х годов XIX в. с точки зрения ее состава, то надо отметить, что доля купцов, торговцев, ростовщиков — представителей торгового и ростовщического капитала — была наибольшей, а доля предпринимательской буржуазии — незначи-

ной. Класс буржуазии находился еще на ранних этапах развития.

В Варшаве проживала какая-то часть помещиков, как служилых, так и несслужилых, очевидно, небольшая в процентном отношении.

В Варшаве была сосредоточена преобладающая часть представителей интеллигенции: художников, архитекторов, музыкантов, артистов, врачей, инженеров и т. п. Их число возрастало по мере открытия новых учебных заведений, создания культурных учреждений, расширения строительства и т. д. По данным Я. Лескевичевой, в 1826—1828 гг. в Варшаве проживало 244 человека, занимающихся умственным трудом⁴⁰. Кроме того, в Варшавском университете обучалось 500 студентов⁴¹.

Крайне неоднородной в социальном отношении была группа «общественной и частной администрации», к которой статистика относила 4290 человек⁴². В эту категорию входили как чиновники правительственных учреждений, так и частные служащие — официалисты. Численность чиновников и служащих правительственных учреждений оставалась сравнительно стабильной. В эту категорию входили служилые помещики, занимавшие высшие посты в администрации (незначительное число такого типа администраторов, как директора и советники Польского банка). Однако основная масса чиновников (по подсчетам Р. Колодзейчика, в 1824 г. в Варшаве проживало 1620 чиновников)⁴³ получала, как правило, невысокую заработную плату и была близка по социально-экономическому статусу (но не по социально-политическому и тем более — по социально-психологическому) к мелкобуржуазным слоям города. То же самое можно сказать и о дифференциации в положении частных служащих.

Подводя итоги, напомним, что в 1828 г. население Варшавы составляло 136,5 тыс. человек. Если предположить, что на одного занятого главу семьи приходилось в среднем 2—3 человека⁴⁴, то в Варшаве проживало примерно 43—45 тыс. семей. Если принять состав городской семьи меньше среднестатистического, тогда число семей составит цифру порядка 50—55 тыс. Реальная цифра семей и, следовательно, глав семей, располагается, вероятно, между этими двумя данными, т. е. между 43 и 55 тыс.

На 43—55 тыс. семей (по оценке) приходилось: а) значительно более 30 тыс. лиц наемного труда и без-

работных (прислуга — 18 тыс., výrobники — 9 тыс., от 5 до 12 тыс. безработных, какое-то, пока не поддающееся количественным оценкам, число рабочих мануфактур); б) около двух десятков тыс. мелкобуржуазных слоев (11 тыс. ремесленников, около 5 тыс. мелких торговцев и лавочников; около 4 тыс. мелких чиновников и служащих; несколько тыс. человек интеллигенции); в) довольно тонкий слой буржуазии, помещиков, крупных чиновников и крупных служащих, который составлял, вероятно, около 2 тыс. человек или немногим более. Остальные из 136,5 тыс. варшавян, — очевидно, неработающие члены семей.

В заключение можно сказать, что это была структура, типичная для крупного города европейской страны в начальной стадии развития капиталистических отношений. Для нее характерно преобладание пролетарских и полупролетарских низов, значительный удельный вес мелкобуржуазных слоев города, довольно тонкий слой буржуазии, помещиков, интеллигенции. Социальные структуры отдельных классов — пролетариата, мелкой буржуазии, буржуазии — также характерны для начального этапа развития капитализма и капиталистического общества.

Среди лиц наемного труда сравнительно низок удельный вес пролетариата мануфактур. Преобладают категории (прислуга, výrobники, лица без определенных занятий), существование которых обусловлено процессом первоначального накопления или влиянием феодальных отношений. Среди мелкобуржуазных слоев преобладают так называемые средние слои — ремесленники, мелкие торговцы; еще низок удельный вес служащих, интеллигенции, мелких чиновников. Среди буржуазии больше купцов, ростовщиков.

Определенное представление о социальной структуре Королевства Польского в целом и о социальной структуре деревни в частности дают сведения о распределении населения Королевства Польского по роду занятий и по отношению к земле. Мы располагаем сводной ведомостью, составленной в Государственном совете на основании статистических данных, поступивших из воеводств. Составители сводки не придерживались единого критерия, поэтому эти данные в полной мере не сопоставимы. Сводку дополняют рабочие материалы к годовому отчету Государственного совета Королевства Польского.

Род занятий населения ⁴⁵

Население	Главы семей	Члены семьи
Занятые в сельском хозяйстве	856 427	2 059 686
» ремеслами и искусствами	149 467	333 357
» торговлей	48 035	145 835
Вырoбники	118 995	161 193
Слуги и служанки	54 622	26 193
Частные официалисты	13 989	33 889
Учителя, юристы, врачи, артисты	3 923	11 701
Государственные чиновники	8 587	18 770
Духовенство разных исповеданий	5 448	5 466
Живущие на пенсию за выслугу	1 170	1 849
Живущие подаванием и в больницах	8 206	6 213
Заключенные	2 811	88
Не имеющие постоянной работы	12 367	
<i>Итого:</i>	<i>1 284 047</i>	<i>2 804 240</i>
<i>Всего:</i>	<i>4 088 287</i>	

Сельское население в 1828 г.

(только главы семей) ⁴⁶

Всего 856 427

В том числе:	
землевладельцев	46 255
арендаторов	4 268
чишшевиков	50 430
колонистов	8 546
крестьян-рольников (земельных)	296 472
халупников	76 472
мещан, занимающихся земледелием	93 486
Остальные главы семей, занятые в сельском хозяйстве:	
огородники	4 004
овчари	6 376
пастухи коров	2 183
Сельская челядь:	
мужского пола	149 424
женского пола	117 891

Эти данные представляют большой интерес. В первом случае отражено распределение населения Королевства Польского по роду занятий, учтено около 4,1 млн. человек, т. е. практически все население. Сведения, собранные здесь, представляют собой материал для характеристики социальной структуры польского общества в целом и ее отдельных элементов. Данные о сельском населении от-

носятся к 856 тыс. глав семей из общего числа 1 млн. 284 тыс. человек (что составляет 2/3). Они дают представление о социальной структуре сельского населения Королевства Польского, позволяют определить соотношение различных групп шляхты и крестьянства.

Начнем с анализа социальной структуры деревни или, точнее, той ее части, которая была связана с сельским хозяйством. Источник дает возможность выделить не только социальные группы по их отношению к земле, но и сгруппировать их (привлекая дополнительные данные) в социальные общности, свидетельствующие о зарождении новых классов.

Для характеристики класса крупных и средних землевладельцев важны первые две графы. В графе 1 выделена категория землевладельцев, т. е. собственников земли. Среди землевладельцев помещики, владеющие значительными земельными участками, составляли незначительное число (немногим более 4 тыс.)⁴⁷ — менее 10%.

Вторая категория — арендаторы помещичьих и государственных земель (более 4 тыс.)⁴⁸. В эту же категорию класса землевладельцев надо включить (из данных на с. 283) часть духовенства, которая владела крупными и средними земельными участками. Крупные и средние землевладельцы — самый важный класс польского общества в данный период.

Следующая социальная группа — мелкие землевладельцы, так называемая шляхта загонова. Более 32 тыс.⁴⁹ шляхты загоновой владели лишь небольшими участками земли, которую в подавляющем большинстве обрабатывали сами. Мелкие землевладельцы (шляхта загонова) — представители феодального шляхетского сословия, по своему социально-экономическому положению приближающиеся к крестьянству, по юридическому статусу и социально-психологически относящиеся к шляхте.

Социальная структура крестьянства в этот период была разнородной и сложной. Крестьяне — собственники земли — в источнике включены в графу «колонисты», их 8546 глав семей. Эта категория крестьянства ближе всего подошла к капиталистической категории сельских товаропроизводителей. Их дальнейшая капиталистическая эволюция определялась укреплением связей с рынком и в отдельных случаях — переходом к использованию наемного труда.

Следующая категория крестьян — чиншевики (50 430 глав семей), арендовавшие у помещиков земли на условиях выплаты денежной ренты. Их эволюция обуславливалась либо превращением существующих условий аренды в капиталистическую аренду, либо выкупом земли и превращением в мелких товаропроизводителей-собственников. В рассматриваемый период чиншевики выходили на рынок и как товаропроизводители, и иногда на рынок труда как наемная сила.

Наиболее многочисленный слой крестьянства — барщинные крестьяне (296 472 главы семьи), находящиеся в экономической феодальной зависимости от помещика.

Малоземельные и безземельные крестьяне — особая социальная группа сельского населения. Они являлись основным источником формирования сельскохозяйственного пролетариата и полупролетариата. Статистический материал отражает наличие среди крестьянства этих категорий. В частности, указано (см. с. 283), что в Королевстве Польском было почти 119 тыс. виробников, т. е. наемных сельскохозяйственных рабочих, лишенных земли. Составители сведений даже не включили их в состав сельского населения. Не имели земли и работали в деревне по найму овчары, пастухи, сельская челядь (275 874 главы семьи). К представителям сельского полупролетариата, т. е. наемных работников с землей, относятся халупники и огородники (почти 80,5 тыс. глав семей).

Так называемых мещан, занимающихся земледелием, трудно отнести к какой-либо одной определенной категории. Часть из них работала по найму, часть занималась ремеслом. Нет также возможности охарактеризовать ту часть сельского населения, которая не была занята в земледелии (торговцы, шинкари, мельники и пр.). Она рассматривается вместе с городским населением.

Подводя итог, можно сказать, что статистические сведения отражают начавшийся процесс капиталистической эволюции крестьянства⁵⁰.

Вторая и третья графы — т. е. занятые ремеслами, искусствами и торговлей, не позволяют делать каких-либо выводов о социальном строе польского общества в точном смысле этого слова, поскольку они объединяют капиталистических предпринимателей, купцов, торговцев, ростовщиков, т. е. различные слои буржуазии; ремесленников, мелких торговцев и лавочников, т. е. мелкобуржу-

азные слои населения; и значительную часть рабочих. Данные этих двух сводок — косвенное свидетельство степени экономического, промышленного развития Королевства Польского.

Сведения эти не дают также достаточного материала, чтобы судить о лицах наемного труда. Часть наемных работников, занятых в ремесленных мастерских и на мануфактурах, учтена во второй графе, часть — výrobники (118 995 глав семей). Но неясно, какая их часть занята в сельском хозяйстве, какая — в промышленности и ремесле. Слуги и частные официалы (68 641 глав семей) — наемные работники, находящиеся в личном услужении. Вместе с указанными выше представителями наемного труда они насчитывают до 200 тыс. глав семей, что свидетельствует о степени развития наемного труда в Королевстве Польском. К этой же категории, очевидно, следует отнести и часть лиц, учтенных в графах «не имеющие постоянной работы» и «живущие подаванием», периодически нанимающихся на работу.

В таблицах учтены также промежуточные группы: государственные чиновники (8587 глав семей), пенсионеры по выслуге лет (1170 глав семей), учителя, юристы, врачи, артисты (3923 главы семьи), т. е. представители свободных профессий, интеллигенции.

В связи с происходившим в Королевстве Польском процессом разложения феодальных отношений и развитием капиталистических происходят качественные изменения в социальной структуре населения. Промышленный подъем 20-х годов XIX в., проводимая правительством политика стимулирования отечественной промышленности и торговли, ускорившийся в связи с этим процесс первоначального накопления являлись факторами, активно воздействовавшими на перемены в социальной области. В рассматриваемый период ускорился процесс превращения сословий и классов феодального общества в классы и социальные слои буржуазного общества. Он находился еще в начальной стадии, но уже вполне определилась тенденция развития. Феодальные сословия и классы уже утратили свои характерные черты, начался их распад и выделение из их среды новых социальных групп.

- ¹ *Askenazy Sz.* Rosya — Polska, 1815—1830. Lwów, 1907, s. 78.
- ² *Kolodziejczyk R.* Kształtowanie się burżuazji w Królestwie Polskim (1815—1850). Warszawa, 1957, s. 65.
- ³ AGAD, z. 1RS, N 149, s. 41.
- ⁴ *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie i ich sprawa w dobie organizacyjnej i konstytucyjnej Królestwa Polskiego. Kraków, 1912, s. 42. Польские историки не находят причин для объяснения снижения темпов прироста населения в последние годы данного периода и стараются найти погрешности в статистических данных (*Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie..., s. 43).
- ⁵ AGAD, z. 1RS, N 114, s. 181.
- ⁶ AGAD, z. 1RS, N 149, s. 41.
- ⁷ AGAD, z. 1RS, N 149, s. 41.
- ⁸ Согласно официальной статистике, в 1828 г. в Королевстве Польском было «мещан, занятых сельским хозяйством», 93 486 глав семей, без учета членов семьи. Цифра получится немалая, если учесть, что семьи, особенно крестьянские, в те времена были многочисленными (AGAD, z. 1RS, N 149, s. 41).
- ⁹ AGAD, z. 1RS, N 149, s. 41.
- ¹⁰ В 1826 г. в юго-западных районах Королевства Польского жило 54,2% населения, в 1827 г. — 54,8% (*Kolodziejczyk R.* Kształtowanie..., s. 66).
- ¹¹ *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie..., s. 50.
- ¹² *Missalowa G.* Studia nad powstaniem łódzkiego okręgu przemysłowego. Łódź, 1964, t. 1, s. 84.
- ¹³ *Bayer K.* Przemysł w ókiennicy na ziemiach polskich XIX w. do 1939 r. Łódź, 1958, s. 47.
- ¹⁴ *Pietrzak-Pawłowska I.* Ekonomiczne warunki przemian strukturalnych w społeczeństwie Warszawy.— In: Warszawa XIX wieku 1795—1918. Warszawa, 1974, z. 3, s. 44.
- ¹⁵ *Pietrzak-Pawłowska I.* Ekonomiczne..., s. 46.
- ¹⁶ В 1828 г. на 1 миле² в Калишском воеводстве проживало 2688 человек, в Мазовецком — 2469, в Подляском — 1405. Средняя плотность населения по Королевству Польскому составляла 1894 человека на 1 миле² (AGAD, z. 1RS, N 149, s. 41).
- ¹⁷ *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie..., s. 74.
- ¹⁸ *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie..., s. 77.
- ¹⁹ *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie..., s. 85.
- ²⁰ AGAD, z. KRSWiP, N 7023, s. 179—180.
- ²¹ AGAD, z. KRSWiP, N 7024, s. 373—374.
- ²² AGAD, z. KRSWiP, N 7027, s. 309—310.
- ²³ AGAD, z. KRSWiP, N 7029, s. 301—302.
- ²⁴ AGAD, z. KRSWiP, N 7030, s. 421—422.
- ²⁵ AGAD, z. KRSWiP, N 7032, s. 306—307.
- ²⁶ AGAD, z. KRSWiP, N 7033, s. 139—140.
- ²⁷ *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie..., s. 84—85.
- ²⁸ *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie..., s. 78.
- ²⁹ *Kirkor-Kiedroniowa Z.* Włościanie..., s. 81.
- ³⁰ AGAD, z. 1RS, N 149, s. 43.
- ³¹ *Kolodziejczyk R.* Bohaterowie nieromantyczni: O pionierach kapitalizmu w Królestwie Polskim. Warszawa, 1962, s. 13.
- ³² *Łepkowski T.* Przemysł warszawski. Warszawa, 1960.

- ³³ *Kołodziejczyk R. Bohaterowie nieromantyczni...*, s. 14.
³⁴ *Kołodziejczyk R. Bohaterowie nieromantyczni...*, s. 14.
³⁵ В 1818 г. власти удалили из Варшавы 1130 «бродяг», но они возвращались вновь. Число их постоянно увеличивалось (*Kołodziejczyk R. Kształtowanie...*, s. 72).
³⁶ *Mañkowski Z. Po'ozienie ekonomiczne mas plebejskich Warszawy w przededniu i w czasie powstania listopadowego 1830/1831.*— In: *Z epoki Mickiewicza. Wrocław, 1956, s. 96.*
³⁷ *Pietrzak-Pawłowska I. Ekonomiczne...*, s. 46.
³⁸ *Kołodziejczyk R. Kształtowanie...*, s. 13.
³⁹ *Kołodziejczyk R. Z zagadnień kształtowanie się burżuazji polskiej.*— *Kwartalnik Historyczny, r. LXIII, 1956, N 1, s. 25.*
⁴⁰ *Leskiewicz J. Jeszcze o polskiej inteligencji XIX w.*— *Kwartalnik Historyczny, r. LXXII, 1965, N 1, s. 89.*
⁴¹ *Kołodziejczyk R. Kształtowanie...*, s. 171.
⁴² *Pietrzak-Pawłowska I. Ekonomiczne...*, s. 46.
⁴³ *Kołodziejczyk R. Bohaterowie nieromantyczni...*, s. 14.
⁴⁴ По данным Государственного совета, в 1828 г. все население Королевства Польского, учтенное по роду занятий, подразделялось на «главы семей» и «члены семьи» (таблица с этими статистическими данными приведена ниже). Если взять в среднем, что на одного главу семьи приходилось 2—3 члена семьи (причем в сельской местности семьи были многочисленнее).
⁴⁵ По данным Государственного совета в 1828 г. AGAD, z. 1RS, N 149, s. 41.
⁴⁶ AGAD, z. 1RS, N 149, s. 41. Таблица носит рабочий, подготовительный характер. Этим, видимо, объясняется ее некоторая неточность. При перечне категорий сельского населения по главам семей оказались неучтенными 620 человек (0,07%).
⁴⁷ См. с. 55 наст. книги.
⁴⁸ По данным 1827 г. в Королевстве Польском было 3226 арендаторов частных имений и 885 арендаторов национальных имений (*Grabbski W. Historia Towarzystwa...*, s. 357).
⁴⁹ См. с. 56 наст. книги.
⁵⁰ В. Грабский произвел подсчеты по данным Родецкого за 1827 г., положив в основу принцип землевладения. Он привел смешанные статистические сведения — о численности семей или всего человек. Грабский пришел к следующим выводам: самостоятельные сельские хозяева (независимые экономически от двора эмпфитевты и чиншевики) составляли 10% крестьян, барщинные крестьяне-хозяева — 51, малоземельные барщинные (халупники и огородники) — 12, безземельные выробики — 13%, безземельная служба — 14% (*Grabbski W. Historia wsi w Polsce. Warszawa, 1929, s. 301—302.*

Приложение

Единицы измерения, принятые в Королевстве Польском в 20-х годах XIX в.

Меры веса твердых тел

- 1 берковец = 10 пудам = 163,804 кг
 1 пуд = 40 фунтам = 16,38 кг
 1 центнер = 4 каменям = 40,55 кг
 1 камень = 25 фунтам = 10,137 кг
 1 фунт = 36 золотникам = 0,409 кг
 1 золотник = 4,265 г = 0,004 кг
 1 постав (сукна) = 23—24 фунтам = 9,407—9,816 кг

Меры веса сыпучих тел

- 1 лашт = 60 корцам = 360 пудам = 5896,80 кг
 1 корец = 6 пуд = 98,28 кг
 1 четверть пшеницы = 9,5 пуда = 155,610 кг
 1 четверть ржи = 6,5 пуда = 106,470 кг
 1 четверть ячменя = 7,25 пуда = 118,755 кг
 1 четверть овса = 5 пудам = 81,90 кг

Меры длины

- 1 препт = 2,5 сажений = 4,32 м = 432 см
 1 сажень = 3 локтям = 172,8 см
 1 локоть = 2 стопам = 57,6 см
 1 стопа = 31,368 см
 1 аршин = 0,7112 м = 71,12 см
 1 постав (сукна) = 31 локтю = 17,856 м = 1785,6 см

Меры поверхности

- 1 волюка (влука, уволока) = 30 моргам = 15,36 га
 1 морг = 0,55 га

Меры объема

- 1 пароконная фура сена = $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{10}$ куб. сажени = 0,971—1,214 м³
 1 куб. сажень = 9,712 м³

Монеты

- 1 дукат = 18 польским злотым = 3 талерам = 540 грошам = 270 коп.
 1 талер = 6 польским злотым = 180 грошам = 90 коп.
 1 польский злотый = 30 грошам = 15 коп.
 1 руб. = 100 коп.

Указатель имен

Айзен М. 17, 18, 40, 72, 122, 270, 271
 Александр I 49, 51, 54, 67, 94, 103, 110, 234, 246
 Алопеус 237
 Аскенази III. 71, 72, 286

 Бадени М. 51
 Бажиковский С. 122
 Байер К. 11, 39, 72, 214—216, 272, 287
 Байков 229
 Бартысь Ю. 10, 38, 217
 Бентковский 88
 Бернацкий А. П. 170, 172, 182
 Бжостовский К. 167, 179
 Бобиньска Ц. 221
 Богудский 170
 Братковский С. 38, 218
 Братошевский 117
 Бродовска Е. 9, 38, 218
 Бытшицкий 87

 Вайда К. 42
 Вельгорский Ю. 50, 51
 Венгленский Я. 50, 192
 Вендин 150
 Вильгельм 174
 Вирст 227, 229
 Войчицкий А. 41
 Волицкий К. 105, 152, 165, 166
 Вуйчицкий А. 41, 214
 Вульфферс П. 77
 Выбицкий Ю. 74, 102, 104

 Гали П. 175
 Гальперин М. 252
 Гауке М. 50, 143
 Гейзмар 174
 Гжималовский С. 10, 39, 217, 218
 Гиршман 169

 Гонсеровская Н. 10, 11, 38, 39, 123, 214—217, 221, 272
 Гонсеровский Л. 131
 Городынский А. 160
 Гофман Я. 83
 Грабовский Е. 40
 Грабовский С. 42, 109, 238, 246
 Грабский В. 6—8, 38, 71, 72, 122, 123, 217, 218, 288
 Градовский Р. 12, 38, 71, 122, 123, 215
 Грайбнер 227, 229
 Грен Я. К. 130
 Гродек А. 9, 17, 39, 40, 123, 217
 Грохульска Б. 41, 124
 Грынвасер Х. 9, 38, 218—220
 Гульдон З. 42
 Гуревич И. 40, 123
 Гурский Я. 13, 16, 40, 85, 121, 122
 Гурьев Д. А. 225, 228, 229, 234, 253
 Гутковский В. 87
 Данелевич И. 41
 Дзевульский 40
 Домбровский Я. 51
 Дружинин 227
 Друцкий-Любецкий Ф. К. 16—18, 40, 50, 71, 78, 79, 89, 91—101, 103—106, 109, 110, 120, 122, 135, 141, 143, 153, 162—164, 172, 175, 231, 234, 237, 238, 240, 244—246, 248, 274
 Дыленгова Х. 71
 Едлицкий Е. 13, 17, 18, 21, 39—41, 121—123
 Езерский А. 15, 38—40, 122, 271
 Езерский Я. 74, 75
 Жабко-Протопович 38, 41, 217
 Жепневска Д. 41, 72, 214

Жирард Ф. 143
 Жулташек 142, 215

Завадский С. 122
 Зайончек Ю. 51, 53, 104
 Зайончковский А. 21, 41
 Захерт В. 146
 Злотницкий С. 117, 149

Игнатович И. 21, 41, 123, 217
 Инглот Ц. 39
 Исаев П. 252

Калябинский С. 21
 Канкрин 238, 246
 Карвинский Т. 157
 Качиньская Е. 22, 39, 42, 72, 215
 Качковский С. 80
 Кеневич С. 21, 39, 41, 141
 Киевский 169
 Киркор-Кедронева З. 6—8, 38, 56, 72, 177, 192, 217—220, 287
 Клоковска А. 41
 Ковецка Е. 39, 215
 Козловский Ю. 69
 Козьян С. 176
 Колесов И. 251
 Колодзейчик Р. 12, 13, 20, 21, 38, 41, 71, 121—124, 141, 214—217, 279—281, 286—288

Конгрей 113
 Константин 50—52, 54, 70
 Копиш Т. 130, 149
 Королюк В. Д. 38
 Косим Я. 20, 21, 41, 214
 Коссецкий 246
 Костровицка И. 12, 38, 215—217, 221
 Костюшко И. И. 23, 39, 40, 42, 123
 Кошутский С. 216, 272
 Красинский Ю. 157
 Краусхар А. 15, 16, 40, 41, 121, 122
 Кремповецкий Т. 69
 Кригер 227
 Кромхемский 172
 Крысинский Д. 81—83, 86
 Кузьмин В. П. 42
 Куля В. 5, 6, 10, 12, 13, 38, 39, 41, 71, 72, 197, 199, 214, 217, 218, 220
 Куровский Н. 88
 Кухаевский Л. 172

Кухажевский В. 131
 Кшечковский К. 40, 121
 Кшижановский С. 70

Ламберт 238
 Ланг 226, 229
 Ланге А. 111
 Ланге В. 102
 Ландау З. 12, 38, 215—217, 221
 Левицкий С. 20, 41
 Лелевский А. 136, 152
 Ленин В. И. 4, 198, 205, 220
 Лентовский 102
 Лескевичова Я. 21, 39, 40, 281, 288
 Лильпоп 168
 Липоньский В. 40, 71, 121, 123, 124
 Липкевич В. 38, 217
 Лобри 227
 Лойек Е. 40
 Лубеньский К. 175
 Лубеньский Т. 172, 174
 Лукасиньский В. 70
 Лукашевич Ю. 12
 Лапковский Т. 12, 18, 21, 38, 39, 41, 216, 287
 Любецкий К. см. Друцкий-Любецкий Ф. К.
 Люблинский Ю. 69
 Любовидский М. 52, 148
 Люксембург Р. 40

Май В. 145
 Майер В. 143
 Малешевский П. 84, 102
 Мальтус 113
 Маньковский З. 41, 279, 288
 Маркс К. 4, 42, 71, 126, 129, 214
 Марцишевский Ю. 102
 Матисен А. 252
 Матушевич Т. 50, 102
 Магтвиц 157
 Мейснер 146
 Мелох М. 38, 218
 Мехович Ф. 113
 Миль 111
 Миронов В. Н. 221
 Миссалова Г. 11, 12, 21, 39, 41, 72, 214—216, 219—221, 274, 287
 Михальский Е. 15, 16, 40, 121
 Мицкевич А. 69
 Моравска К. 27

Моренгейм 110
Мостовский Т. 50, 75, 98, 99, 104,
135, 169, 174, 232

Накс 74, 75
Наполеон Бонапарт 59, 66
Невахович Л. 95
Неймарки 131
Немоевский Б. 68, 172, 174
Немоевский В. 68, 102
Нессельроде К. В. 225, 238
Николай I 70, 244
Ниртель 130
Новосильцов Н. Н. 25, 29, 35, 52,
226, 229, 231, 232

Обресков 227, 230
Околов 115
Олехновский В. 168, 172
Орловский Б. 40, 123
Островский В. 40
Островский 117

Паздур 40, 122—124, 216, 217
Пасхалис 150
Пац Л. 172, 174, 189
Пезенти А. 121
Перуновский В. 131
Петшак-Павловска И. 15, 22, 40,
279, 287, 288
Пивницкий 136
Плятер 86, 88
Познер 157
Поль 145
Потоцкий М. 102
Потоцкий С. К. 51, 67
Похилевич Д. Л. 23, 42
Прешт 192
Пшелясковский Р. 40
Пшехадзский В. 145, 148
Пширембель З. 40, 218
Пястовецкий 192

Радоневский 135, 148, 240, 248
Рамотовская Ф. 25
Рахматуллин М. А. 217
Рембелинский Р. 114, 135, 138,
141, 209
Решпан Б. 145, 146, 148
Родецкий 56
Роженова Г. 39, 122, 123, 175,
217, 218
Ростропович И. 251

Рукевич М. 69
Рундцигер 149
Рутковский Я. 38, 71, 123, 124,
141, 215, 272
Рыжковска А. 12, 123, 214—216,
220, 221, 272

Свирида И. И. 22, 42
Свитковский 74
Сенгер 130
Сенницкий 231
Сераковский К. 51
Сисмонди Ж.-Ш. 89, 113
Сказкин С. Д. 22, 42, 71
Скарбек Ф. 81, 84—87, 101, 102
Скворцов И. 252
Смит А. 79, 84, 85
Смоленска Б. 41, 56
Смоленский В. 41, 72
Смолька С. 17, 18, 40, 71, 122, 215,
270, 271
Смяловский 40, 214
Соболевский В. 51
Соболевский И. 42, 54, 223, 225,
229
Стажиньский 117
Станислав Август 51
Станкевич З. 39, 218
Сташиц С. 74, 84, 87, 99, 104, 108,
111, 135, 160, 161, 163, 164, 178,
249
Степанов З. В. 221
Стери А. 87
Стпешевский Ч. 6, 8, 13, 15, 17,
38, 40, 71, 72, 123, 141, 212, 218,
220, 221, 238, 270, 271
Суровецкий В. 18, 81—85, 88, 108
Сэй Ж.-Б. 79, 89, 113

Текль 130
Томашевский 38, 215—217, 221
Трембецкий И. 40
Трембицкий А. 170, 171, 174
Тыкля Б. 136

Ульман 160
Фидлер 146
Френкель 130, 146

Хаберман 157
Халасиньский Ю. 21
Хамерска Г. 41
Харпер А. 145, 148, 249

Хельтман В. 69
Хмура Ю. 9
Хожевский К. 10, 39, 217, 218

Цвик В. 22
Цигельский Е. 17

Чарторьские 25, 29, 121, 192
Чарторьский А. 50, 86, 87
Чепулис-Растенис Р. 21, 41, 123
Черников А. 251
Черников Л. 251
Чистозвонов А. Н. 23, 42

Шептыцкий 192
Шиманьска 39
Ширма Л. 111
Шняков А. 252

Шмоллер 141
Шольц 148
Штейнкеллер П. 41, 143
Шумский Т. 89

Щиперский А. 41

Эванс 168, 172
Эйзенбах А. 22, 122, 124
Энгельс Ф. 4, 71, 214

Якубский В. А. 24, 39, 42, 44, 71,
72
Явкул И. И. 40
Яницкий С. 88
Янович Л. 40

Оглавление

Введение

3

Глава первая

Ситуация накануне и в первые годы
после Венского конгресса

43

Глава вторая

Дискуссия о путях развития и реализации
программы экономического возрождения
Королевства Польского

73

Планы экономического развития
Королевства Польского

73

Реализация программы
Ф. К. Друцкого-Любецкого

91

Глава третья

Экономическое развитие Королевства
Польского

125

Первоначальное накопление

125

294

Развитие промышленности

134

Развитие сельского хозяйства

170

Формирование внутреннего рынка

198

Глава четвертая

Внешняя торговля.
Торговые отношения с Россией

222

Глава пятая

Демографическая ситуация
в Королевстве Польском в 1815—1830 гг.

273

Социальная структура польского общества

273

Приложение

Единицы измерения,
принятые в Королевстве Польском
в 20-х годах XIX в.

289

Указатель имен

290